

ISSN 2414-5815

Э **М** **П** **РАВ**
О
Э **К** **О** **Н** **О** **М** **И** **К** **А**
М **П** **С** **И** **Х** **О** **Л** **О** **Г** **И** **Я**

научно-практический журнал

№ 2 (5)

2016

Витебск

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

Выходит 2 раза в год
Издается с января 2015 года

2016 № 2(5)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:
А.В. Егоров

Редакционная коллегия:

В.С. Елисеев (зам. главного редактора),
И.И. Шматков (отв. за раздел «Право»),
Л.Ф. Трацевская (отв. за раздел «Экономика»),
Т.Е. Косаревская (отв. за раздел «Психология»),
В.Н. Бибило, С.Л. Богомаз,
А.А. Бочков, А.В. Бугаев,
Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич,
Д.М. Демичев, А.Г. Егорова,
Т.В. Казак, Н.В. Кухтова, С.В. Лауткина,
Г.В. Лосик, А.Н. Пастушеня,
Н.В. Сильченко, И.А. Фурманов,
В.А. Янчук, Г.А. Яшева

Редакционный совет:

С.А. Трахименко (Беларусь),
В.М. Хомич (Беларусь),
Л.В. Винницкий (Россия),
Т.В. Воронович (Беларусь),
Ю.Н. Карандашев (Польша),
Т.В. Сенько (Польша),
В.А. Моляко (Украина),
А.И. Савенков (Россия),
С.М. Шингаев (Россия)

Научно-практический журнал
«Право. Экономика. Психология»
включен в Перечень научных изданий
Республики Беларусь
для опубликования результатов
диссертационных исследований
по юридической, экономической
и психологической отраслям науки

Адрес редакции:

Московский пр-т, 33,
210038, г. Витебск, Беларусь
Тел.: +375 (212) 58-48-93,
E-mail: nauka@vsu.by
<http://www.vsu.by>

Подписано в печать 19.12.2016 г.
Формат 60 x 84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л. 12,5.
Тираж 100 экз. Заказ 165.

Издатель и полиграфическое исполнение –
учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». 210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/255 от 31.03.2014 г.

П Р А В О

- Бочков А.А.** Виктимологическая культура: теория и практика 3
Дмитриева Т.Ф. Генезис понятия криминалистического обеспечения осмотра места происшествия 9
Иванец К.М. Правовые основы ведения государственного учета инвазивных видов растений 18
Сильченко Н.В. Вопросы субординации между типичными, нетипичными и модифицированными источниками права 22
Гурщенков П.В. Правосубъектность субъектов поддержки малого и среднего предпринимательства 26
Пугачев А.Н. Особенности общесоциальных функций конституции в механизме правового регулирования 33

Э К О Н О М И К А

- Дубенецкий Н.А.** К вопросу о концепциях издержек производства в кембриджской и австрийской школах экономической теории 40
Климук В.В., Яшева Г.А. Региональная ресурсоэффективность в системе национальной безопасности: оценка и направления повышения на основе кластерного подхода 44
Янкевич Е.М. Оценка вероятности риска банкротства организации: методологический и правовой аспекты 51

П С И Х О Л О Г И Я

- Данилова Ж.Л., Панфиленко З.Н.** Психолого-педагогическое сопровождение и профилактика суицидального поведения подростков 58
Адыгезалов А.Ф. Переживание лишения свободы осужденными в воспитательной колонии и его влияние на их исправление 63
Богомаз С.Л., Скрипачева Е.И. Содержательные и структурно-динамические конструкторы произвольной памяти у старших дошкольников 68
Янковская Ю.И. Диагностики наглядно-образного мышления у дошкольников с нарушением зрения 72
Московченко В.В. Специфика межличностной зависимости у делинквентных подростков 76
Богомаз С.Л., Ковалевская Т.Н. Методологические основания и технология изучения психосоциальной адаптации 82
Шамне А.В. Психосоциальное развитие в подростково-юношеском возрасте 86
Богомаз С.Л., Пашкович С.Ф. Возможности нарративного подхода для исследования копинг-стратегий людей с повреждением опорно-двигательного аппарата 92
Горденко А.С., Ламаш И.В. Взаимосвязи компонентов психологической ресурсности с типами рефлексии будущих правоохранителей 100
Микелевич Е.Б. Взаимосвязь социально-демографических характеристик сотрудников и совладания с завистью в служебных отношениях 106

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

Issued 2 times a year

Published since January 2015

2016 № 2(5)

Founder: Educational Establishment
“Vitebsk State P.M. Masherov University”

Editor-in-Chief:
A.V. Egorov

Editorial Board:

V.S. Yeliseyev (Deputies Editor-in-Chief),
I.I. Shmatkov (Responsible
for the Law Section),
L.F. Tratsevskaya (Responsible
for the Economics Section),
T.E. Kosarevskaya (Responsible
for the Psychology Section),
V.N. Bibilo, S.L. Bogomaz, A.A. Bochkov,
A.V. Bugayev, E.V. Vankevich,
G.A. Vasilevich, D.M. Demichev,
A.G. Egorova, T.V. Kazak,
N.V. Kukhtova, S.V. Lautkina,
G.V. Losik, A.N. Pastushenia,
N.V. Silchtnko, I.A. Furmanov,
V.A. Yanchuk, G.A. Yasheva

Editorial Council:

S.A. Trakhimenok (Belarus),
V.M. Khomich (Belarus),
L.V. Vinnitski (Russia),
T.V. Voronovich (Belarus),
Yu.N. Karandashev (Poland),
T.V. Senko (Poland),
V.A. Moliako (Ukraine),
A.I. Savenkov (Russia),
S.M. Shingayev (Russia)

Scientific and practical journal
«Law. Economics. Psychology»
is included in the List of scientific publications
of the Republic of Belarus
for publication of the results
of dissertation research
in law, economic and psychological
fields of science

Edition address:

33 Moskovsky Prospect,
210038 Vitebsk, Belarus
Tel.: +375 (212) 58-48-93,
E-mail: nauka@vsu.by
<http://www.vsu.by>

Signed print 19.12.2016. Size 6x84¹/₈.
Offset paper. Conventional printed
sheet 13,02. Publisher's sheet 12,5.
Circulation 100 copies. Order 165.

Publisher and printing performance –
educational establishment «Vitebsk State
P.M. Masherov University». 33, Moskovsky
Prospect, 210038, Vitebsk.

Certificate of state registration as a publisher,
manufacturer, distributor of publications
№ 1/255, 31.03.2014.

L A W

- Bochkov A.A.** Victimological culture: theory and practice 3
Dmitriyeva T.F. Genesis of Building Up Criminalist Provision of Scene
Examination 9
Ivanets K.M. Legal Framework of State Accounting of Invasive Plant
Species 18
Silchenko N.V. Problems of Subordination between Typical, Non-typical
and Modified Sources of Law 22
Gurshchenkov P.V. Legal personality of subjects of small and medium
scale business enterprises 26
Pugachev A.N. Features of All-Social Functions of the Constitution in the
Mechanism of Legal Regulation 33

E C O N O M I C S

- Dubenetsky N.A.** About the Concepts of Production Costs at Cambridge
and Austrian Schools of Economic Theory 40
Klimuk V.V., Yasheva G.A. Regional Resource Efficiency in National
Security System: Assessment and Areas for Improvement on the Basis
of Cluster Approach 44
Yankevich E.M. Company's Bankruptcy Risk Probability Assessment:
Methodological and Legal Aspect 51

P S Y C H O L O G Y

- Danilova Zh.L., Panfilenko Z.N.** Psychology and Pedagogical Maintenance
and Prevention of Suicide Behavior of Teenagers 58
Adygezalov A.F. Rehabilitation Center Custodians' Feeling of Being
Deprived of Freedom and its Impact on their Rehabilitation 63
Bogomaz S.L., Skripacheva E.I. Substantial and Structural Dynamical
Constructions of Preschool Children Arbitrary Memory 68
Yankovskaya Yu.I. Diagnostics of Visual and Image Thinking of Preschool
Children with Eyesight Infringement 72
Moskovchenko V.V. Specificity of Interpersonal Dependency of
Delinquent Adolescents 76
Bogomaz S.L., Kovalevskaya T.N. Methodological Bases and Technology
of the Study of Psychosocial Adaptation 82
Shamne A.V. Psychosocial Development of Adolescents 86
Bogomaz S.L., Pashkovich S.F. Opportunities of the Narrative Approach
for the Study of Coping Strategies of People with Damage to the
Musculoskeletal System 92
Hordenko A.S., Lamash I.V. Relationship between Components of
Psychological Resourcefulness and Types of Reflection of Would-be
Law Enforcement Officers 100
Mikelevich E.B. Correlation of Social and Demographic Characteristics of
Employees with Envy Coping in Working Relationships 106

Виктимологическая культура: теория и практика

Бочков А.А.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»*

Необходимым условием функционирования и развития общества выступает виктимологическая культура. Являясь частью общей культуры, она в своей основе имеет ее правовую составляющую и направлена на защиту жертвы от преступлений.

Цель работы – анализ теоретических и практических аспектов виктимологической культуры.

Материал и методы. Источниковедческую базу исследования составили международные правовые акты, национальное законодательство Республики Беларусь в сфере профилактики виктимного поведения и защиты граждан. При написании статьи использовались методы: анализа, синтеза, сравнительного правоведения, конкретно-социологического виктимологического исследования 2013–2014 годов, проводимого в рамках совместного проекта «Криминальная виктимизация населения приграничных районов Республики Беларусь и Российской Федерации (Витебская и Смоленская области): результаты компаративистского виктимологического исследования», осуществляемого при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ) и Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).

Результаты и их обсуждение. Виктимологическая культура понимается как совокупность материальных и духовных ценностей, обеспечивающих сохранение и развитие жизнедеятельности общества и индивида. Она предполагает наличие правового государства, высокий уровень экономики, здравоохранения, образования и наличие развитой в нравственном, психическом, физическом отношении личности. Необходимо выработать концепцию и создать государственную эффективную систему защиты граждан от виктимизации на общесоциальном, групповом и индивидуальном уровнях, включающую политический, правовой, материальный, психологический, моральный механизмы.

Заключение. Виктимологическая культура поможет снизить «привлекательность» жертвы и будет способствовать укреплению законности и правопорядка в обществе.

Ключевые слова: криминология, виктимология, преступление, жертва преступления, культура, правовая культура, виктимологическая культура, виктимное поведение, жертвоспособность, профилактика виктимного поведения.

Victimological culture: theory and practice

Bochkov A.A.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

Victimological culture is a necessary condition for the functioning and development of society. As part of general culture, it basically has its legal component and is aimed at protecting victims of crime.

The aim of this work is to analyze the theoretical and practical aspects of victimological culture.

Material and methods. The resources of the study are international legal acts, the national legislation of the Republic of Belarus in the field of prevention of victim behavior and protection of citizens. When writing the article the following methods were used: analysis, synthesis, comparative jurisprudence, specific sociological victimological studies 2013–2014 held within the framework of the joint project “Criminal victimization of the population in border areas of the Republic of Belarus and the Russian Federation (the Vitebsk and Smolensk regions): the results of comparative victimological research”, supported by the Belarusian Republican Foundation for fundamental research (BRFFR) and the Russian humanitarian scientific fund (RHSF).

Results and their discussion. Victimological culture is understood as a unity of material and spiritual values, ensuring the preservation and development of society and the individual. It presupposes the existence of a legal state, a high level of economy, health care, education and a well-developed individual in moral, psychological and physical respect. It is necessary to develop a concept and build up an effective system of state protection of citizens from victimization on general social, group and individual levels including: political, legal, material, psychological, and moral mechanisms.

Conclusion. Victimological culture will contribute to reducing the “attractiveness” of the victim and facilitate strengthening of law and order in society.

Key words: criminology, victimology, crime, victims of crime, culture, legal culture, victimological culture, victimization, risk of falling a victim, prevention of victim behavior.

Жизнь, здоровье, безопасность граждан – фундаментальные ценности любого общества. Их качественные и количественные характеристики свидетельствуют о его развитости, прогрессивности и цивилизованности. Уровень и содержание их напрямую зависят от эффективности деятельности правового государства, его экономики, культуры, реализации на практике принципов законности и правопорядка. Представляется, что в настоящее время мы

можем говорить не только об общей, правовой, но и о виктимологической культуре. Это связано с опасностью преступлений, нестабильностью и «хрупкостью» нашей жизни.

Цель статьи – проанализировать теоретическую и практическую составляющие виктимологической культуры, внести предложения по их совершенствованию.

Материал и методы. Источниковедческую базу исследования составили международные правовые акты, национальное законодательство

Республики Беларусь в сфере профилактики виктимного поведения и защиты граждан. При написании статьи использовались методы: анализа, синтеза, сравнительного правоведения, конкретно-социологического виктимологического исследования 2013–2014 годов, проводимого в рамках совместного проекта «Криминальная виктимизация населения приграничных районов Республики Беларусь и Российской Федерации (Витебская и Смоленская области): результаты компаративистского виктимологического исследования», осуществляемого при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ) и Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Также в работе анализировался материал исследования, проведенного в 2010–2011 годах учеными Смоленского гуманитарного университета и Витебского государственного университета имени П.М. Машерова в рамках научно-исследовательского проекта «Правовая культура молодежи приграничья России и Беларусь», выполненного при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ).

Результаты и их обсуждение. В узком смысле слова виктимология – это раздел криминологии, понимаемый как учение о жертве преступлений. Виктимология изучает жертву с точки зрения ее личностных, социально-психологических, демографических, нравственных характеристик, повышающих ее уязвимость. Она рассматривает такие типичные ситуации, в которых во взаимодействии с поведением преступника перечисленные качества находят свое выражение. В широком смысле – это комплексная дисциплина, изучающая жертву (потерпевшего), сопутствующие этому условия и обстоятельства, меры, направленные на предотвращение, минимизацию и компенсацию ущерба. Представляется, что виктимология – это, прежде всего, учение о защите жертвы преступления. Можно говорить о двух составляющих виктимности, включающих личностные качества индивида, связанные с его поведенческими характеристиками, и факторы внешней среды [1, с. 31]. Таким образом, виктимность обусловлена совокупностью личностных, поведенческих качеств, взаимодействующих в определенных ситуациях с внешними факторами [1, с. 33]. Очевидно, что о виктимологической культуре можно говорить условно, так как чаще всего вообще отсутствие элементарной культуры ставит лицо в положение жертвы. Виктимологическая культура, являясь частью общей культуры, имеет в своей основе ее правовую

составляющую и определяется уровнем развитости правовой системы в целом, законодательной и правоприменительной практики.

С одной стороны, политические и экономические кризисы, рост отчуждения, бездуховности и индивидуализма, вестернизация и нравственная деградация личности, девальвация традиционных ценностей, жизнь в условиях нестабильности и риска создают неблагоприятный фон для формирования и функционирования виктимологической культуры на массовом уровне. С другой – укрепление законности и правопорядка, рост правовых знаний граждан, создание системы профилактики преступлений повышают уровень защищенности жертвы.

Не вызывает сомнения тот факт, что виктимологические знания (о правах и обязанностях потерпевшего; способах самозащиты; знание правовых норм, регламентирующих необходимую оборону; владение информацией о местах нахождения и работе специализированных учреждений реабилитации; способах совершения преступления; личностных качествах, увеличивающих виктимность, и т.д.) являются важным элементом правовой и виктимологической культуры.

Виктимологическая культура в широком смысле слова понимается как совокупность материальных и духовных ценностей, обеспечивающих защиту, сохранение и развитие жизнедеятельности общества и всех его членов. Это знания, учреждения и деятельность, направленные на безопасность личности, группы и общества в целом. Она создает внешнюю и внутреннюю защиту от преступлений, существуя на общественном, групповом и индивидуальном уровнях.

На общественном уровне – это, прежде всего, деятельность правоохранительных, судебных, исполнительных органов, направленная на раскрытие преступлений, обеспечение неотвратимости наказаний, строгое соблюдение законности и правопорядка. Особое место здесь принадлежит государству и гражданскому обществу (ДНД, оперотряды, внештатные сотрудники прокуратуры, понятые, статисты, граждане, содействующие правоохранительным органам, общественные советы по контролю за деятельностью правоохранительных органов и борьбе с коррупцией, система правового информирования, воспитания и т.д.). На групповом – это культура «опасных» профессий (работников правоохранительных органов, судей, инкассаторов, работников банков и т.д.), включающая набор профессиональных и личностных требований, их материально-техническое обеспечение, выполнение которых поможет защитить представителей данной группы от преступлений.

На индивидуальном – подготовленная в физическом, волевом, нравственном, юридическом отношении, самодостаточная, способная за себя постоять, развитая личность.

Предлагаем ввести в криминологию новый термин «жертвоспособность» как способность лица в силу определенных социальных, профессиональных, личностных, нравственных, психических качеств стать жертвой преступления. Нужно разработать коэффициент жертвоспособности для различных профессий, категорий граждан (милиционеры, судьи, прокуроры, судебные исполнители, инкассаторы, кассиры, продавцы и т.д.) и учитывать его в уголовном, административном, трудовом праве, праве социального обеспечения.

Степень развитости виктимологической культуры влияет на уровень безопасности человека в обществе, состояние законности и правопорядка. Это своего рода очищающий и защитный фильтр нормального функционирования социального организма. Строится она на социальном и правовом моделировании и прогнозировании. Предполагает наличие правового государства, высокий уровень развития рыночной экономики, здравоохранения, образования и воспитания. Идея гармонично развитой личности и ее воплощение на практике волновали умы человечества начиная от древнегреческих философов, римских юристов, мыслителей нового и новейшего времени до марксистов и создателей морального Кодекса строителя коммунизма. Сейчас она воплощается в идеологическом воспитании, различных присягах верности и Кодексах чести, тестах на профессиональную пригодность, собеседованиях и проверках на полиграфе. Современное общество вновь пришло к мысли о необходимости дополнения профессионального обучения идейно-нравственным воспитанием.

Безусловно, виктимологическая культура не защищает нас от всех преступлений, но помогает снизить нашу «привлекательность» как жертвы в глазах преступника. Конечно, существует большое количество ситуационных, немотивированных преступлений со стороны жертвы, часто совершаемых «отмороженными» преступниками, когда «вина» жертвы заключается только в том, что она оказывается в ненужное время и в ненужном месте. Здесь ее защиту должны предусмотреть правоохранительные органы.

Оценивая уровень виктимологической культуры, необходимо учитывать не просто невысокий уровень общей правовой информированности населения, но, прежде всего, – низкий уровень правовой убежденности и навыков правомерного поведения. Если в советское время основой нашего

общества был этикоцентризм (на Западе – пра-воцентризм), то сейчас в значительной степени – правовой и нравственный нигилизм, имеющий социальные, национальные и исторические корни.

Важное место в виктимологической культуре занимает профилактика виктимного поведения. Под профилактикой понимается совокупность предупредительных (превентивных) знаний, умений и навыков, средств общественной и индивидуальной защиты, конкретных мероприятий, заблаговременно устраняющих преступные проявления.

Снижение виктимности в количественном отношении привело к росту ее в качественном, многократно повысило цену преступлений, размер ущерба и опасность для общества.

Виктимологическое исследование, проводимое группой ученых Витебского государственного университета имени П.М. Машерова и Смоленского гуманитарного университета в рамках научно-исследовательского проекта «Криминальная виктимизация населения приграничных районов Республики Беларусь и Российской Федерации (Смоленская и Витебская области): результаты компаративистского виктимологического исследования», выполненного при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ) в 2013–2014 годах, показало, что 23% россиян и 13% белорусов считают, что за последние два года жизнь в стране стала опаснее, 7% и 16% – безопаснее, 24% и 35% – скорее опаснее [1, с. 207]. Порядка 20% населения Беларуси (в РФ – немного выше 22%), по результатам нашего виктимологического исследования, за последние три года стали жертвами преступлений.

Анализ ответов на вопрос анкеты «Какого рода опасения Вы испытываете чаще всего (возможно несколько вариантов ответа)» показал, что белорусы и россияне больше всего боятся болезней, соответственно 43% и 44%; затем у белорусов идет страх лишиться имущества в результате ограбления или кражи – 23%; у россиян на втором месте – боязнь, что убьют или покалечат, – 37%; боятся лишиться имущества в результате пожара, стихийных бедствий 30% респондентов из Российской Федерации и 20% из Республики Беларусь; опасаются произвола со стороны правоохранительных органов 25% россиян и 21% белорусов. Совпадает у респондентов обеих стран количество тех, кто боится спиться, стать алкоголиком, – 4%.

В целом виктимизация связана с политической нестабильностью, социальным расло-

ением общества, экономическими трудностями и выступает в качестве своеобразной платы за элитарность, цивилизационный комфорт, равнодушие, расслабленность, потерю бдительности. Представляется, что главная причина виктимизации – растущие потребности населения и неспособность (нежелание, атрофия) общества (определенной ее части) удовлетворять их законным путем. Эта проблема по мере развития общества будет только нарастать. Здесь мы видим проявление глобального конфликта культуры и цивилизации, духовности и благосостояния. Нужно осознать опасность виктимизации и продумать план борьбы с ней.

Важно выработать государственную концепцию и создать эффективную систему защиты граждан от преступного посягательства на общественном, групповом и индивидуальном уровнях, включающую политический, правовой, финансовый, организационный, психологический и моральный механизмы. Она предполагает разработку и принятие программы защиты жертв преступлений, закона о правовом статусе жертв преступлений, материальную, моральную компенсацию ущерба, создание государственных и общественных фондов компенсации, социально-психологические тренинги и психологическую реабилитацию, формирование в обществе прочных нравственных устоев. Важно повысить социальный и материальный престиж работников правоохранительных органов, эффективность их борьбы с преступностью, обеспечив неотвратимость наказания.

Необходимо превращение виктимологии из учения о жертве преступлений в учение о виктимологической профилактике и помощи жертвам. Имеется потребность открытия специальности «Виктимология» в высших учебных заведениях МВД и МЧС и специализации на юридических факультетах вузов. Также следует сместить акценты правопедения в большей степени на изучение правомерного поведения и переориентацию правоохранительной и судебной деятельности на жертву, ее защиту, компенсацию и реабилитацию. Профилактика должна быть дифференцированной и индивидуальной.

Под жертвой преступления понимается лицо, которому индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения, материальный, моральный ущерб, эмоциональные страдания, существенное ущемление его прав. В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь защита прав потерпевшего определяется как первоочередная задача уголовного судопроизводства. Однако по многим процессуальным позициям потерпевший поставлен

в неравное положение с подозреваемым, обвиняемым и подсудимым и фактически рассматривается как второстепенный участник уголовного процесса. Это связано с тем, что если установленные факты нарушения прав подозреваемого, обвиняемого или подсудимого могут сделать неприемлемыми собранные следствием доказательства по делу и в конечном счете существенно повлиять на судебное решение, то, напротив, нарушение прав потерпевшего на судебное решение никак не влияет. Видимо, по этой причине и не предусмотрено никаких санкций за нарушение прав потерпевшего. В соответствии с требованием Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь обвиняемому в обязательном порядке предоставляется адвокат, а для потерпевшего не предусмотрено обязательное предоставление адвоката.

Среди наиболее виктимных групп называются алкоголиков, наркоманов, проституток, безработных, лиц без определенного места жительства, пожилых людей (пенсионеров и престарелых), людей деформированных в психическом, нравственном, социальном плане.

Практически не изучена тема девиктимизации населения, попавшего под воздействие различного рода религиозных сект и оккультных организаций, религиозных экстремистов и фундаменталистов [2, с. 25–27].

Требует специальной разработки вопрос виктимологической профилактики мигрантов со Средней Азии, Закавказья, Украины, Сирии, Ирака и Афганистана. Нуждается в изучении проблема криминализации и виктимизации закрытых этнических преступных группировок (лиц кавказской национальности, цыган, китайцев, вьетнамцев, корейцев и т.д.). Особый вопрос – виктимологическая профилактика населения ввиду увеличения случаев террористических актов.

Рост преступлений, связанных с оборотом наркотиков, использованием современных информационных технологий, ставит задачу виктимологического анализа данных преступлений.

Для представителей «опасных» профессий (работники правоохранительных, налоговых органов, прокуратуры, таможни, судов, юстиции и т.д.) главным является обеспечение их физической, психологической защищенности, повышение социального и материального статуса, профессиональной, физической, правовой подготовки претендентов, совершенствование средств защиты.

Особое место среди специальной, групповой виктимологической профилактики занимает комплексный подход к профилактике преступлений в отношении несовершеннолетних.

Мы солидарны с многочисленными авторами, изучающими данную проблему, и считаем необходимым введение в дошкольных, школьных и вузовских учебных заведениях специальных программ по виктимологическому обучению подрастающего поколения, включающему занятия по прикладной виктимологии, теории, специальному тренингу, овладению приемами самозащиты и рукопашного боя, выработке навыков оптимального поведения в экстремальных ситуациях, что уже апробировано, показало свою эффективность в странах Западной Европы и США [3, с. 217].

В рамках общей виктимологической профилактики преступлений в отношении несовершеннолетних важное значение имеет повышение их информированности о правах, обязанностях, возможных способах совершения преступлений и приемах защиты от них.

Многие опрошенные (77% в Российской Федерации и 65% в Республике Беларусь) считают, что целесообразно обсуждать с молодыми людьми характерные способы совершения преступлений, чтобы в будущем они не были столь доверчивыми и не попадались на уловки мошенников и воров.

На вопрос анкеты «Как Вы считаете, влияет ли на возможность совершения преступления поведение жертвы и ее личностные качества?» были получены практически идентичные ответы совместного исследования: «Да, влияет» – 62% россиян и 63% белорусов, «Влияет незначительно» – 32% и 31% соответственно, «Нет, не влияет» – 6% у обеих групп респондентов. На вопрос «По Вашему мнению, достаточно ли Вы знаете о способах совершения преступления, чтобы вовремя распознать преступный замысел?» ответили: «Нет, мне не достает этих знаний» – 41% респондентов г. Смоленска и 40% г. Витебска, «Это бесполезно, ведь преступники всегда найдут что-то новое, чтобы обмануть свою жертву» – 36% и 45% соответственно, «Я знаю об этом достаточно» – 23% и 15%.

Специальные видеоролики, интернет-ресурсы, буклеты, памятки, мини-брошюры типа «Как защитить себя от преступления?», «Как вести себя в опасной ситуации?», «Как уберечь квартиру от воров?», «Как уберечь свой автомобиль?», «Как действовать при нападении на Вас на улице?» и т.д. также могут сыграть важную предохраняющую роль.

Распространение сведений среди населения (особенно родителей, педагогов и учащихся) через СМИ, интернет об ухудшении криминогенной ситуации в определенных районах, составление виктимологических карт местности, рекомендации о виктимологически правильном поведении

будут способствовать виктимологической безопасности. Безусловно, все это должно быть разумным и дозированным, чтобы не создавать в обществе атмосферу страха и истерии.

Различные категории потерпевших нуждаются в различной профилактике.

Агрессивные потерпевшие, участвуя в агрессивных действиях (грабеж, разбой, изнасилование, кража и т.д.), сами могут стать потерпевшими (жертвами) или преступниками. Поэтому является актуальной задача удержать их от преступлений и виктимизации, снизить агрессивный накал, направив его в позитивное русло.

Меры по профилактике здесь в основном схожи с мерами по профилактике преступлений. Это информирование, убеждение, воспитание, изоляция, привлечение к ответственности, т.е. комплекс мер, направленных на блокирование, нейтрализацию агрессивных потенциальных потерпевших.

Аргументация должна быть избирательно-индивидуальна для насильника, семейного дебошира, хулигана, лица с психическими отклонениями, садиста и т.д.

В отношении лиц, злоупотребляющих алкоголем, наркотиками, убеждение, как правило, не действует, поэтому необходимы лечение и временная изоляция.

Инициативные потерпевшие – это лица, профессиональная деятельность которых ставит их в сложные, рискованные ситуации и может превратить в жертву. Чаще всего против них совершаются насильственные преступления, направленные против жизни, здоровья, чести и достоинства.

Главная мера по профилактике – должный уровень профессиональной подготовленности, включающий духовный, правовой, физический, технический, психологический, нравственный аспекты.

Пассивные потерпевшие – это лица, объективно не способные оказать сопротивление преступнику либо в силу физической немощности, либо в силу нерешительности, страха, безволия. В отношении потенциальных пассивных потерпевших эффективны убеждение; беседы; информирование их о своих правах, способах защиты; формирование решимости противостоять преступнику.

Для больных, престарелых, подвергающихся насилию, издевательствам со стороны родственников, возможно: предупреждение; убеждение; воспитательные беседы с насильниками; постоянный контроль со стороны правоохранительных органов, органов опеки и попечительства; помещение потенциальных жертв в лечебные учреждения и дома престарелых. В отношении причинителей

вреда эффективна угроза наказанием и возбуждением уголовного дела.

Некритичные потерпевшие – это люди, излишне доверчивые, забывчивые, невнимательные, рассеянные, корыстолюбивые, алчные, не умеющие разбираться в опасной жизненной ситуации.

Здесь особую роль играют информирование, просвещение и обучение с иллюстрацией наглядных примеров – к чему это может привести.

Хорошо зарекомендовали себя индивидуальные беседы работников правоохранительных органов, педагогов, психологов, врачей.

Особую группу составляют лица с психическими отклонениями, которых нужно лечить, осуществлять над ними надзор и контроль. Виновное поведение потерпевшего способствует реализации преступного умысла и усугубляет, увеличивает ущерб жертвы.

Именно пьянство и наркомания, а также криминальное поведение части населения являются главными десоциализирующими и виктимизирующими факторами. При этом пьянство выступает в качестве ведущего условия. Поэтому больше половины потерпевших были в состоянии алкогольного опьянения. Это способствовало излишней доверчивости, потере бдительности, некритичности потерпевших и, как результат, виновной виктимности.

Личностно-психологические, темпераментные характеристики также могут выступать в качестве сопутствующих обстоятельств превращения человека в жертву преступления. Анализ исследования показал следующие личностные образцы виктимного поведения: агрессивное, высокомерное, провоцирующее, раздражительное, вспыльчивое, наглое, надменное, авантюрное, самонадеянное, легкомысленное, некритичное, безрассудное, неосмотрительное, корыстолюбивое и т.д.

По результатам исследования были выявлены следующие усредненные личностные характеристики, способствующие преступлениям: доверчивость и эмоциональность (53%), агрессивность (24%), легкомысленность (55%), корыстолюбие (5%), болезненное состояние (1%), добросовестность (4%). Провокационно-преступное, правонарушающее и аморальное поведение часто способствует совершению преступлений. В 72% случаев осужденные в качестве причины совершения убийства назвали вину самого потерпевшего.

Можно говорить о типичном поведении потерпевших при насильственных преступлениях. Это либо агрессивно-провоцирующее поведение по делам о тяжких преступлениях, либо – легкомысленное при изнасилованиях. Так, в 80% случаев

определяющую роль при совершении изнасилования играли конкретные действия и поступки жертв изнасилований. Около 90% изнасилований было совершено, когда в состоянии алкогольного опьянения находились и виновный, и жертва, причем в 70% случаев алкоголь или наркотики они употребляли совместно [4, с. 101–103].

Исследования, проводимые учеными Московского финансово-промышленного университета «Синергия», показали, что в зависимости от региона РФ вина жертвы при убийствах составляет от 25,6% до 68,7%, умышленном причинении вреда здоровью от 31,7% до 54,2%, изнасиловании от 26,2% до 57,2%, мошенничестве – от 62,5% до 85,7% [3, с. 63–64].

К сожалению, все мы – потенциальные и виртуальные жертвы, в том числе и криминального воздействия. Рост виктимизации в обществе, как правило, связан с ростом преступности, падением материального, культурного, морального уровня населения, усилением настроений потребительства, иждивенчества, индивидуализма, бездуховности, деформированности общества, его системным кризисом.

Важным фактором виктимологической профилактики является рост правовой культуры молодежи. Исследования, проведенные в 2010–2011 годах учеными Витебского государственного университета имени П.М. Машерова и Смоленского гуманитарного университета в рамках научно-исследовательского проекта «Правовая культура молодежи приграничья России и Беларуси», показали, что основные пути повышения правовой культуры для респондентов – это встречи и беседы с профессиональными юристами, введение специализированных правовых курсов в программы учебных заведений, правовое информирование через СМИ, улучшение преподавания курса «Обществоведение» в школе и даже привлечение к охране общественного порядка. Не видят в этом необходимости только 11,1% опрошенных белорусов и 7,3% россиян [5, с. 118].

«Предупрежден – значит защищен», «Береженого и Бог бережет», «Незнание закона не освобождает от ответственности», «Знал бы где упасть, соломки бы подстелил», «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги», «На Бога надейся, а сам не плошай», «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих», «Пока гром не грянет – мужик не перекрестится», «Русский умен задним умом», «Бог не Бог – да и сам будь не плох» и т.д. – гласит народная мудрость.

Заключение. Таким образом, без определенного уровня виктимологической культуры общество и личность существовать не могут.

Виктимологическая культура – это не культура жертвы, а культура ее защиты. Она включает материальные и духовные ценности государства и гражданского общества, направленные на защиту социума, группы, индивида. Виктимологическая культура является важным условием формирования социального правового государства и гармонично развитой личности. Для ее повышения необходимы политическая воля, эффективная государственная программа, финансовые ресурсы и специально подготовленные кадры – виктимологи [6, с. 88]. Теоретическая разработанность проблемы поможет нам на практике не просто бороться с преступностью, обезопасить себя, но и полноценно жить и развиваться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Криминальная виктимизация населения приграничных районов России и Беларуси (Смоленская

- и Витебская области): результаты компаративистского виктимологического исследования / под ред. канд. юрид. наук Н.Е. Муллахметовой, канд. филос. наук А.А. Бочкова. – Смоленск: Изд-во «Универсум», 2014. – 396 с.
2. Шураева, Л.М. Религиозный экстремизм: природа и истоки / Л.М. Шураева // Российский следователь. – 2013. – № 18. – С. 25–27.
3. Основы обеспечения виктимологической безопасности жертв преступного насилия: учеб. пособие / В.Г. Гриб, И.Р. Шикула, А.В. Мажников. – М.: Моск. фин.-пром. ун-т «Синергия», 2013. – 288 с.
4. Джаянбаев, К.И. Виктимологические аспекты предупреждения тяжких преступлений против личности / К.И. Джаянбаев // Государство и право. – 2005. – № 11. – С. 101–103.
5. Правовая культура молодежи приграничья России и Беларуси: монография / под ред. канд. пед. наук Л.Н. Николаевой, канд. филос. наук А.А. Бочкова. – Смоленск: Универсум, 2011. – 244 с.
6. Бочков, А.А. Основные направления снижения массовой и индивидуальной виктимности населения / А.А. Бочков // Вестн. С.-Петерб. юрид. акад. – 2014. – № 4(25). – С. 85–94.

Поступила в редакцию 16.11.2016 г.

УДК 343.98:343.132

Генезис понятия криминалистического обеспечения осмотра места происшествия

Дмитриева Т.Ф.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерава»

Различные аспекты криминалистического обеспечения представляют теоретико-прикладной интерес как для криминалистики, так и для правоохранительной сферы и уголовного судопроизводства. Поскольку осмотр места происшествия является многогранным следственным действием, охватывающим широкий спектр вопросов всех разделов науки криминалистики, понятие криминалистического обеспечения данного следственного действия требует комплексного рассмотрения. В Беларуси такое исследование не проводилось, что актуализирует тему работы, подчеркивает ее теоретическую и практическую значимость.

Цель статьи – проанализировать генезис формирования криминалистического обеспечения, предложить авторскую периодизацию исторического развития данной категории.

Материал и методы. Методологической базой исследования являются общенаучные и частные методы криминалистики: логический и информационно-аналитический, системного анализа, синтеза, обобщения, моделирования, технико- и тактико-криминалистический методы. Теоретическую основу исследования составили труды Т.В. Аверьяновой, О.Я. Баева, Р.С. Белкина, А.Ф. Волынского, В.А. Волынского, Э.К. Горячева, В.Г. Коломацкого, В.Ю. Сокола и др.

Результаты и их обсуждение. В статье изучены накопленный учеными исторический опыт, современное состояние методологических подходов, основополагающих идей и научных взглядов на криминалистическое обеспечение, проведен теоретический анализ генезиса и выявлены тенденции его формирования. Основой для комплексной разработки теоретических положений и практических аспектов рассматриваемого института криминалистики может служить предложенная периодизация исторического развития криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности. Она позволяет судить о тенденциях формирования криминалистического обеспечения.

Заключение. Результаты исследования свидетельствуют о том, что на современном этапе развития криминалистики только за счет анализа разрозненных аспектов знаний уже не удовлетворить запросы практики. Требуется комплексная категория «криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия», формирование концепции которой сегодня – это необходимая и возможная деятельность, основанная на исторических этапах развития ее теории и практики использования специальных знаний, технико- и тактико-криминалистических средств при проведении данного следственного действия. В качестве основы для комплексной разработки теоретических положений и практических аспектов рассматриваемого института криминалистики предложена периодизация исторического развития криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности, которая позволяет судить о тенденциях формирования криминалистического обеспечения в целом.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, криминалистическое обеспечение, генезис.

Genesis of Building Up Criminalist Provision of Scene Examination

Dmitriyeva T.F.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

Different aspects of criminalist provision are of theoretical and applied interest both for criminal studies and law enforcement sphere as well as for criminal proceedings. Since scene examination is a varied investigation act, which embraces a wide range of issues of all sections of criminalist studies, the notion of criminalist provision of this investigation act needs complex consideration, beginning with the genesis of its building up. Such study hasn't been conducted in Belarus; this makes the research topic urgent, stresses its theoretical and practical significance.

The aim of the study is to analyze the genesis of building up criminalist provision, to offer the author's periodization of the historical development of this category.

Material and methods. The methodological basis of the research is general scientific and individual methods of criminal studies: the logical and the information and analytical, system analysis, synthesis, generalization, modeling methods, the technical and the tactic and criminalist methods. The theoretical basis of the research is works by T.V. Averiyanova, O.Ya. Bayev, R.S. Belkin, A.F. Volynski, V.A. Volynski, E.K. Goriachev, V.G. Kolomatski, V.Yu. Sokol and others.

Findings and their discussion. Historical experience accumulated by scholars, contemporary state of methodological approaches, basic ideas and scientific points of view of criminalist provision are considered in the article; theoretical analysis of genesis is conducted; tendencies of its building up are found out. The basis for complex development of theoretical ideas and practical aspects of the institution of criminalist studies under consideration can be periodization of historical development of criminalist provision of laws enforcement activity. It will make it possible to judge about tendencies of building up criminalist provision, which are the following.

Conclusion. The research findings testify to the fact that at the present stage of criminalist studies development analysis of various aspects of knowledge cannot satisfy requirements of practice. A complex category of criminalist provision of scene examination is needed, building up the concept of which today is a necessary and feasible activity based on historical stages of the development of its theory and practice of applying special knowledge, technical as well as tactic and criminalist means of this type of investigation activity. As a basis for a complex development of theoretical ideas and practical aspects of the institution of criminalist studies under consideration we can offer periodization of historical development of criminalist provision of law enforcement activity, which can make it possible to judge about tendencies of building up criminalist provision in general.

Key words: scene examination, criminalist provision, genesis.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что различные аспекты криминалистического обеспечения расследования преступлений вообще и следственных действий в частности представляют двунаправленный теоретико-прикладной интерес как для криминалистики, так и для правоохранительной сферы и уголовного судопроизводства в целом. Проблемы применения в ходе осмотра специальных знаний, технико- и тактико-криминалистических средств с целью обнаружения, фиксации, изъятия, исследования, оценки следов преступления и иных объектов, имеющих значение для расследуемого события, обеспечения эффективности данного следственного действия и использования его результатов в расследовании преступлений привлекали внимание ученых-юристов задолго до того, когда они стали называться проблемами криминалистического обеспечения.

Осмотр места происшествия – многогранное следственное действие, охватывающее широкий спектр вопросов всех разделов науки криминалистики (общей теории криминалистики, криминалистической техники, криминалистической тактики и криминалистической методики). Поэтому понятие криминалистического обеспечения данного следственного действия не может быть рассмотрено обособленно от общего поня-

тия криминалистического обеспечения расследования преступлений либо предварительного расследования, являющегося более широким по отношению к проведению осмотра места происшествия, поскольку сотрудники правоохранительных органов должны не только обладать определенной суммой криминалистических знаний, но и осознавать их социальную ценность, важность использования в своей практической деятельности [1, л. 48].

В связи с этим представляется методологически оправданным исследование генезиса общего понятия «криминалистическое обеспечение», которое формировалось поэтапно и исторически претерпевало изменения под влиянием преобразования представлений о самом предмете криминалистической науки. Несмотря на более чем тридцатилетнее существование в криминалистике термина «криминалистическое обеспечение», большое число диссертаций, монографий, учебных пособий, посвященных изучению связанных с этим понятием проблем, «диапазон мнений по данным вопросам настолько же велик, насколько разнообразен» [2, с. 77].

Одновременно в работах российских авторов исследовались отдельные вопросы криминалистического обеспечения расследования преступлений в целом либо криминалистического обеспечения расследования отдельных видов

преступлений, либо технико- или тактико-криминалистического обеспечения расследования преступлений или следственных действий, основанных на базовых положениях советской криминалистической науки. В Беларуси комплексно не анализировалась данная проблема и не изучались вопросы развития института криминалистического обеспечения следственных действий, в частности осмотра места происшествия. Генезис понятия криминалистического обеспечения осмотра места происшествия до сих пор не исследован, что еще более актуализирует тему работы и подчеркивает ее теоретическую и практическую значимость.

Цель статьи – проанализировать генезис формирования криминалистического обеспечения расследования преступлений в целом и осмотра места происшествия в частности, предложить авторскую периодизацию исторического развития криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности.

Материал и методы. Методологической базой исследования является система общенаучных и частных научных методов криминалистики. Из общенаучных методов криминалистики использовались: логический метод – при изложении всего материала, формулировании выводов, предложений; методы системного анализа, синтеза и обобщения – при рассмотрении криминалистического обеспечения расследования преступлений и следственных действий; метод моделирования – при разработке периодизации криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности; информационно-аналитический метод – в процессе анализа и обобщения научных исследований ученых. Из частных научных методов криминалистики применялись технико- и тактико-криминалистические методы – при исследовании средств обеспечения проведения следственных действий. Сочетание различных методов позволило всесторонне рассмотреть исследуемую проблему, провести ее глубокий анализ, обосновать полученный результат.

Теоретическую основу статьи составили труды Т.В. Аверьяновой, О.Я. Баева, Р.С. Белкина, А.Ф. Волынского, В.А. Волынского, Э.К. Горячева, В.Г. Коломацкого, А.П. Пацкевича, В.Ю. Сокола и других, в которых изложены основополагающие и проблемные аспекты криминалистики. Кроме того, данное исследование базируется на личных результатах автора, отраженных ранее в монографии на тему «Технико-криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия».

Результаты и их обсуждение. Необходимость изучения отдельных вопросов развития института криминалистического обеспечения рас-

следования преступлений имеет тысячелетнюю историю и формируется на протяжении нескольких исторических этапов, представленных в криминалистической литературе по-разному. Так, по мнению Л.Р. Гибадулиновой, А.М. Кустова, следует выделять четыре исторических этапа формирования криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства, определенных следующими периодами времени: первый этап (с X–XI вв. и до середины XIX в.) связан с началом формирования и накопления эмпирического материала и особым вниманием к тактико-криминалистическому обеспечению уголовного процесса; второй этап (с 1864 по 1930 г.) отмечается приоритетным исследованием использования знаний сведущих лиц, технических достижений, технических приемов, методов отождествления преступников и исследования объектов и следов преступления; третий этап (с 1931 по 2000 г.) характеризуется разработкой общей теории криминалистики и внедрением ее в практику; четвертый этап (с 2001 г. по настоящее время) выделяется появлением новых частных теорий, методик и методов познания [3, с. 124]. А.П. Пацкевич, И.И. Лузгин, анализируя генезис понятия криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности, условно делят его на следующие исторически сложившиеся и связанные с проблемами криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности этапы: первым этапом (зарождения) считают 60-е годы XX в., когда учеными-криминалистами начали пересматриваться общетеоретические проблемы криминалистики (Р.С. Белкин, Ю.И. Краснобаев, В.Г. Коломацкий); второй этап (70–80-е годы XX в.) связывают с определением криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности как специфического процесса в виде технико-криминалистического обеспечения этой деятельности (А.Ф. Волынский, В.А. Жбанков, Н.П. Яблоков); третий этап (90-е гг. XX в.) ознаменован появлением предложений российских ученых (В.П. Лавров, А.В. Шмонин) о систематизации криминалистического обеспечения как вида деятельности правоохранительных органов; четвертый этап (современный этап развития) предполагает исследование криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности как важной составляющей противодействия преступности (Т.Ф. Аверьянова и др.) [4, с. 198].

Представленные варианты этапов развития криминалистического обеспечения имеют определенные недостатки. Предложенные Л.Р. Гибадулиновой, А.М. Кустовым этапы формирования криминалистического обеспечения в большей степени соответствуют развитию кри-

миналистических знаний науки криминалистики вообще и нуждаются в корректировке и обосновании применительно к криминалистическому обеспечению. Исторически сложившиеся этапы, связанные с проблемами криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности, выделенные А.П. Пацкевичем, И.И. Лузгиным, также требуют определенного изменения и дополнения. Представленные ими три этапа развития криминалистического обеспечения не вызывают возражения. Современный этап развития (четвертый) целесообразно разбить в свою очередь на два: четвертый этап (2000–2009 гг.) – усиление системного подхода к пониманию криминалистического обеспечения и пятый этап (с 2010 г. по настоящее время) – современное состояние различных аспектов криминалистического обеспечения.

О тенденциях формирования криминалистического обеспечения в общем понимании позволит судить генезис теоретических знаний о нем. Градация исторически сложившихся этапов развития криминалистических знаний будет способствовать выявлению связанных с криминалистическим обеспечением акцентов в отношении специальных знаний, технико- и тактико-криминалистических средств и технологий, оценочно-контрольной деятельности их применения при проведении осмотра места происшествия и определению авторского подхода к формированию криминалистического обеспечения осмотра места происшествия.

На первом историческом этапе, в 60-е годы XX в., ученые исследуют общетеоретические проблемы криминалистики; появляются теоретические и эмпирические предпосылки формирования общей теории науки: с учетом достижений науки и требований практики того времени, которые возникли после разработки философских проблем криминалистики, укрепления ее собственной методологической базы. Стал набирать темп процесс формирования частных криминалистических теорий. Предпосылками возникновения общей теории криминалистики и ее многих структурных элементов послужили монографические исследования А.И. Винберга, С.П. Митричева, Н.В. Терзиева, С.И. Тихенко, А.Н. Васильева, Л.Е. Ароцкера, Г.Л. Грановского, А.Н. Колесниченко, В.Е. Коноваловой, В.Я. Колдина, Н.П. Яблокова, Б.И. Шевченко, М.Я. Сегая, И.М. Лузгина, Ю.Г. Корухова, В.К. Лисиченко, В.А. Снеткова, А.В. Дулова, А.Р. Ратинова, И.Ф. Крылова, Н.А. Селиванова, А.А. Эйсмана и многих других [5, с. 224]. В 1960-х гг. актуальна проблема недостаточной эффективности науки в СССР, поскольку уровень внедрения новых зна-

ний не соответствовал реальным потребностям [6, с. 101]. К началу 1960-х годов милиция БССР накопила определенный опыт борьбы с преступностью, сотрудники органов выполняли функции дознания, выявляли, предупреждали и раскрывали преступления, используя в этих целях оперативно-розыскные средства, следователи находились в другом ведомстве. Такой порядок судопроизводства по уголовным делам отрицательно сказывался на взаимодействии, не всегда обеспечивалась быстрота реагирования следователей на происшествия, в связи с чем появился Указ Президиума Верховного Совета СССР «О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка» и «в министерствах охраны общественного порядка союзных республик, в том числе и в МООП БССР, были созданы следственные аппараты» [7, с. 279, 374]. В 1964 г. в Минске было образовано специальное отделение по расследованию автотранспортных происшествий, в 1965 г. издано специальное положение о порядке применения звукозаписи при производстве предварительного следствия, в 1966 г. в УПК введена статья, предусматривающая применение звукозаписи на допросе, в 1969 г. создано следственное управление в МВД СССР [7, с. 376–378]. В 1967–1969 гг. Р.С. Белкин предложил формулу предмета криминалистики, определил структуру общей теории через структуру отражаемого объекта – предмета криминалистики следующего вида, включающую: а) криминалистическое учение о закономерностях возникновения доказательств; б) криминалистическое учение о закономерностях обнаружения доказательств; в) криминалистическое учение о закономерностях исследования доказательств; г) криминалистическое учение о закономерностях оценки и использования доказательств; д) учение о методах криминалистики; е) учение о языке криминалистики; ж) криминалистическую систематику (учение о системах и классификациях) [5, с. 228]. Это представление о предмете криминалистики как науки было принципиально новым, как подчеркнул О.Я. Баев, революционным, «в первую очередь, о закономерностях, лежащих в сфере судебного исследования преступлений, что было – “дальше вперед”» [8, с. 24]. Формирование общей теории криминалистики способствовало дальнейшему исследованию ее составных частей, а также криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности (Г.Г. Зуйков, В.Ф. Орлова, А.А. Закатов, С.И. Цветков, И.А. Алиев, Н.Н. Лысов, В.М. Мешков, Л.Г. Горшенин) [4, с. 196], иногда в контексте: 1) криминалистической техники от- носительно характеристики технико-кримина-

листоческих средств, методов работы с доказательствами и использования специальных знаний (В.И. Гончаренко, Г.И. Грамович, В.К. Лисиченко, И.А. Селиванов, Н.И. Сорокотягин и др.); 2) криминалистической тактики относительно следственной ситуации (В.Е. Корноухов, В.К. Гавло, И.Ф. Герасимов, Л.Я. Драпкин и др.), тактической комбинации (операции) (А.В. Дулов, Л.Я. Драпкин и др.); тактического решения (А.В. Дулов, С.И. Цветков, Г.С. Шостак и др.); проблем тактического риска (О.Я. Баев, В.П. Гмырко и др.) [5, с. 278–282]; 3) криминалистической методики (И.Н. Возгрин, В.А. Образцов и др.).

Второй этап (1970–1980-е гг.) ознаменован реализацией тенденций развития частных криминалистических теорий, возникновением ряда серьезных теоретических концепций: криминалистической характеристики преступления, следственной ситуации, тактических комбинаций (операций), тактического решения и тактического риска [5, с. 257–312]. Возрастает роль криминалистики в содействии правоохранительным органам при расследовании преступлений, возникает необходимость изучения механизма ее взаимосвязи с практикой, что служит основой для формирования научных представлений о криминалистическом обеспечении деятельности правоохранительных органов. В 1970 г. И.Ф. Герасимовым выдвинуто предложение о создании такой частной криминалистической теории, как учение о следственных действиях; екатеринбургскими криминалистами высказана идея формирования «общей теории раскрытия преступлений» [5, с. 268]. В начале этого периода времени исследователи редко затрагивали вопросы внедрения в практику криминалистических рекомендаций, относя их не к криминалистике, а к науке управления или другим научным дисциплинам. В 1974 г. А.Я. Гинзбург впервые отнес внедрение криминалистических рекомендаций к практике борьбы с преступностью, к числу частных задач криминалистики [6, с. 101]. Несмотря на то, что мнение А.Я. Гинзбурга не получило широкой поддержки, оно послужило началом рассмотрения вопросов криминалистической науки и практики в контексте криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. Так, в 1979 г. В.Г. Коломацкий впервые ввел понятие криминалистического обеспечения органов внутренних дел [9, с. 62], с которым соглашается Р.С. Белкин и формулирует понятие криминалистического обеспечения деятельности органов внутренних дел в целом и криминальной милиции в частности [10, с. 64]. Несмотря на то, что Р.С. Белкин рассматривал криминалистическое обеспечение в статике (как систему криминали-

стических знаний), а В.Г. Коломацкий – в динамике (как систему внедрения), их точки зрения стали исходными ориентирами для многих других авторов при определении криминалистического обеспечения и послужили толчком к целенаправленному исследованию отдельных аспектов криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности такими учеными, как И. Глава, Г.Н. Голубенко, Г.И. Грамович, Е.И. Зуев, Г.Г. Зуйков и др. В криминалистической литературе того времени нет единообразия мнений относительно позиций В.Г. Коломацкого и Р.С. Белкина. Совсем иной подход у профессора В.А. Волынского, который, критикуя позицию Р.С. Белкина, отмечает, что он сводит криминалистическое обеспечение всего лишь к знаниям и умениям без учета следующих обстоятельств: 1) сами по себе криминалистические знания и умения не возникают, они формируются в процессе определенной деятельности (научной, учебной); 2) такие знания и умения реализуются в деятельности по расследованию преступлений; 3) применять криминалистические средства, методы и технологии можно только тогда, когда они разработаны и внедрены в практику, чем является деятельность; 4) в борьбе с преступностью реализуются результаты всех этих направлений деятельности; практика определяет их содержание (цели, задачи, формы) в соответствии с повседневными потребностями [11, с. 28–29]. Общим недостатком существующих концепций криминалистического обеспечения расследования преступлений (Р.С. Белкина, В.А. Жбанкова, З.И. Кирсанова, В.Г. Коломацкого и др.), как подчеркивает В.Ю. Сокол, является фактическое смешение понятий обеспечения, внедрения и применения (использования) криминалистических рекомендаций, тогда как, по его мнению, процесс использования вторичен по отношению к обеспечению и внедрению. Иными словами, «проблема внедрения криминалистических рекомендаций в большинстве существующих концепций криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений рассматривается упрощенно, преимущественно как процесс доведения криминалистической научной продукции до потребителя и ее практическое использование с целью положительного результата» [6, с. 103]. 70-е гг. XX в. определяются как период становления науки управления и труда в деятельности органов внутренних дел, в том числе в связи с созданием Академии МВД СССР. Проводятся исследования по научной организации труда следователя, в том числе учеными-криминалистами (А.И. Михайлов, Л.А. Соя-Серко, А.Б. Соловьев, Н.И. Порубов, А.Р. Ратинов, В.С. Бурданова и др.).

В них вопросы повышения эффективности следственных действий рассматриваются в основном в аспекте организационного и организационно-технического обеспечения следственной деятельности [12, с. 175–176].

На третьем этапе (в 90-е гг. XX в.) признание и развитие получили различные подходы ученых-криминалистов к положениям криминалистического обеспечения расследования преступлений. Так, предпринимаются попытки дать определение криминалистического обеспечения расследования конкретного вида преступления (например, работы В.С. Бурдановой, А.П. Гайдука, Г.Н. Голубенко и др.). Появляется ряд научных трудов, в которых авторы основное внимание концентрируют на проблемах использования криминалистической техники в расследовании преступлений и повышении эффективности данной деятельности, что развито в рамках технико-криминалистического обеспечения [13]. Существуют работы, посвященные криминалистическому обеспечению расследования преступлений, в которых фактически рассматриваются вопросы тактики и методики расследования преступлений без формулирования понятия криминалистического обеспечения, его сущности и структуры (О.А. Гуйва и др.). Данное обстоятельство привлекает внимание исследователей, выделяющих при этом книгу под редакцией В.А. Образцова с разделами «Технико-криминалистическое обеспечение», «Тактико-криминалистическое обеспечение» и др.; а также учебник, написанный коллективом авторов, под редакцией Т.В. Аверьяновой и профессора Р.С. Белкина «Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования» (1997), в котором два раздела: «Организационное и тактическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования»; «Организационное и методическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования». По мнению данных авторов, проведенный ими системный анализ понятия и содержания криминалистического обеспечения в представлениях криминалистов 1990-х гг. свидетельствует о противоречивости и непоследовательности в толковании [14, л. 17].

Анализ позиций ученых, проводивших исследования в 1990-х гг., свидетельствует о том, что в данный период основные споры касались подхода к определению понятия «криминалистическое обеспечение», его структуры, включения или не включения в него определенных элементов. Так, одни авторы указанного периода рассматривали криминалистическое обеспече-

ние как деятельность (К.С. Егоров и др.), вторые – как систему (В.Г. Коломацкий, Р.С. Белкин и др.), третьи – и как деятельность и как систему одновременно (В.Ю. Сокол и др.). При решении проблемы включения или не включения в структуру криминалистического обеспечения определенных элементов использовались условно выделенные подходы В.Г. Коломацкого и В.А. Волынско. Исследователи данных подходов вели дискуссию относительно предложенного В.А. Волынским элемента – деятельности по реализации условий постоянной готовности правоохранительных органов к применению криминалистической техники в каждом конкретном случае «раскрытия и расследования» преступлений. Сторонники подхода В.А. Волынско (В.Ю. Сокол [1, л. 57] и др.), по сути, сформировали основу для дальнейшего развития понятия криминалистического обеспечения, что послужило катализатором для его последующего изучения. В 1990-х гг., в условиях экономического кризиса, исследования, посвященные вопросам эффективности следственных действий, прекратились. Влияние использования технико-криминалистических средств на эффективность отдельных следственных действий и все расследование в целом специально никем не анализировалось, хотя и затрагивалось в диссертационных работах по проблемам криминалистической техники, тактики и методики [12, с. 176]. Перспективным и современным направлением рассматриваемого периода стали научные разработки, в которых в качестве объекта исследования выступало отдельное следственное действие с применением при его проведении специальных знаний, технико-криминалистических средств и методов. Положительным примером разработки служит изданное ЭКЦ МВД России в 1995 г. под редакцией В.Ф. Статуса пособие «Осмотр места происшествия», в котором «глубоко и обстоятельно раскрывается взаимосвязь рекомендаций техники и тактики в использовании научно-технических методов и средств при проведении этого следственного действия» [12, с. 180]. Следствием научно-технического прогресса в то время становится переход к системному анализу, моделированию, структурно-функциональному методу. Существенный вклад в разработку данной проблематики внесла монография Г.А. Зорина «Криминалистическая эвристика», в которой автор через синтез, доминантный анализ личности участника следственного действия, многовариантное эвристическое программирование и др. продемонстрировал эвристические приемы [15, с. 21].

На четвертом этапе, в начале XXI в. (2000–2009 гг.), увеличивается число сторонников

системного подхода к пониманию криминалистического обеспечения, среди которых А.Г. Дудник, С.Р. Акимов, В.В. Овдиенко, Э.О. Самитов, Е.В. Щеглова и др. Однако наличествуют и сторонники деятельностного подхода (А.Я. Эрекаев и др.), что в определенной степени «тормозит» комплексное (системное) развитие научной категории «криминалистическое обеспечение» во взаимосвязи всех ее структурных элементов. Перед учеными-криминалистами встают сложные методологические задачи увеличения технологической результативности и социальной эффективности криминалистической научной деятельности, т.к. назрела необходимость изучения процессов трансформации традиционного криминалистического знания в практико-ориентированное, изучения механизмов реализации криминалистической теории в практической деятельности в целях повышения эффективности расследования преступлений [6, с. 101]. При анализе литературы по теме исследования выявлен недостаток работ, посвященных структуре криминалистического обеспечения расследования преступлений вообще и осмотра места происшествия в частности. Отдельные авторы объясняют это не только новизной указанной проблемы, но и широким распространением в криминалистических научных изданиях деятельностного подхода, использование которого зачастую оставляет «в тени» вопрос о структуре системы криминалистического обеспечения [15, л. 65]. Теоретико-правовым и организационно-методическим аспектам криминалистического обеспечения посвящены труды С.Р. Акимова, М.Ш. Махтаева, В.В. Овдиенко, Э.О. Самитова, А.Я. Эрекаева и др.

К пятому этапу (с 2010 г. по настоящее время) относится современное состояние различных аспектов криминалистического обеспечения отдельных видов преступлений, которое исследовали И.Ю. Кулеева, А.Н. Сретенцев, Е.С. Тесленко и др. Разнообразным аспектам работы с объектами и следами преступлений в рамках криминалистического обеспечения посвящены научные труды В.Ю. Агибалова, Е.И. Григоряна, Г.А. Павловец, А.В. Тимофеева; разновидностям использования специальных знаний – А.В. Гусева, А.Э. Денисова, И.Н. Кислицыной, В.В. Колиева, Л.В. Лазаревой, И.Г. Савицкой, И.В. Трущенко; технологий – Э.А. Ли. Исследованию тех или иных криминалистических проблем следственных действий вообще и осмотра места происшествия в частности посвятили свои работы Д.Ю. Гостевский, сделавший упор на технический аспект криминалистического обеспечения следственных действий; И.П. Кочнева, которая разработала понятие так-

тико-технических приемов, используемых при проведении следственных действий, предложила деление следственных действий на вербальные и невербальные, рассмотрела тактический комплекс проведения осмотра места происшествия; Е.С. Липка, исследовавшая процессуальные и организационно-тактические аспекты осмотра места происшествия по насильственным преступлениям; В.С. Мамонов, изучавший правовые, научные и практические аспекты осмотра места происшествия. Представляет интерес мнение В.Ю. Сокола о том, что следует признать факт недостаточной разработанности в настоящее время теоретических основ криминалистического обеспечения практической деятельности правоохранительных органов, одной из причин чего является недооценка криминалистами важности исследования и внедрения в практику «продуктов» криминалистики. Перед учеными-криминалистами встают сложные методологические задачи увеличения технологической результативности и социальной эффективности криминалистической научной деятельности, для достижения которых требуется комплексное изучение не только вопросов разработки, но и внедрения в практическую деятельность правоохранительных органов криминалистических средств и технологий выявления, собирания, исследования и использования криминалистически значимой для расследования преступлений информации [6, с. 101–102]. Формирование понятия «криминалистическое обеспечение», изучение его сущности и структуры не завершено до настоящего времени, о чем свидетельствует многообразие позиций ученых-криминалистов. Так, Е.С. Романова, анализируя предлагаемые трактовки понятия «криминалистическое обеспечение расследования преступлений» и смежных с ним категорий, среди прочих делает вывод о том, что и в нынешнее время данные категории определяются авторами по-разному и в основном произвольно трактуются на практике, что объясняется широким пониманием слова «обеспечить». Она же делает следующий вывод: «Криминалистическое обеспечение расследования преступлений рассматривается через прилагательное “криминалистическое”, что указывает на связь с криминалистикой. Содержание криминалистической науки составляют криминалистические знания» [16, с. 92].

В научном исследовании нуждается важная проблема криминалистического обеспечения осмотра места происшествия, заключающаяся в комплексном эффективном обеспечении данного следственного действия специальными знаниями, современными технико-, тактико-кри-

миналистическими средствами и технологиями, оценочно-контрольной деятельности результативности их применения при проведении осмотра места происшествия, позволяющими с учетом требований уголовно-процессуального законодательства и положений криминалистической тактики совершенствовать следственную и экспертную практику его проведения. При этом одним из путей решения указанной проблемы является традиционный теоретический подход к формированию комплексной категории «криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия» путем деления на этапы развивающихся представлений о данной категории. Такой подход актуален в плане подготовки, обучения и формирования системы знаний, потому что позволяет выделить тактические приемы и задачи каждого этапа, получить целостное представление о следственном действии еще до начала его проведения. Группировка этапов представляется важной и необходимой с точки зрения организационно-управленческой, планирования, формирования психологической подготовки к проведению осмотра места происшествия. Данная система знаний особую значимость приобретает для молодого контингента сотрудников, не имеющих достаточного опыта проведения данного следственного действия, часто сопряженного с психотравмирующими факторами (вид поврежденного тела человека, разрушений при совершении тяжких преступлений, ДТП со смертельным исходом и т.д.). Здесь кроме специальной требуется и психологическая подготовка для решения комплекса задач криминалистического обеспечения осмотра места происшествия.

К источникам формирования криминалистического обеспечения можно отнести: 1) достижения гуманитарных, естественных и технических наук; 2) законы и подзаконные нормативные акты; 3) результаты обобщения практики внедрения и использования достижений криминалистики в деятельности правоохранительных органов; 4) результаты анализа современного состояния организации и методики криминалистической подготовки сотрудников; 5) обобщение опыта, в том числе зарубежного, использование криминалистических рекомендаций, методов и средств в расследовании преступлений [17, с. 9].

Заключение. Таким образом, в качестве периодизации предлагается пять этапов развития криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности:

– *первый* исторический этап (60-е гг. XX в.), характеризующийся зарождением знаний о криминалистическом обеспечении в виде исследованных общетеоретических проблем криминалисти-

ки, возникновения теоретических и эмпирических предпосылок формирования общей теории науки, процесса формирования частных криминалистических теорий;

– *второй* этап (1970–1980-е гг.), выражающийся в реализации тенденций развития частных криминалистических теорий, возникновении ряда серьезных теоретических концепций, способствующих формированию понятия «криминалистическое обеспечение»;

– *третий* этап (90-е гг. XX в.), отмеченный признанием и развитием различных подходов и положений криминалистического обеспечения раскрытия расследования преступлений;

– *четвертый* этап (начало XXI в.: 2000–2009 гг.), проявляющийся в развитии системного подхода к пониманию криминалистического обеспечения;

– *пятый* этап (современное состояние: с 2010 г. по настоящее время), предполагающий изучение криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности как важной составляющей деятельности по противодействию преступности.

Результаты проведенного исследования генезиса понятия криминалистического обеспечения позволяют оценить накопленный учеными исторический опыт, современное состояние научных взглядов на криминалистическое обеспечение расследования преступлений в целом и осмотра места происшествия в частности; свидетельствуют о наличии в настоящее время предпосылок для формирования понятия «криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия».

Основой для комплексной разработки теоретических положений и практических аспектов рассматриваемого института криминалистики может служить предложенная периодизация исторического развития криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности. Она позволяет судить о тенденциях формирования криминалистического обеспечения, заключающихся в том, что: 1) на протяжении более чем пятидесятилетнего развития криминалистики усиливались акценты в отношении специальных знаний, технико- и тактико-криминалистических средств и технологий, оценочно-контрольной деятельности их применения при проведении осмотра места происшествия; 2) реалии современности потребовали и от самого следователя – руководителя осмотра места происшествия – комплекса специальных знаний, а также минимальных умений и навыков их использования при проведении данного следственного действия; 3) сегодня практиков уже не устра-

ивают простые рекомендации по проведению осмотра места происшествия в отрыве от применения при его проведении специальных знаний, технико- и тактико-криминалистических средств и технологий, оценочно-контрольной деятельности результативности и эффективности данного следственного действия в целом.

Генезис и выявленные тенденции формирования криминалистического обеспечения в целом свидетельствуют о том, что на современном этапе развития криминалистики только за счет анализа отдельных, разрозненных аспектов знаний уже не удовлетворить запросы практики. Требуется комплексная категория, позволяющая учесть и организационные, и технические, и тактические, и контрольно-методические (оценочно-контрольные) аспекты рассматриваемого следственного действия. Сегодня формирование концепции криминалистического обеспечения осмотра места происшествия – это необходимая и возможная деятельность, основанная на исторических этапах развития ее теории и практики, а также правовой регламентации использования специальных знаний, технико- и тактико-криминалистических средств при проведении данного следственного действия.

ЛИТЕРАТУРА

- Сокол, В.Ю. Тактико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: методологические и организационные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.Ю. Сокол. – М., 1998. – 188 л.
- Волынский, А.Ф. Инновационная деятельность в криминалистическом обеспечении расследования преступлений / А.Ф. Волынский // Вестн. Владимир. юрид. ин-та Федер. службы исполнения наказаний. – 2011. – № 3. – С. 77–79.
- Гибадулинова, Л.Р. Значение криминалистического обеспечения деятельности правоохранительных органов и прокуроров уголовного судопроизводства / Л.Р. Гибадулинова, А.М. Кустов // Успехи в химии и химической технологии. – 2014. – № 7(156). – С. 124–126.
- Пацкевич, А.П. К вопросу о дефиниции «Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений» / А.П. Пацкевич, И.И. Лузгин // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. D, Экономические и юридические науки. Криминалистика, судоустройство. – 2012. – № 13. – С. 195–199.
- Белкин, Р.С. История отечественной криминалистики / Р.С. Белкин. – М.: НОРМА, 1999. – 486 с.
- Сокол, В.Ю. К вопросу о понятии криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений / В.Ю. Сокол // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. – 2008. – № 1. – С. 100–105.
- Очерки истории милиции Белорусской ССР, 1917–1987 / под ред. канд. юрид. наук, генерал-лейтенанта внутренней службы В.А. Пискарева. – Минск: Беларусь, 1987. – 535 с.: ил., 16 л. ил.
- Баев, О.Я. Основы криминалистики: курс лекций / О.Я. Баев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Экзамен, 2003. – 318 с.
- Коломацкий, В.Г. Криминалистическое обеспечение деятельности органов внутренних дел по расследованию преступлений / В.Г. Коломацкий // Криминалистика. – 1994. – Т. 1. – С. 62–75.
- Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования: учебник / Т.В. Аверьянова [и др.]; под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. – М.: Новый юрист, 1997. – 398 с.
- Волынский, В.А. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: пособие / В.А. Волынский. – М.: Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД Рос. Федерации, 1994. – 80 с.
- Волынский, В.А. Криминалистическая техника: наука–техника–общество–человек / В.А. Волынский. – М.: ЮНИТИ-ДАТА, 2000. – 311 с.
- Дмитриева, Т.Ф. Техничко-криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия: монография / Т.Ф. Дмитриева; под науч. ред. Е.И. Климовой. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. – 303 с.
- Горячев, Э.К. Тактико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Э.К. Горячев. – М., 2004. – 203 л.
- Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р.С. Белкин. – М.: Норма: Инфра-М, 2001. – 237 с.
- Романова, Е.С. К вопросу о понятии криминалистического обеспечения расследования преступлений / Е.С. Романова // Рос. юрид. журнал. – 2010. – № 6. – С. 8–96.
- Овдиенко, В.В. Криминалистическое обеспечение расследования фальшивомонетничества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.В. Овдиенко; Акад. ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2008. – 22 с.

Поступила в редакцию 08.11.2016 г.

Правовые основы ведения государственного учета инвазивных видов растений

Иванец К.М.

Белорусский государственный университет

В последние десятилетия, в связи с хозяйственной деятельностью человека, на территорию Республики Беларусь проник целый ряд видов, которые являются чужеродным элементом в фауне и флоре республики.

Цель статьи – комплексное теоретическое исследование эколого-правового характера института «государственного учета инвазивных видов растений».

Материал и методы. Материалом исследования послужила теоретическая и практическая правовая база в области охраны окружающей среды. Основными методами являются сравнение правовых норм на национальном и зарубежном уровне, а также метод анализа национальных правовых норм, на базе которых реализуется государственный экологический учет.

Результаты и их обсуждение. На основе рассмотренных положений законодательства обосновывается необходимость внесения изменений и дополнений в действующее эколого-правовое законодательство, направленное на совершенствование норм в сфере учета инвазивных видов растений, как гарантии конституционного права на благоприятную окружающую среду.

На примере растительного мира автором статьи затронуты вопросы правового регулирования ведения государственного учета инвазивных видов растений. Целесообразно разработать и принять модальный законодательный акт, который будет способствовать гармонизации законодательства государств-участников СНГ в области экологической информации. Создание данного законодательного акта должно соответствовать основным целям и задачам как СНГ в целом, так и организованного в рамках деятельности СНГ – Межгосударственного экологического совета государств-участников СНГ.

Заключение. Для решения проблемы прогнозирования и распространения инвазивных растений на территорию Республики Беларусь необходимо проведение государственного учета и создание реестра чужеродных видов растений при кадастре растительного мира Республики Беларусь.

Ключевые слова: учет, кадастр, чужеродный вид, инвазии, учет инвазивных видов растений, растительный мир, охрана окружающей среды, экологическое право.

Legal Framework of State Accounting of Invasive Plant Species

Ivanets K.M.

Belarusian State University

In recent decades due to human economic activity a number of species, which are alien in the flora and fauna of the Republic of Belarus, have penetrated onto its territory. The invasion process has sped up due to global warming and intensification of trade and other relations with different countries, radical increase in transport streams. At present invasion of alien species is considered to be a global ecological problem.

The aim of the article is a complex theoretical study of ecological and legal character of the institution of state accounting of invasive plant species and development of scientifically grounded guidelines and proposals on the improvement of legislation in this sphere.

Material and methods. The research is based on theoretical and practical legal framework in the field of environmental protection. The main methods are the comparison of legal norms on the national and international levels, as well as the method of analysis of national legal norms on the basis of which the state implements environmental accounting.

Findings and their discussion. Based on the provisions of the law, the necessity of making changes and additions to the existing environmental legislation aimed at improving standards in accounting of invasive species of plants, as guarantees of the constitutional right to a healthy environment.

The author of the article touches upon the issues of legal regulation of the state accounting of invasive species on the example of flora.

On the basis of the analysis, in our opinion, it is expedient to develop and adopt a modal legislation that will facilitate: harmonization of the legislation of the States, CIS members, in the field of environmental information. The creation of this legislative act should correspond the main goals and objectives of the CIS as a whole, and, of the created in the framework of the activities of the CIS, Interstate Environmental Council of the CIS member states.

Conclusion. For the solution of problems of forecasting and the spread of invasive plants on the territory of the Republic of Belarus, it is necessary to conduct state registration. When solving this problem it is necessary to establish a Register of alien species of plants within the Cadastre of Flora of the Republic of Belarus.

Key words: accounting, inventory, alien species, invasion, records of invasive species plants, fauna, environmental protection, environmental law.

В последние десятилетия, в связи с хозяйственной деятельностью человека, на территорию Республики Беларусь проник целый ряд видов, которые являются чужеродным элементом в фауне

и флоре республики. Процесс инвазии значительно ускорился из-за глобального потепления климата и интенсификации товарных и иных отношений с различными странами, радикального увеличения транспортных потоков. В настоящее время инва-

Таблица – Экономические и экологические угрозы от инвазионных процессов

Экономические угрозы	Экологические угрозы
Снижение продуктивности популяций и экосистем	Снижение биоразнообразия экосистем
Прямой ущерб предприятиям (энергетика, рыбное, сельское и лесное хозяйство)	Межвидовая гибридизация и трансгенные переносы
Перенос паразитарных и инфекционных заболеваний растений и животных	Подавление или вытеснение аборигенных видов
Угрозы здоровью населения	Трансформация флористических и фаунистических комплексов

зии чужеродных видов признаны глобальной экологической проблемой.

Проникновение чужеродных видов имеет целый ряд негативных последствий экологического, экономического и социального характера. По заключениям международных экспертов, инвазии чужеродных видов в глобальном масштабе являются второй по значимости (после антропогенного загрязнения среды) причиной вымирания аборигенных видов и потери биоразнообразия [1]. В свою очередь теоретические и практические аспекты правовой охраны окружающей природной среды рассматривали: М.М. Бринчук [2], А.П. Гетьман [3], В.В. Петров [4], Г.Н. Полянская [5], О.И. Крассов [6]. Непосредственно изучению правового регулирования инвазивных процессов посвящены работы таких ученых, как В.П. Семенченко [7], В.Е. Панова [8], Л.М. Абрамовой [9] и др. В Беларуси исследования правового регулирования порядка ведения государственного учета инвазивных видов и растений не проводилось.

На примере растительного мира нами раскрыты вопросы правового регулирования ведения государственного учета инвазивных видов растений.

Цель статьи – комплексное теоретическое исследование эколого-правового характера института «государственного учета инвазивных видов растений», а также разработка научно обоснованных рекомендаций и предложений по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Материал и методы. Материалом исследования послужила теоретическая и практическая правовая база в области охраны окружающей среды. Основными методами являются сравнение правовых норм на национальном и зарубежном уровне, а также метод анализа национальных правовых норм, на базе которых реализуется государственный экологический учет.

Результаты и их обсуждение. В настоящее время растительный мир в целом ученые рассматривают как весомую составляющую окружающей среды, важный элемент экосистемы и биологического разнообразия. Исследуемый природный объект играет чрезвычайно важную роль в экономике любого государства, в благосостоянии ее

граждан, что ощутимо влияет на правовой режим растительного мира.

В Республике Беларусь вопросам охраны растительных ресурсов уделяется значительное место в правовой экологической системе. Во многом этому способствует масштабность территории растительного мира в нашей стране.

Согласно Национальному докладу «Состояние окружающей среды Республики Беларусь», представленному Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь и Республиканским научно-исследовательским унитарным предприятием «БелНИЦ “Экология”» по итогам 2015 года природная растительность в структуре угодий занимает 64,4% территории Беларуси. Большая часть принадлежит лесам (39,5%) и лугам (15,8%) [10].

Государственное управление в области охраны и рационального использования растительности в Республике Беларусь включает в себя государственный учет и как правовую его форму – ведение кадастра данного природного объекта.

На основании статьи 65 Закона Республики Беларусь «О растительном мире» государственный учет объектов растительного мира ведется в соответствии с законодательством Республики Беларусь с целью учета количественных, качественных и других характеристик объектов растительного мира, объема, характера и режима их использования, а также для осуществления систематического контроля за изменениями количественных, качественных и других характеристик объектов растительного мира и обеспечения государственных органов, юридических лиц и граждан экологической информацией в области обращения с объектами растительного мира [11].

Учет объектов растительного мира включает обследования каждого объекта растительного мира, определение его качественных и количественных характеристик, заполнение учетных документов, составление плана месторасположения объектов растительного мира. При проведении учета объектов растительного мира одновременно должны производиться обследование и анализ общего состояния озеленения территории, в том числе его соответствия нормативу в области озе-

ления, с целью определения конкретных мероприятий по сохранности объектов растительного мира.

Учет объектов растительного мира позволил выявить серьезную экологическую проблему – появление чужеродных инвазивных видов растений. В последние десятилетия, в связи с хозяйственной деятельностью человека, на территории государств-участников Содружества Независимых Государств (далее СНГ) проник целый ряд видов, которые являются чужеродными.

Проблема чужеродных инвазивных видов впервые остро была поставлена в Конвенции по биоразнообразию. В статье 8h указывается, что страны-участницы Конвенции обязуются препятствовать проникновению чужеродных видов в аборигенные экосистемы, а также бороться с ними и уничтожать [12].

Мировые экономические потери от чужеродных видов приняли столь угрожающий характер, что это привело к принятию ряда законодательных актов: Конвенция по управлению балластными водами (Лондон, 2004) [13], Конвенция по защите морской среды района Балтийского моря (Хельсинки, 1992) [14] и др. Выполнение вышеизложенных международно-правовых актов не может быть эффективным без обладания надлежащей экологической информацией об объекте исследования.

В своей работе Marcel Rejmanek доказал на примере древесных растений опасность инвазии. Его научный труд доказательство того, что рассмотрение проблемы инвазии, даже на теоретическом уровне, способно помочь заинтересованным лицам в реализации приоритетов по контролю интродуцированных инвазивных видов и позволяет прогнозировать риск будущих вторжений [15]. В то же время Petr Pys̆ Ek считает, что инвазивные растения имеют гораздо больше шансов оказать значительное воздействие на растения и животных на острове, а не материке. Однако большинство ученых с данной точкой зрения не согласно [16].

Республика Беларусь не стала исключением по наличию данной проблемы (из-за своего географического положения и трансграничного характера речных бассейнов) и выступает как регион-акцептор чужеродных видов. Это означает, что процессы инвазии чужеродных видов могут усиливаться. По данным Института экспериментальной ботаники имени В.Ф. Купревича Национальной академии наук Беларуси, всего в республике произрастает более 300 видов инвазивных (чужеродных) растений. В 2011 году пополнился список наиболее опасных из них. Среди данных видов растений, получивших широкое распространение на территории нашей страны, можно выделить группу

особо агрессивных. Данная группа видов немногочисленна, но негативный эффект от их распространения существенен. В связи с этим в Беларуси проводятся государственно-правовые мероприятия не только на республиканском, но и региональном уровне. Так, в республике инвазивные чужеродные виды подлежат государственному регулированию распространения и численности. В связи с этим был принят ряд правовых актов: постановления Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь от 10 января 2009 г. № 2 «О некоторых вопросах регулирования распространения и численности видов дикорастущих растений» [17] и от 28 ноября 2008 г. № 106 «О некоторых вопросах регулирования интродукции и (или) акклиматизации дикорастущих растений»; утверждены перечни видов дикорастущих растений, распространение и численность которых подлежат регулированию (6 видов и один род – мак), а также инструкция о порядке проведения мероприятий по регулированию распространения этих видов [18].

При Национальной академии наук Беларуси в 2007 году был создан Центр по инвазивным видам животных и растений, в задачи которого входят регистрация, инвентаризация, ведение банка данных по чужеродным видам, разработка прогнозов и оценка последствий инвазий для состояния биоразнообразия, организация взаимодействия с аналогичными структурами в других странах и международных органах.

Однако, несмотря на столь трудоемкую работу по решению поставленной задачи, надлежащий эффект не был бы достигнут без привлечения такого организационно-правового механизма получения экологической информации о чужеродных видах, как государственный учет. Таким образом, в Республике Беларусь активно осуществляется работа по созданию кадастра чужеродных видов.

На наш взгляд, при решении данной проблемы необходимо создать реестр чужеродных видов растений при кадастре растительного мира, т.к. «кадастр» шире, чем понятие «реестр», которое применяется для итоговых, информационно-формируемых в кадастре данных.

Создание данного реестра позволит:

- прогнозировать перспективы появления, распространения отдельных чужеродных видов;
- оценивать перспективы развития экосистем после осуществления природоохранительных действий (создание охраняемых природных территорий, реинтродукция видов, проведение регуляции численности отдельных видов и пр.);
- оценивать вероятности внедрения чужеродных видов и последствий для биоразнообразия.

ЛИТЕРАТУРА

В рамках сотрудничества Советом глав правительств СНГ было принято «Соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды государств-участников Содружества Независимых Государств» (далее соглашение). Повышенный правовой интерес на международной арене к государственному учету природных ресурсов в форме кадастров весьма оправдан, так как без надлежащего обеспечения сбора, обработки, накопления и систематизации экологической информации на национальном уровне невозможно говорить о надлежащей реализации права каждого на благоприятную окружающую среду в целом.

На сегодняшний день в законодательстве государств-участников СНГ отсутствует специальный модальный законодательный акт, регулирующий общественные отношения в области экологической информации в целом, в котором бы отдельное место занимал вопрос о создании кадастра чужеродных видов, которые угрожают наземным, пресноводным и морским биоценозам.

На основании проведенного анализа, на наш взгляд, целесообразно разработать и принять модальный законодательный акт, который будет способствовать: гармонизации законодательства государств-участников СНГ в области экологической информации; созданию эффективных правовых механизмов реализации прав граждан на получение полной, достоверной и своевременной информации о состоянии окружающей среды; обеспечению своевременного выявления и снижения инвазии на территориях государств-участников СНГ. Создание данного законодательного акта должно соответствовать основным целям и задачам, как СНГ в целом, так и организованного в рамках деятельности СНГ – Межгосударственного экологического совета государств-участников СНГ.

Заключение. В современном мире с возросшими масштабами межгосударственных и межконтинентальных перемещений населения и различных товаров резко участились случаи непреднамеренного переноса чужеродных животных и растений. И все чаще в их числе – нежелательные, а нередко и вредные виды. Их перенос на новые территории (и акватории) и обоснование (инвазии) вызывают, порой, самые серьезные экологические последствия. Для решения проблемы прогнозирования и распространения инвазивных растений на территорию Республики Беларусь необходимо проведение государственного учета и создание реестра чужеродных видов растений при кадастре растительного мира Республики Беларусь.

1. Семенченко, В. Проблема чужеродных видов в фауне и флоре Беларуси / В. Семенченко, А. Пугачевский // Наука и инновации. – 2006. – № 10. – С. 15–20.
2. Бринчук, М.М. Экологическое право (право окружающей среды): учебник для студентов вузов, обучающихся по спец. «Юриспруденция» / М.М. Бринчук. – М.: Юристъ: Ин-т гос-ва и права РАН, Акад. прав. ун-т, 2000. – 688 с.
3. Гетьман, А.П. Методологічні засади становлення правових основ охорони довкілля / А.П. Гетьман // Право України. – 2011. – № 2. – С. 11–19.
4. Петров, В.В. Экологическое право России: учебник для вузов / В.В. Петров. – М.: БЕК, 1995. – 557 с.
5. Полянская, Г.Н. Охрана права государственной собственности на леса / Г.Н. Полянская. – М.: Госюриздат: Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР, 1956. – 252 с.
6. Крассов, О.И. Право лесопользования в СССР / О.И. Крассов. – М.: Наука АН СССР: Ин-т государства и права, 1990. – 238 с.
7. Semenchenko, V.P. Checklist of aquatic alien species established in large river basins of Belarus / V.P. Semenchenko, V.K. Rizevsky, S.E. Mastitsky, V.V. Vezhnovets // Aquatic Invasions. – 2009. – Vol. 4, № 2. – P. 337–347.
8. Panov, V.E. Assessing the Risks of Aquatic Species Invasions via European Inland Waterways: From Concepts to Environmental Indicators / V.E. Panov, B. Alexandrov, K. Arbac'iauskas, R. Binimelis // Integrated Environmental Assessment and Management. – 2009. – Vol. 5, № 1. – P. 110–126.
9. Абрамова, Л.М. Экспансия чужеродных видов растений на южном Урале (Республика Башкортостан): анализ причин и экологических угроз / Л.М. Абрамова // Экология. – 2012. – № 5. – С. 324–330.
10. Состояние окружающей среды Респ. Беларусь: нац. доклад / М-во природных ресурсов и охраны окружающей среды Респ. Беларусь, РУП «БелНИЦ “Экология”». – Минск: БелНИЦ “Экология”, 2015. – 102 с.
11. О растительном мире [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 14 июня 2003 г., № 205-3 // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
12. Конвенция о биологическом разнообразии [Электронный ресурс]: подписана в Рио-де-Жанейро 5 июня 1992 г.: ратифицирована постановлением Верховного Совета Респ. Беларусь, 10 июня 1993 г., № 2358-XII // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
13. Конвенция по управлению балластными водами [Электронный ресурс]: [заключена в г. Лондон, 2004 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ЗАО «КонсультантПлюс». – Минск, 2016.
14. Конвенция по защите морской среды района Балтийского моря [Электронный ресурс]: [заключена в г. Хельсинки, 1992 г.] / КонсультантПлюс. Беларусь / ЗАО «КонсультантПлюс». – Минск, 2016.
15. Rejmanek, M. What attributes make some plant species more invasive? / M. Rejmanek // Ecology. – 1996. – Vol. 77, iss. 6. – P. 1655–1661.
16. Ek, P.P. A global assessment of invasive plant impacts on resident species, communities and ecosystems: the interaction of impact measures, invading species' traits and environment / P.P. Ek [et al.] // Global Change Biology. – 2012. – Vol. 18. – P. 1725–1737.
17. О некоторых вопросах регулирования распространения и численности видов дикорастущих растений [Электронный ресурс]: постановление М-ва природ. ресурсов и охраны окружающей среды Респ. Беларусь, 10 янв. 2009 г., № 2 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология Проф. / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2016.
18. О некоторых вопросах регулирования интродукции и (или) акклиматизации дикорастущих растений [Электронный ресурс]: постановление М-ва природ. ресурсов и охраны окружающей среды Респ. Беларусь от 28.11.2008 г., № 106 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология Проф. / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2016.

Поступила в редакцию 07.09.2016 г.

Вопросы субординации между типичными, нетипичными и модифицированными источниками права

Сильченко Н.В.

Белорусский государственный университет

В юридической науке основательно исследованы субординационные связи внутри и между типичными источниками права, но менее изучены связи субординации между типичными и нетипичными, а также между типичными и модифицированными источниками права.

Цель статьи – рассмотреть особенности субординационных связей между типичными и нетипичными, а также между типичными и модифицированными источниками права.

Материал и методы. Материалом исследования послужили доктринальные положения о классификации источников права и их иерархии, а также практика закрепления иерархических связей в действующем праве. Основными методами являются диалектический, анализа и синтеза, индукции и дедукции, формально-логический и сравнительного правоведения.

Результаты и их обсуждение. В пределах отдельных видов и подсистем источников права формируются нетипичные и модифицированные источники права, у которых складываются субординационные связи с типичными источниками права. Субординационные связи между типичными и нетипичными источниками права, как правило, в действующем праве не закрепляются либо в силу очевидности закрепляются в самом общем плане. Наоборот, субординационные связи между типичными и модифицированными источниками права регулируются более подробно, но не в полной мере, что не позволяет определить точное место модифицированных источников права в иерархии источников права.

Заключение. В полном объеме правовое закрепление всех видов иерархических связей рекомендуется осуществить в кодексе об источниках права.

Ключевые слова: иерархия, субординация, типичные, нетипичные, модифицированные источники права, кодекс об источниках права.

Problems of Subordination between Typical, Non-typical and Modified Sources of Law

Silchenko N.V.

Belarusian State University

In juridical science subordination relationships within and between the typical sources of law are thoroughly studied, but subordination relationship between typical and non-typical are less examined, as well as those between typical and modified sources of law.

The aim of the article is to consider the features of subordinate relations between typical and non-typical, as well as between typical and modified sources of law.

Material and methods. The material for study is the doctrinal provisions on the classification of the sources of law and their hierarchy, as well as the practice of fixing hierarchical relationships in the existing law. The main methods are dialectical method, methods of analysis and synthesis, induction and deduction, formal and logical method and method of comparative law.

Findings and their discussion. Within the individual types and subsystems of sources of law non-typical and modified sources of law are formed, which have the subordination relations with typical sources of law. Subordinate relationship between typical and non-typical sources of law, as a rule, is not fixed in the existing law, or due to the evidence is fixed in very general terms. Vice-versa, subordination relationship between typical and modified sources of law are regulated in detail, but not to the full, that does not allow to determine the exact place of the modified sources of law in the hierarchy of sources of law.

Conclusion. The full legal consolidation of all types of hierarchical relationships is recommended to implement in the Code of sources of law.

Key words: hierarchy, subordination, typical, non-typical, modified sources of law, Code of sources of law.

Сердцевина иерархии источников права – связи субординации, которые объединяют отдельные виды, подсистемы и уровни источников права в целостную систему и обеспечивают результативность воздействия каждого отдельного источника права на общественные отношения. Можно выделить субординационные связи: а) внутри типичных источников права; б) между

типичными источниками права; в) между типичными и нетипичными источниками права; г) между типичными и модифицированными источниками права. В юридической науке подробно исследованы субординационные связи внутри типичных источников права и между типичными источниками права [1–6], менее изученными остаются связи субординации между типичными и нетипичными, а также между типичными и модифицированными

источниками права. Дело в том, что пока не ясной остается природа нетипичных и модифицированных источников права, которая и оказывает решающее воздействие на характер связей между типичными, нетипичными и модифицированными источниками права.

Цель статьи состоит в том, чтобы определить особенности субординационных связей между типичными и нетипичными, а также между типичными и модифицированными источниками права и сформулировать практические предложения по правовому закреплению данных связей в действующем праве.

Материал и методы. Материалом исследования послужили доктринальные положения об иерархии в системе источников права и практика закрепления связей иерархии в действующем праве. Основными методами являются диалектический, анализа и синтеза, индукции и дедукции, формально-логический и сравнительного правоведения.

Результаты и их обсуждение. Огромный массив источников современного права подразделяется на две большие группы – источники традиционные и нетрадиционные. В состав традиционных источников права входят правовой обычай и правовой прецедент, договор нормативного содержания и нормативный правовой акт, доктрина (наука) и Священное Писание. Традиционные источники права существуют во всех правовых системах прошлого и настоящего, правда, используются в разном сочетании и разных пропорциях. С помощью традиционных источников права можно в принципе закрепить всё богатство действующего позитивного права [7]. Вместе с тем под воздействием самых разных факторов в национальных правовых системах возникают нетрадиционные источники права, к которым в общем плане мы можем отнести все те источники, у которых нет устойчивых качеств, присущих традиционным источникам права. Исследователи расходятся во взглядах о видовом составе традиционных и нетрадиционных источников права, но данное расхождение не отменяет самого деления источников права на источники традиционные и нетрадиционные.

Деление источников права на источники традиционные и нетрадиционные пересекается с их классификацией на типичные и нетипичные. Но это разные классификации, поскольку во втором случае осуществляется разделение только традиционных источников права в рамках определенной формально-правовой общности на основании интенсивности распространения у них устойчивых качеств – модельных параметров [8, с. 47]. При этом у типичных источников наблюдаются все

модельные параметры, свойственные традиционным источникам права, а у нетипичных отдельные параметры отсутствуют, но в то же время у них имеются уникальные правовые качества.

Нетипичные источники права – это, как правило, отдельные подвиды в пределах традиционных видов источников права. Так, в советской правовой системе в пределах нормативных правовых актов выделялся самостоятельный подвид актов, в состав которого входили совместные постановления ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, совместные постановления партийных и советских органов в союзных республиках. В современной правовой системе Республики Беларусь к нетипичным источникам права в пределах нормативных правовых актов относятся Директивы Президента Республики Беларусь, являющиеся уникальной правовой формой реализации полномочий Главы государства, посредством которой закрепляются основные направления внутренней и внешней политики государства.

В каждой формально-правовой общности у традиционных источников права наблюдаются различия в модельных параметрах. Одно дело, типичность нормативного правового акта в рамках романо-германской правовой семьи и иное дело – его модельные параметры в рамках семьи общего права.

Между типичными и нетипичными источниками права устанавливаются специфические связи, которые проявляются в том, что, во-первых, нетипичные источники права по своему содержанию находятся в «силовом поле» определенных типичных источников права, а, во-вторых, их юридическая сила определяется посредством сопоставления с юридической силой типичных источников права. Можно ли отнести связи между данными группами актов к субординационным связям? Ответ должен быть утвердительным независимо от того, придана ли нетипичным источникам права более высокая юридическая сила по отношению к типичным источникам права, или же они находятся в подчиненном положении по отношению к последним.

Субординационные связи между типичными и нетипичными источниками права, как правило, закрепляются в самом общем плане. Так, например, Директивы Президента Республики Беларусь определены в законе «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» в качестве указов программного характера, чем подчеркиваются их особое положение среди законодательных актов и специальная направленность.

Важное место в белорусской правовой системе занимают модифицированные источники

права, которые формируются в рамках подсистемы источников национального права в целом и сочетают в себе модельные параметры нескольких традиционных источников права, но при этом ни к одному из них не относятся. Например, постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь сочетают в себе типичные свойства нормативного правового акта и правового прецедента. У заключений Конституционного Суда Республики Беларусь также имеются черты нормативного правового акта и правового прецедента. Кроме того, у актов Конституционного Суда отмечаются признаки и доктринального источника права. Так, профессор В.В. Лазарев отмечает, что «...акты конституционного суда более всего приближаются по своему содержанию к доктрине. Правовые позиции, выраженные в решении конституционного суда, вместе, или лучше сказать, в контексте с особыми мнениями судей напоминают доктрину в самом прямом смысле этого слова» [9, с. 10].

До сих пор имеются нерешенные вопросы относительно юридической природы [10, с. 45] и характера связей между типичными источниками права и постановлениями Пленума Верховного Суда Республики Беларусь. На наш взгляд, постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь образуют самостоятельную подгруппу в составе модифицированных источников права в силу их особого назначения в системе источников права. Данные акты адаптируют нормы права, закрепленные в самостоятельных видах источников права, к реальным общественным отношениям без изменения содержания норм права и без их нормативного толкования, которые, как известно, осуществляются в ходе правотворческого процесса. Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь одновременно выполняют две функции – интерпретацию других источников права и обобщение судебной практики и судебной статистики. Причем ни одна из данных функций не может быть осуществлена сама по себе без выполнения другой. Только интерпретация на основании обобщения и только такое обобщение судебной практики и судебной статистики, которое приводит к интерпретации других источников права, обеспечивают нормативный характер постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, т.е. их обязательность для органов судебной власти, других государственных органов, должностных лиц и граждан.

Место постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь в иерархии источников права определяется путем сопоставления данных актов с теми источниками, нормы которых были интерпретированы в актах Верховного Суда и

относительно действия которых были обобщены судебная практика и судебная статистика. Данная подгруппа модифицированных источников права связана со всеми видами источников права, но не находится в «силовом поле» какого-то одного вида источников права, а юридическая сила постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь имеет «подвижной характер» и не превышает юридической силы интерпретируемых источников права.

Основная функция заключений Конституционного Суда Республики Беларусь сводится к обеспечению соответствия системы источников национального права Основному закону Республики Беларусь как по содержанию, так и по форме [11] и осуществляется посредством выполнения конституционного контроля [12] за результатами правотворческой деятельности.

Заключения Конституционного Суда Республики Беларусь занимают в системе источников права промежуточное положение между Конституцией Республики Беларусь и тем источником права, который проверяется полностью или в какой-то части на предмет соответствия Основному закону государства. Заключения Конституционного Суда Республики Беларусь, точно так же, как и постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, «завязываются» на систему источников права в целом, но точно так же, как и постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, не находятся в «силовом поле» у проверяемых источников права. В то же самое время юридическая сила заключений Конституционного Суда отличается от юридической силы постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь. Поскольку абсолютно все источники современного белорусского права могут быть проверены Конституционным Судом на их соответствие Основному закону государства и отменены в случае противоречия Конституции вышестоящему источнику права, то юридическая сила заключений Конституционного Суда Республики Беларусь уступает юридической силе Основного закона, но превосходит юридическую силу проверяемых источников права. Только в такой «связке» заключения Конституционного Суда Республики Беларусь приобретают юридическую значимость и обязательность для всех субъектов права.

Связи субординации между типичными, нетипичными и модифицированными источниками права закрепляются в действующем праве фрагментарно, что явно не соответствует возрастающей роли нетипичных и модифицированных источников в системе источников современного белорусского права. К сожалению, не удалось

в полном объеме урегулировать данные субординационные связи в законе «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», кодексе «О судостроительстве и статусе судей», законе «О Конституционном Суде Республики Беларусь» и законе «О конституционном судопроизводстве».

Комплексное и полное закрепление данного вида иерархических связей, равно как и связей иерархии в целом, по всей видимости, можно осуществить лишь в кодексе об источниках права. Попутно подчеркнем, что эта идея о создании кодекса об источниках права находит поддержку среди белорусских и российских ученых. Так, С.Г. Дробязко среди нормативных правовых актов, которые необходимо принять, называет и кодекс об источниках права [13, с. 145]. Российский ученый Ю.Г. Арзамасов также соглашается с тем, что «...следовало бы принять федеральный закон “Об источниках (формах) права в Российской Федерации”, который бы стал основополагающим, базовым документом, основой правового регулирования в нашем государстве. Закрепив в данном документе все виды (формы) источников права, следовало бы принять и видовые законы, регламентирующие различные виды нормотворческого процесса в государстве и унифицирующие виды нормативных актов, осуществляющих правовое регулирование в той или иной сфере» [14, с. 331].

Заключение. Традиционные источники права в рамках определенной формально-правовой общности подразделяются на источники типичные и нетипичные. Типичные источники права имеют устойчивый набор параметров, составляющих модель определенного вида источников права. У нетипичных источников права отсутствуют некоторые модельные параметры, присущие традиционным видам источников права, но имеются уникальные правовые свойства. Связи между типичными и нетипичными источниками права имеют субординационный характер и проявляются в том, что нетипичные источники права находятся в «силовом поле» типичных источников права, а их юридическая сила определяется посредством сопоставления с юридической силой типичных источников права. Модифицированные источники права сочетают в себе параметры нескольких традиционных источников права и образуют самостоятельную группу в рамках подсистемы источников национального права. Модифицированные источники права не находятся «в силовом поле» ни одного из типичных источников права. Но

если юридическая сила постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь не превышает юридической силы интпретируемых источников права, то юридическая сила заключений Конституционного Суда Республики Беларусь, наоборот, превосходит юридическую силу источников права, проверяемых на предмет соответствия Конституции государства. В полном объеме правовое закрепление субординационных связей между типичными, нетипичными и модифицированными источниками права вместе с иными видами иерархических связей – связями корреляции и координации – предлагается осуществить в кодексе об источниках права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гетьман, А.П. Методологічні засади становлення правових основ охорони довкілля / А.П. Гетьман // *Право України*. – 2011. – № 2. – С. 11–19.
2. Зивс, С.Л. Источники права / С.Л. Зивс. – М.: Наука, 1981. – 181 с.
3. Мицкевич, А.В. Акты высших органов советского государства: юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР / А.В. Мицкевич. – М.: Юрид. лит.-ра, 1967. – 243 с.
4. Самощенко, И.С. Иерархия и основные подразделения нормативных актов социалистического государства / И.С. Самощенко // *Ученые записки ВНИИСЗ*. – 1968. – Вып. 15. – С. 24–32.
5. Шебанов, А.Ф. Форма советского права / А.Ф. Шебанов. – М.: Юрид. лит.-ра, 1968. – 286 с.
6. Марченко, М.Н. Источники права / М.Н. Марченко. – М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2005. – 760 с.
7. Толстик, В.А. Иерархия источников российского права / В.А. Толстик. – Нижний Новгород, 2002. – 215 с.
8. Муравский, В.А. Источники актуального права / В.А. Муравский // *Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-я Рос. акад. наук*. – 2003. – № 4. – С. 456–490.
9. Егоров, А.В. Теоретико-методологические основания сравнительного правоведения / А.В. Егоров. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. – 207 с.
10. Лазарев, В.В. Поиск права / В.В. Лазарев // *Журнал российского права*. – 2004. – № 7. – С. 3–14.
11. Бибило, В.Н. Роль Пленума Верховного Суда Республики Беларусь в совершенствовании судебной практики / В.Н. Бибило // *Судовы весн*. – 1998. – № 3. – С. 45.
12. Пугачев, А.Н. Понятие, признаки и форма правовых актов конституционного судопроизводства / А.Н. Пугачев // *Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь*. – 2004. – № 3. – С. 66–73.
13. Кучинский, В.А. Конституционный контроль как условие формирования и функционирования правового государства / В.А. Кучинский // *Проблемы формирования правового государства в Беларуси: сб. науч. тр. / под ред. В.А. Кучинского*. – Минск, 1998. – С. 47–57.
14. Дробязко, С.Г. Отрасли права и отрасли законодательства в правовой системе Республики Беларусь и их совершенствование / С.Г. Дробязко // *Степан Григорьевич Дробязко: к 90-летию со дня рождения С.Г. Дробязко / Белорус. гос. ун-т, юрид. фак., юрид. колледж; редкол.: С.А. Балашенко [и др.]*. – Минск: Бизнесофсет, 2013. – С. 135–147.
15. Арзамасов, Ю.Г. Теория и практика ведомственно-нормотворчества в России / Ю.Г. Арзамасов – М.: Юрлитинформ, 2013. – 480 с.

Поступила в редакцию 29.08.2016 г.

Правосубъектность субъектов поддержки малого и среднего предпринимательства

Гурщенок П.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Всемерная поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства – основа экономических реформ в странах СНГ. Стоит задача комплексного изучения содержания правосубъектности субъектов поддержки малого и среднего предпринимательства.

Целью данной статьи являются определение правосубъектности субъектов поддержки малого и среднего предпринимательства, выработка мер по их совершенствованию в законодательной сфере.

Материал и методы. Материалом исследования стали законодательство Республики Беларусь, специальная научная литература. Методы изучения: диалектический, логический, аналитико-критический, историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой, системного анализа.

Результаты и их обсуждение. В статье определяются правосубъектность субъектов поддержки малого и среднего предпринимательства, система субъектов поддержки и их инфраструктура.

Заключение. Правосубъектность субъектов поддержки малого и среднего предпринимательства – это совокупность общего и специального правового статуса. Общей правовой статус включает понятие субъекта поддержки как юридического лица, порядок его создания, реорганизации и ликвидации; состав и источники образования имущества; органы управления, их полномочия и порядок управления юридическим лицом.

К специальному правовому статусу относят права и обязанности субъектов поддержки малого и среднего предпринимательства, порядок приобретения и прекращения статуса, взаимоотношения с субъектами малого и среднего предпринимательства, наличие инфраструктуры.

Ключевые слова: субъект поддержки малого и среднего предпринимательства, правосубъектность субъектов поддержки малого и среднего предпринимательства, инфраструктура поддержки малого и среднего предпринимательства.

Legal personality of subjects of small and medium scale business enterprises

Gurshchenkov P.V.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

Full support and development of small and medium-scale business enterprises are the basis of economic reforms in the CIS countries. We face the task of a complex study of maintenance of legal personality of subjects of support of small and medium-scale business enterprises.

The aim is determination of legal personality of subjects of support of small and medium-scale business enterprises, working out measures of their improvement in the legislative sphere.

Material and methods. The research is based on the legislation of the Republic of Belarus and special scientific literature. Research methods: dialectical, logical, historical-legal, comparative, formal-legal, systemic analysis.

Results and its discussion. The article defines the personality of the subjects of support of small and medium entrepreneurship, support system entities and their infrastructure.

Conclusion. Legal personality of subjects of support of small and medium-scale business enterprises is a set of general and special legal status. General legal status includes the concept of subject of support as a legal entity, order of its formation, reorganization and liquidation, composition and sources of property, management organs, their competency and management order of a legal entity.

To the special legal status they refer rights and duties of subjects of support of small and medium-scale business enterprises, order of acquisition and termination of status, interrelation with small and medium-scale business enterprises, availability of infrastructure.

Key words: subject of support of small and medium-scale business enterprises, legal personality of subjects of support of small and medium-scale business enterprises, infrastructure of support of small and medium-scale business enterprises.

Важная роль в развитии экономики принадлежит малому и среднему предпринимательству. Всемерная поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства относятся к ключевым моментам экономических реформ в государствах СНГ. Доказательством

признания малого предпринимательства одним из важнейших составляющих элементов рыночной экономики, имеющего значение для каждого из государств Содружества, явилось подписание 17 января 1997 г. Соглашения о поддержке и развитии малого предпринимательства в государствах-участниках СНГ. Поэтому возникла

необходимость в научном осмыслении сущности правосубъектности субъектов поддержки малого и среднего предпринимательства, где до настоящего времени не проведены комплексные исследования. Выявление закономерностей позволит увидеть перспективы развития правовых норм в области поддержки малого и среднего предпринимательства, а также найти пути повышения эффективности действия правовых норм в данной области.

Целью данной научной работы являются определение теоретических и практических проблем правосубъектности субъектов поддержки малого и среднего предпринимательства, выработка мер по их разрешению путем формулирования теоретических выводов и предложений по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Материал и методы. Материалом проведенного исследования стали законодательство Республики Беларусь, специальная научная литература по проблематике правосубъектности субъектов поддержки малого и среднего предпринимательства. Основные методы: диалектический, логический, аналитико-критический, историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой, системного анализа.

Результаты и их обсуждение. Назначение категории правосубъектности как общей предпосылки участия в гражданско-правовых отношениях состоит в том, что по своей роли в механизме правового регулирования она выступает в качестве средства фиксации круга субъектов, т.е. лиц, обладающих способностью быть носителями субъективных прав и обязанностей.

Лицо признается субъектом права, если оно обладает правосубъектностью. Правосубъектность составляет содержание предельно абстрактного межотраслевого понятия «субъект права». В дальнейшем идет процесс «развертывания», обогащения правосубъектности посредством понятий правоспособности и правового статуса субъекта права, конкретных его прав и обязанностей [1, с. 16]. Поэтому важно проанализировать, что представляет собой правосубъектность, правоспособность, правовой статус субъекта поддержки малого и среднего предпринимательства, его конкретное право, взаимосвязь и границы проявления.

Из общей теории права известно, что субъектами права являются лица и организации, за которыми законом признано особое юридическое свойство правосубъектности, дающее возможность участвовать в различных правоотношениях с другими лицами и организациями. Правосубъектность включает в себя

правоспособность и дееспособность, а также правовой статус субъекта права. Под правоспособностью понимается способность лица иметь права и обязанности, предусмотренные законом, то есть конкретные позитивные права и обязанности участников различных правоотношений. Под дееспособностью подразумевается способность своими действиями приобретать, реализовывать субъективные права и налагать на себя юридические обязанности. Данное легальное определение гражданской дееспособности очень важно для физических лиц. У юридических лиц, органов государства и общественных организаций право- и дееспособность, как правило, не разделяются и всегда присутствуют у правомочного юридического лица [2, с. 240]. С.С. Алексеев справедливо указывает, что «в реальной жизни нет субъективного права (как юридического явления), если оно не “право” по отношению к кому-либо, т.е. если оно так или иначе не связано с обязанностями. Нет и обязанности (как юридического явления), если ей не корреспондирует право требования. Право, не обеспеченное обязанностями, и обязанности, неподкрепленные правом требования, превращаются в “юридический нуль”» [3, с. 331]. «Правосубъектность есть предусмотренная нормами права способность (возможность) быть участниками правоотношений» [4, с. 224]. С.С. Алексеев считает, что «субъект права» и «правосубъектность» по своему основному содержанию совпадают. Субъект права – это лицо, обладающее правосубъектностью, т.е. лицо, потенциально (вообще) способное быть участником правоотношений, а субъект правоотношений – это реальный участник данных правовых отношений [3, с. 379–380].

В свою очередь С.Н. Братусь, отождествляя правоспособность с правосубъектностью, рассматривает все права и обязанности, предоставленные субъекту права в силу действия закона, как элементы правоспособности [5, с. 13].

Правосубъектность юридического лица по своему содержанию не может совпадать с его право- и дееспособностью в гражданских правоотношениях. Являясь субъектом широкого круга правоотношений, юридическое лицо приобретает правовой статус, дифференцированный в зависимости от содержания и характера конкретных правоотношений. Следует согласиться с Р.О. Халфиной, которая при определении понятия «правосубъектность» включает в него те нормы, образующие правовой статус, которые позволяют участвовать в правоотношениях. Обладая правосубъектностью как общей предпосылкой участия в правоотношениях, юридические лица обладают правосубъектностью, соотносимой

с их правовым статусом, который, по мнению Р.О. Халфиной, устанавливается государством с учетом цели, для выполнения которой они создаются [6, с. 114–128].

В различных по своей правовой природе правоотношениях юридические лица фигурируют как субъекты, наделенные различным по своему содержанию правовым статусом. Соответственно каждая из отраслей права определяет свой вид правосубъектности юридического лица. Однако в рамках отрасли права, регулирующей однородные общественные отношения, для юридических лиц, относящихся к различным видам, не может быть определена различная по объему правосубъектность. Отличия в способности к правообладанию могут быть только между отраслевыми видами правосубъектности юридических лиц.

Правосубъектность юридического лица можно рассматривать как систему, каждый из элементов которой определяет правовой статус юридического лица в конкретной сфере общественных отношений. Она определяется их местом в экономической системе государства, а содержание правосубъектности образует совокупность прав и обязанностей, фактически возлагаемых на юридическое лицо в процессе правового регулирования экономической деятельности.

Правосубъектность в единстве с другими общими правами и обязанностями охватывается понятием правового статуса [3, с. 382]. Чтобы быть субъектами правоотношений, юридические лица должны быть наделены правосубъектностью. При рассмотрении вопросов, связанных с правосубъектностью юридических лиц, чаще используют термин «правоспособность».

Отраслевая правосубъектность юридических лиц не может отличаться в рамках одной отрасли права.

Характеризуя правосубъектность юридического лица, мы исходим из того, что категории «правосубъектность» и «правоспособность» по своему содержанию не совпадают. Длительная общетеоретическая дискуссия о возможности отождествления правоспособности и правосубъектности, как известно, была связана с тем, что цивилистическая наука, признающая правоспособность только категорией гражданского и трудового права, рассматривала правосубъектность в качестве категории, равной правоспособности. Е.А. Флейшиц объясняла принадлежность категории правоспособности к гражданскому и трудовому праву только тем, что только в этих областях общественных отношений существует необходимость устанавливать особую предпосылку

возникновения субъективных прав и обязанностей, так как в сфере обмена товаров и распределения по труду права и обязанности не могут быть одинаковыми у всех граждан и организаций [7]. Среди основных отраслей публичного права признают правосубъектность юридических лиц такие отрасли права, как хозяйственный и гражданский процесс, финансовое право. В системе частного гражданского права, включающей в себя, по определению Е.А. Суханова, ряд подотраслей (вещное право, обязательственное право, наследственное право и др.), правосубъектность юридических лиц урегулирована наиболее полно [8].

Изменение фундаментальных устоев белорусского общества существенным образом повлияло на принципиальные начала правового регулирования хозяйственной деятельности. Правоспособность субъектов предпринимательства как научная категория и как практически применимая ценность выдвинулась в этом плане на одно из первых мест. Именно правоспособность и взаимодействующие с ней понятия правосубъектности и правового статуса очерчивают исходные, стартовые правовые возможности рыночных субъектов хозяйствования. В них видны границы поведения, выход за которые не допускается законом.

Следует отметить, что советское законодательство давало ученым вполне ясные основания для классификации правоспособности, которая подразделялась на правоспособность граждан, Советского государства и юридических лиц. Она соответственно признавалась общей, универсальной и специальной. Специальная правоспособность юридических лиц никем не оспаривалась. При ее анализе внимание уделялось главным образом причинам и содержанию специального статуса организаций как юридических лиц. Юридическое лицо создавалось для выполнения строго определенных функций и в этих целях осуществляло ту или иную деятельность. Оно нуждалось лишь в тех правах и обязанностях, которые обеспечивали реализацию возложенных задач. Поэтому правосубъектность юридического лица признавалась специальной. В теории хозяйственного права специальный характер правоспособности субъектов обосновывался учетом самой природы хозяйственной деятельности [9].

Однако с принятием новых гражданских кодексов в государствах бывшего СССР понятие правоспособности стало предметом научных споров. По мнению разработчиков Гражданского кодекса Российской Федерации, правоспособность коммерческих организаций является общей, кроме

тех юридических лиц, чья правоспособность по прямому указанию закона носит специальный характер. М. Брагинский и К. Ярошенко отмечают, что принцип специальной правоспособности действует лишь в отношении прямо указанных в ст. 49 ГК РФ юридических лиц, и они могут совершать лишь действия, которые предусмотрены в их учредительных документах. Все другие коммерческие организации могут осуществлять любые виды деятельности, не запрещенные законом [10, с. 15]. Аналогичную позицию занимает Е.А. Суханов [11].

Так, В.В. Лаптев считает, что субъект со специальной правоспособностью может осуществлять лишь такие виды деятельности, приобретать только такие права, которые соответствуют предмету его деятельности [9].

В Гражданском кодексе Республики Беларусь за всеми юридическими лицами сохранена специальная правоспособность, что сужает их предпринимательские способности, возможность гибкого реагирования на потребности рынка. Юридическое лицо выполняет только те обязанности, которые связаны с его деятельностью. Отдельными видами деятельности юридическое лицо может заниматься только на основании лицензии [12].

На природу правоспособности имеются различные взгляды. Ее именуют качеством, общим правом [13], способностью (возможностью) иметь конкретные субъективные права и исполнять обязанности [14] и др.

По мнению В.В. Кудашкина, понимание общей и специальной правоспособности организаций как субъектов гражданского права должно основываться на идее общего дозволения и общего запрета, используемых при регулировании общественных отношений. В этом плане при действии общего запрета имеет место наделение субъекта правоспособностью вследствие отсутствия у него каких-либо прав. Это будет специальная правоспособность в сфере действия запрета. В свете действия общего дозволения возможна локальная специальная правоспособность юридического лица, когда возникает необходимость легализации уже существующей общей правоспособности, что и имеет место при лицензировании его деятельности. Усиление ограничений обнаруживается в отношении отдельных групп коммерческих организаций с указанием не только на предпринимательскую цель, но и на предмет их деятельности (унитарное предприятие и другие организации). Следует обратить внимание на возможность такого ограничения в силу закона прав юридического лица, даже являющегося коммерческой организацией, как занятие строго

определенным видом предпринимательской деятельности, разрешенной законом, совершенно исключает занятие любым другим видом деятельности (ст. 49 п. 1 ГК РФ). Одно и то же юридическое лицо, считает В.В. Кудашкин, одновременно может иметь общую правоспособность на осуществление любых видов не лицензируемой деятельности в пределах общего дозволения и специальную – в сфере действия запрета, на которую не распространяется принцип общей правоспособности. Такая правоспособность может быть признана смешанной [15].

Правоспособность является общей основой для вступления в правоотношения. Категория правоспособности имеет большое значение для характеристики правового положения субъектов правоотношений. Для ее рассмотрения важно исходить из правильных общетеоретических представлений.

В гражданском праве, в отличие от других отраслей права, происходит «разъединение» правоспособности и дееспособности, объясняемое цивилистами природой гражданских и некоторых иных имущественных субъективных прав. С.С. Алексеев объясняет природу этих отношений тем, что «процесс осуществления имущественных прав не имеет столь тесной непосредственной связи с носителем права, как это свойственно другим видам субъективных прав (политическим, брачно-семейным и т.п.)» [16].

В процессе раскрытия общей и специальной правоспособности субъектов в качестве методологической основы обычно используют модели (системы) правового регулирования: дозволительную (диспозитивную) и обязывающую (императивную). Согласно первой модели «дозволено все, кроме запрещенного законом». Вторая модель подчеркивает: «запрещено все, кроме дозволенного законом». В первой модели субъекту предоставляется общее право, которое ограничивается конкретными запретами, в то время как во второй модели он наделяется в разрешительном порядке конкретными и строго определенными по содержанию и объекту субъективными правами при наличии общего запрета [17]. Приведенные типы правового регулирования предстают как классические модели, характеризующие своей противоположной крайностью общие дозволения и общие запреты. В реальной правовой жизни указанные модели активно взаимодействуют, порождая свои производные формы, имеющие признаки и дозволений, и запретов. Дозволения и запреты приобретают многозначный смысл. Лучше всего их можно обнаружить и понять во взаимосвязи с тем, что ими разрешается и что ограничивается. И здесь

мы выходим на правосубъектность, правоспособность, правовой статус как несущие элементы механизма регулирования нормами позитивного права.

Субъекты поддержки малого и среднего предпринимательства созданы на правовом фундаменте юридической конструкции «юридическое лицо». Данные юридические лица обязаны выполнять строго определенные функции и в этих целях осуществляют свою хозяйственную деятельность. Им даны лишь те права и обязанности, которые обеспечивают реализацию возложенных задач. Поэтому правосубъектность данных юридических лиц относится к специальной правосубъектности. В механизме правового регулирования правосубъектность выступает в качестве средства фиксации круга субъектов – лиц, обладающих способностью быть носителями субъективных прав и обязанностей.

В законодательстве Республики Беларусь устанавливается, что центр поддержки предпринимательства, инкубатор малого предпринимательства, Белорусский фонд финансовой поддержки предпринимателей и общество взаимного финансирования субъектов малого и среднего предпринимательства являются юридическими лицами. В отношении учреждения финансовой поддержки предпринимателей используется термин «некоммерческая организация». В Законе Республики Беларусь от 1 июля 2010 г. «О поддержке малого и среднего предпринимательства» центр поддержки предпринимательства и инкубатор малого предпринимательства определены как юридические лица без указания на вид – коммерческая или некоммерческая организация. Положением о центрах поддержки предпринимательства установлены требования к юридическому лицу, претендующему на регистрацию в качестве центра поддержки предпринимательства или базового центра поддержки предпринимательства, а Положением об инкубаторах малого предпринимательства – требования к юридическому лицу, претендующему на регистрацию в качестве инкубатора малого предпринимательства. Возникает вопрос: юридические лица какого вида могут быть центрами поддержки предпринимательства и инкубаторами малого предпринимательства?

Юридические лица, являющиеся коммерческими организациями, могут создаваться в форме хозяйственных товариществ и обществ, производственных кооперативов, унитарных предприятий, крестьянских (фермерских) хозяйств и иных формах, предусмотренных Гражданским кодексом (п. 2 ст. 46 ГК). Согласно п. 3 ст. 46 ГК

юридические лица, являющиеся некоммерческими организациями, могут создаваться в форме потребительских кооперативов, общественных или религиозных организаций (объединений), финансируемых собственником учреждений, благотворительных и иных фондов, а также в других формах, предусмотренных законодательными актами. Некоммерческие организации создаются для достижения социальных, природоохранных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и юридических лиц, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи в соответствии с законодательством, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ. Создание некоммерческих организаций для удовлетворения материальных (имущественных) потребностей граждан либо граждан и юридических лиц допускается в случаях, предусмотренных ГК и другими законодательными актами.

В результате анализа взаимоотношений субъектов поддержки малого и среднего предпринимательства с субъектами малого и среднего предпринимательства, который будет показан ниже, следует прийти к выводу, что деятельность этих субъектов по поддержке малого и среднего предпринимательства носит преимущественно предпринимательский характер. Понятие предпринимательской деятельности дано в ст. 1 ГК. Предпринимательская деятельность – это самостоятельная деятельность юридических и физических лиц, осуществляемая ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи вещей, произведенных, переработанных или приобретенных указанными лицами для продажи, а также от выполнения работ или оказания услуг, если эти работы или услуги предназначаются для реализации другим лицам и не используются для собственного потребления.

Некоммерческие организации могут осуществлять предпринимательскую деятельность лишь постольку, поскольку она необходима для их уставных целей, ради которых они созданы, соответствует этим целям и отвечает предмету деятельности некоммерческих организаций либо поскольку она необходима для выполнения государственно значимых задач, предусмотренных в их учредительных документах, соответствует

этим задачам и отвечает предмету деятельности данных организаций. Для отдельных форм некоммерческих организаций законодательными актами могут быть установлены требования, предусматривающие их право на занятие предпринимательской деятельностью только посредством образования коммерческих организаций и (или) участия в них (п. 3 ст. 46 ГК).

Определенные некоммерческие организации могут исходя из своей уставной деятельности выполнять функции центров поддержки предпринимательства и инкубаторов малого предпринимательства. К примеру, учреждения образования могут оказывать субъектам малого и среднего предпринимательства услуги по подготовке и переподготовке кадров, проведению обучающих курсов. Использование потенциала таких организаций для поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства не требует дополнительных ресурсов со стороны государства.

Анализ Закона от 1 июля 2010 г. «О поддержке малого и среднего предпринимательства», Положения о центрах поддержки предпринимательства и Положения об инкубаторах малого предпринимательства также позволяет прийти к выводу, что центрами поддержки предпринимательства и инкубаторами малого предпринимательства могут быть как коммерческие, так и некоммерческие организации. Данный вывод подтверждает и сложившаяся в Республике Беларусь практика.

Организации, зарегистрированные Министерством экономики Республики Беларусь в качестве центров поддержки предпринимательства, выступают в организационно-правовой форме ООО, ОДО, ЗАО, ЧУП, КУП, РУП, учреждения, фонда, общественного объединения. В отношении учреждения финансовой поддержки предпринимателей и общества взаимного кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства в Законе от 1 июля 2010 г. прямо указано, что они являются некоммерческими организациями.

В законодательстве о Белорусском фонде финансовой поддержки предпринимателей, учреждениях финансовой поддержки предпринимателей, обществах взаимного кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства или уставах этих некоммерческих организаций закрепляется также возможность осуществления предпринимательской деятельности.

Таким образом, анализ законодательства Республики Беларусь показывает, что все указанные в законодательстве субъекты поддержки малого и среднего предпринимательства являются юридическими лицами.

На практике индивидуальные предприниматели действительно могут взаимодействовать с субъектами малого и среднего предпринимательства, например, оказывать им на договорной основе юридические, консультационные и другие услуги. Но стоит ли законодательно закрепить за индивидуальными предпринимателями возможность приобретения статуса субъекта поддержки малого и среднего предпринимательства? На наш взгляд, таких оснований нет.

Прежде всего, индивидуальные предприниматели сами отнесены к субъектам малого предпринимательства (ст. 3 Закона Республики Беларусь от 1 июля 2010 г. «О поддержке малого и среднего предпринимательства»). И индивидуальным предпринимателям, в первую очередь, необходима поддержка в организации и развитии предпринимательской деятельности. Юридические лица по сравнению с индивидуальными предпринимателями располагают большими ресурсами, а также необходимым персоналом для оказания поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства. Субъект поддержки малого и среднего предпринимательства в организационно-правовой форме юридического лица предпочтительнее и с точки зрения стабильности его существования и деятельности.

Таким образом, субъект поддержки малого и среднего предпринимательства – это юридическое лицо, выступающее в организационно-правовой форме соответствующей коммерческой или некоммерческой организации. Вместе с тем изложенное выше позволяет выделить и другие признаки субъектов поддержки малого и среднего предпринимательства.

Юридическое лицо должно быть специально создано согласно законодательству для поддержки малого и среднего предпринимательства и (или) зарегистрировано в этом качестве в установленном законодательством порядке.

Прежде всего, в качестве субъекта поддержки малого и среднего предпринимательства могут выступать организации, изначально созданные для осуществления поддержки малого и среднего предпринимательства. К ним следует отнести Белорусский фонд финансовой поддержки предпринимателей, учреждения финансовой поддержки предпринимателей и общества взаимного финансирования субъектов малого и среднего предпринимательства.

Другие организации получают статус субъектов поддержки малого и среднего предпринимательства в результате их регистрации в этом качестве в установленном законодательством порядке. Это касается центров поддержки

предпринимательства и инкубаторов малого предпринимательства. Основная деятельность юридического лица может быть не связана с поддержкой малого и среднего предпринимательства, но оно способно выполнять задачи, возложенные законодательством на субъекта поддержки малого и среднего предпринимательства, и может быть признано центром поддержки предпринимательства и инкубатором малого предпринимательства путем соответствующей регистрации. Поэтому в законодательстве для таких организаций нет требований об указании в названии на центр поддержки предпринимательства или инкубатор малого предпринимательства. Вместе с тем и такие организации изначально могут быть созданы специально для поддержки малого и среднего предпринимательства и зарегистрированы в этом качестве.

По своей правовой природе субъекты поддержки малого и среднего предпринимательства – это юридические лица. Субъектом поддержки малого и среднего предпринимательства может быть как коммерческая, так и некоммерческая организация. При этом одни организации специально создаются для поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. Другие организации способны выполнять задачи, возложенные законодательством на субъекта поддержки малого и среднего предпринимательства, и становятся субъектами поддержки малого и среднего предпринимательства в результате их регистрации в этом качестве в установленном законодательством порядке.

Таким образом, субъект поддержки малого и среднего предпринимательства – это юридическое лицо (коммерческая или некоммерческая организация), созданное для поддержки малого и среднего предпринимательства и (или) зарегистрированное в этом качестве в установленном законодательством порядке.

Заключение. По своей правовой природе субъекты поддержки малого и среднего предпринимательства – это юридические лица. Субъектом поддержки малого и среднего предпринимательства может быть как коммерческая, так и некоммерческая организация. При этом одни организации специально создаются для поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. Другие организации способны выполнять задачи, возложенные законодательством на субъекта поддержки малого и среднего предпринимательства, и становятся субъектами поддержки малого и среднего предпринимательства в результате их регистрации в этом качестве в установленном законодательством порядке.

Субъект поддержки малого и среднего предпринимательства – это юридическое лицо (коммерческая или некоммерческая организация), созданное для поддержки малого и среднего предпринимательства и (или) зарегистрированное в этом качестве в установленном законодательством порядке.

Субъекты поддержки малого и среднего предпринимательства обладают общим и специальным правовым статусом.

Общий правовой статус субъекта поддержки малого и среднего предпринимательства включает в себя положения, вытекающие из организационно-правовой формы юридического лица, в которой действует субъект поддержки малого и среднего предпринимательства: понятие такого юридического лица; порядок создания, реорганизации и ликвидации юридического лица; состав и источники образования его имущества; органы управления, их полномочия и порядок управления юридическим лицом; полномочия данного юридического лица в целом.

К специальному правовому статусу относятся понятие данного субъекта поддержки малого и среднего предпринимательства, его права и обязанности как субъекта поддержки малого и среднего предпринимательства, порядок приобретения и прекращения статуса субъекта поддержки малого и среднего предпринимательства, взаимоотношения с субъектами малого и среднего предпринимательства.

Субъекту поддержки малого и среднего предпринимательства присущи следующие признаки:

- субъект поддержки малого и среднего предпринимательства – это юридическое лицо, выступающее в организационно-правовой форме соответствующей коммерческой или некоммерческой организации;

- юридическое лицо может быть изначально создано для осуществления поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства;

- основная деятельность юридического лица может быть не связана с поддержкой малого и среднего предпринимательства, но оно способно выполнять задачи, возложенные законодательством на субъекта поддержки малого и среднего предпринимательства;

- юридическое лицо должно быть специально создано согласно законодательству для поддержки малого и среднего предпринимательства и (или) зарегистрировано в этом качестве в установленном законодательством порядке.

На основании выявленных признаков дано понятие субъекта поддержки малого и среднего предпринимательства, имеющее как

теоретическое, так и практическое значение: субъект поддержки малого и среднего предпринимательства – это юридическое лицо (коммерческая или некоммерческая организация), созданное для поддержки малого и среднего предпринимательства и (или) зарегистрированное в этом качестве в установленном законодательством порядке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов, В.А. «Неразгаданный Нерсесов» / В.А. Белов // Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве / Н.О. Нерсесов. – М.: Статут, 1998. – С. 3–16.
2. Общая теория права: учебник / Ю.А. Дмитриев [и др.]; под общ. ред. А.С. Пиголкина. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2004. – 384 с.
3. Алексеев, С.С. Общая теория права: учебник / С.С. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – 317 с.
4. Теория государства и права: учебник / С.С. Алексеев [и др.]; отв. ред. В.Д. Перевалов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2009. – 316 с.
5. Братусь, С.Н. Субъекты гражданского права / С.Н. Братусь. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1950. – 367 с.
6. Халфина, Р.О. Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина. – М.: Юрид. лит., 1974. – С. 114–128.
7. Флейшиц, Е.А. Соотношение правоспособности и субъективности прав / Е.А. Флейшиц // Вопросы общей теории права. – М.: Юрид. лит., 1960. – С. 271–274.
8. Суханов, Е.А. Система частного права / Е.А. Суханов // Вест. Моск. ун-та. – 1994. – № 4. – С. 26–30.
9. Лаптев, В.В. Предмет и система хозяйственной деятельности / В.В. Лаптев. – М.: Юрист, 1969. – С. 23–25.
10. Брагинский, М. Граждане (физические лица). Юридические лица (Комментарий ГК РФ) / М. Брагинский, К. Ярошенко // Хозяйство и право. – 1995. – № 2. – С. 15.
11. Суханов, Е.А. Юридические лица / Е.А. Суханов // Хозяйство и право. – 1995. – № 3. – С. 15–18.
12. Маньковский, И.А. Юридические лица и налоговые правоотношения / И.А. Маньковский; под ред. В.И. Семенкова. – Минск: ПолиБиг, 1999. – С. 14–16.
13. Гражданское право: учебник / Н.Д. Егоров [и др.]; под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 1998. – Ч. 1. – С. 115–178.
14. Кудашкин, В.В. Отказ лица от действий, разрешенных лицензией как средство реализации правоспособности и субъективного права / В.В. Кудашкин // Государство и право. – 1999. – № 11. – С. 22–24.
15. Ванин, В.В. О характере правоспособности предпринимателей / В.В. Ванин // Северо-Кавказ. юрид. вестн. – 1997. – № 2. – С. 10–14.
16. Алексеев, С.С. Проблемы теории права: в 2 т. / С.С. Алексеев. – Свердловск, 1972. – Т. 1. – С. 285–290.
17. Мейер, Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. / Д.И. Мейер. – Испр. и доп. 8-му изд., 1902. – М.: Статут, 2000. – Ч. 1. – С. 86–87. – (Классика российской цивилистики).

Поступила в редакцию 04.11.2016 г.

УДК 342.415

Особенности общесоциальных функций конституции в механизме правового регулирования

Пугачев А.Н.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Изучение общесоциальных функций конституции осуществлено на основе системного подхода. Решается вопрос о возможности выделения единых критериев классификации функций конституции. Предметом исследования выступают общие функции, существование которых не зависит от родовых либо индивидуальных особенностей основного закона. Дается детальная характеристика каждой из обозначенных функций.

Целью данной работы являются системный анализ общесоциальных функций конституции, проведение в его рамках научно обоснованной классификации, что позволит лучше понять регулятивное значение основного закона.

Материал и методы. Исследование осуществлено на основе исторического и сравнительно-правового методов, используемых в юриспруденции. В качестве объектов изучения выступают конституции Беларуси, России, США, Норвегии и некоторых других стран. Показано интегрированное понимание общесоциальных функций, обусловленное свойствами конституции как единого юридического, политического и идеологического документа. Для исследования общесоциальных функций конституции был применен системный подход.

Результаты и их обсуждение. Признается невозможным провести какую-либо универсальную классификацию функций конституции. Раскрывается авторская позиция по вопросу выражения всеобщего в функциях современной конституции. Дается анализ информационной, историко-культурной, коммуникативной, общесоциальной и социально-контрольной функций конституции.

Заключение. Делается вывод о том, что именно функциональный метод позволяет наиболее точно оценить конституцию с точки зрения социальной, политической и юридической эффективности, определить ее важнейшие характеристики с позиций сегодняшнего дня.

Ключевые слова: основной закон, функции конституции, критерии классификации, общие и специальные функции, системный анализ, интегративность, коммуникативность, социальный контроль.

Features of All-Social Functions of the Constitution in the Mechanism of Legal Regulation

Pugachev A.N.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The study of all-social functions of the constitution is based on a system approach. The issue of possibility of allocation of uniform criteria of classification of functions of the Constitution is resolved. The general functions which don't depend on patrimonial or specific features of the Basic Law act as the objects of the research. A detailed description of each of the designated functions is given.

The aim is to give the system analysis of general social functions of the constitution, to conduct within it science-based classification. This will allow a better understanding of the regulatory value of the constitution.

Material and methods. The research is based on historical, comparative legal methods used in jurisprudence. As objects of studying the Constitutions of Belarus, Russia, the USA, Norway and some other countries are used. The integrated understanding of all-social functions conditioned by the properties of the Constitution as one whole legal, political and ideological document is shown. The system approach was applied to the research of all-social functions of the Constitution.

Findings and their discussion. It is recognized as impossible to carry out any universal classification of the constitutional functions. The author's position on the issue of the expression of the universal in the modern Constitution functions is revealed. The analysis of information, historical and cultural, communication, and social and general social control functions of the Constitution is given.

Conclusion. The conclusion is that the functional method allows more accurate assessment of the Constitution in terms of its social, political and legal efficiency as well as identification of its most important characteristics from positions of today.

Key words: Basic Law, functions of the Constitution, classification criteria, general and special functions, system analysis, integrity, communicativeness, social control.

Функции основного закона – главные направления реализации конституционализма.

Для современного научного познания важнейшей методологической программой является системный подход, в основе которого лежит исследование объектов как системных образований. В качестве такого объекта может выступать конституция, поскольку среди базовых характеристик любой системы выделяют следующие [1, с. 466]: 1) целостный комплекс взаимосвязанных элементов; 2) единство со средой; 3) иерархичность (имеет уровни внутреннего строения); 4) интегративные свойства (свойства, которых нет у ее элементов). Все это обнаруживается у исследуемого феномена, но в таком случае конституция предстает сложным объектом, состав, конфигурация и принципы функционирования которого далеко не очевидны и требуют специального анализа.

Изучению функций конституции в настоящее время уделяется достаточное внимание, однако сама тема является новой, слабо разработанной, чрезвычайно дискуссионной. Помимо редких диссертаций [2] чаще всего проблематика раскрывается в разделах монографий [3–6], научно-практических комментариях [7–9], научных публикациях [10–15], учебных пособиях [16–18]. В Беларуси специальные диссертационные и монографические работы отсутствуют, впрочем, как и научные исследования о самой конституции, что нельзя признать нормальным.

Материал и методы. Исследование осуществлено на основе исторического и срав-

нительно-правового методов, используемых в юриспруденции. В качестве объектов изучения выступают конституции Беларуси, России, США, Норвегии и некоторых других стран. Показано интегрированное понимание общесоциальных функций, обусловленное свойствами конституции как единого юридического, политического и идеологического документа. Изучение функций конституции возможно только на основе системного подхода, который предполагает некую классификацию, т.е. «разбивку» функций на виды. Анализ функций конституции как единой целостной системы позволяет не просто сгруппировать, упорядочить знания при изучении конкретных функций, но и глубже понять содержание каждой из них. Функции конституции не могут существовать изолированно друг от друга, поэтому ни одна из них не может быть постигнута без выяснения ее взаимодействия с другими функциями.

В одной из своих работ профессор В.О. Лучин [19, с. 25] допустил возможность взаимной подмены понятий «функции конституции» и «функции конституционных норм», поскольку нормы выступают в качестве материальных носителей функций конституции. В более поздней работе [4, с. 33] автор отказался от словосочетания «функции конституционных норм» и использовал только понятие «функции конституции». Представляется верным подход И.А. Кравца [6, с. 121], который рассматривает функции конституционных норм как производные от функций конституции, принимая во внимание, что отдельные конституционные нормы могут обладать только некоторыми функциями конституции.

Результаты и их обсуждение. В советский период вопрос о функциях конституции специально не рассматривался, не изучались динамические качества конституции, ее преобразующая роль в развитии общественных отношений. В значительной степени это объяснялось тем [6, с. 123], что господствующее положение в конституционной политике Советского государства занимала доктрина «каждому этапу социалистического строительства – свою конституцию». С позиций современного этапа конституционного развития Беларуси учет функций необходим не только для правильного понимания теоретических основ конституции, но и для практических проблем реализации важнейших ее положений, с чем, как известно, в нашем государстве возникает множество проблем.

Каких-то единых критериев классификации функций конституции не существует. Впрочем, это же можно сказать и в отношении системы функций самого права. Видовое многообразие и значимость тех или иных функций основного закона зависят от множества факторов: исторической и политической обстановки, актуальности решаемых конституцией задач, увеличения или уменьшения масштаба правового воздействия, уровня правовой культуры общества и т.д. Следует признать невозможной какую-либо универсальную классификацию функций конституции, поскольку невозможно охватить всего многообразия конкретных форм и способов воздействия права через конституцию на общественные отношения.

Иногда одни функции «детализируются» в действии других функций (коммуникативная – в интегративной, политическая – в идеологической, учредительная – в легализационной, историко-культурная – в воспитательной). Если же перейти от форм и способов воздействия конституции на общественные отношения к самим сферам отношений (политической, экономической, социальной), то смешение критериев разграничения функций становится еще более сильным. Однако, по мнению И.А. Кравца, «анализ сфер реализации различных функций конституции является наиболее предпочтительным. Следовательно, можно говорить о трех сферах: юридической, политической и идеологической, в которых реализуются функции конституции. Для каждой из сфер присущ свой набор функций» [6, с. 115]. Не будем забывать и о специфике реализации функций применительно к различным периодам и странам.

Примирительным вариантом разрешения проблемы может выступать подход В.Е. Чиркина, согласно которому различаются *общие* и *специальные* (индивидуальные) функции конституции.

Существование первых как таковых не зависит от характера конституций, их родовых или индивидуальных особенностей. Характеристика специальных функций связана с конкретным содержанием и природой основного закона. Но, как пишет сам автор, «эти функции [...] не разделены “китайской стеной”, в реальной жизни они пересекаются» [3, с. 53]. Можно предположить, что выражение всеобщего в функциях современной конституции преломляется через ее *информационную, историко-культурную, коммуникативную, общесоциальную и социально-контрольную составляющие*. В учебной литературе по белорусскому конституционному праву, как правило, отсутствует упоминание о функциях Конституции Беларуси через призму общего и особенного, не актуализируется вопрос об их классификации.

Информационная функция заключается в том, что конституция является источником юридически значимой информации. Чем более основной закон востребован, тем полнее реализация такой функции. Многие конституции используются в юридическом процессе десятки, а то и сотни лет. Старейшей является действующая до сих пор без изменений Конституция США 1787 года. В ряде современных европейских государств сохранились конституции, принятые в XIX в.: Норвегии (1814), Бельгии (1831, хотя в 1993 г. была принята новая редакция, изменившая форму территориально-государственного устройства), Люксембурга (1868). Очень полезной следует считать практику издания сборников, включающих тексты основных законов разных стран. Конституционное право невозможно изучать без постоянного обращения к его источникам, и прежде всего, к конституциям государств.

Достоин уважения пример Российской Федерации, где стало общим правилом тиражировать не только текст самой Конституции, но и выпускать его изданием «с комментариями Конституционного Суда», что позволяет глубже понять природу Основного Закона [7]. Правда, с нашей точки зрения, такое название не вполне корректно, поскольку к Конституции приложены не просто комментарии, а Постановления Конституционного Суда по официальному толкованию текста Конституции. Они, как известно, относятся к категории источников российского права. Именно эти правовые позиции Суда носят нормативный характер и по юридической силе идут вслед за Конституцией. Не менее информативны издания, в которых текст основного закона сопровождается разъяснениями ведущих специалистов в области конституционного права, но такой комментарий имеет не официальное,

а доктринальное значение. В Беларуси как пример – блестящий, глубокий и практически ориентированный комментарий Основного Закона авторства И.И. Пляхимовича [8; 9], изданный в 2015 году. Ранее постатейный комментарий был написан Г.А. Василевичем [20] в 2005 году.

Основные законы ведущих зарубежных государств либо стран «молодой демократии» отражают самые важные тенденции конституционного развития, что необходимо учитывать при изучении отечественного конституционного (да и не только) права. В правовых и демократических странах конституции выступают мощным фактором моральной ориентации субъектов. В этом смысле важнейшая функция конституции – формировать социально полезную, положительную направленность субъективной стороны правомерного поведения. Через основной закон индивиды получают информацию о своих правах и обязанностях, что помогает им достигать поставленных целей в рамках существующего правопорядка. Достоверность информации, содержащейся в конституции, не может заменить ни одна книга.

Конституция – важнейшее средство социальной информации, и государство это использует для того, чтобы донести определенные сведения до всех субъектов права. Как отмечает Т.Н. Радько, «информационная функция является в известной мере подфункцией, элементом идеологической (воспитательной) функции. Информационная способность права – один из существенных факторов, позволяющих относить его к элементам духовной культуры общества. [...] Возникнув как регулятор общественных отношений, право одновременно начинает выполнять роль информатора их субъектов» [17, с. 68]. Так и конституция, изначально не предназначенная для выполнения информационной функции, объективно, наряду со своими чисто юридическими задачами, проявляет информационные качества, влияя на волю, сознание, психику людей. Такая ситуация характерна для США, где Конституция является не только памятником истории, источником информации о политических событиях XVIII в., но и рассматривается как важнейшая часть культурного наследия страны. Это позволяет говорить о том, что действующие документы могут выполнять историко-культурную функцию.

Немецкий правовед Й. Изензее в этой связи подчеркивает: «Конституционный закон – не только результат кодификации основополагающих норм, но и как бы кодификация их связей с прошлым, которые придают этим нормам смысл, содержание, форму и действенность» [21, с. 12].

Габор Халмаи, видный эксперт в области европейского конституционного права, рассматривает, например, Конституцию Норвегии как «символ достижений [славного] прошлого» [22, с. 167]. Дело в том, что Конституция датируется 1814 годом и является важнейшим политическим наследием норвежского народа. Интересным фактом Г. Халмаи [22, с. 168] представляется то, что среди европейских стран Норвегия не только имеет самую старую конституцию, но и является первым государством, где суды взяли на себя задачу контролировать соответствие текущего законодательства Основному Закону. Примечательно, что в Конституции 1814 года об этом ничего прямо не было сказано, однако такой подход был взят на вооружение в первые же годы после ее вступления в силу, вскоре после принятия Верховным Судом США решения по делу Марбэри против Мэдисона (*Marbury v. Madison*) [16, с. 103–106], которое послужило нормативной моделью. Поэтому неслучайно в течение века или около того норвежская система судебного конституционного контроля была единственной в Европе, если не считать Швейцарию с ее федеративными особенностями.

Наглядной иллюстрацией рассматриваемой функции служит положение Преамбулы Белорусской Конституции: «Мы, народ Беларуси, [...] опираясь на многовековую историю развития белорусской государственности...». В статье 16 Основного Закона говорится о том, что «взаимоотношения государства и религиозных организаций регулируются законом с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа» (курсив наш. – А.П.). Среди обязанностей индивида есть и такая: «Каждый обязан беречь историко-культурное, духовное наследие и другие национальные ценности» (статья 54 Конституции). Все это свидетельствует о том, что Конституция является элементом национальной культуры и в присутствии ей нормативной форме аккумулирует духовные ценности и достижения народа Беларуси: права человека, народовластие, нравственные устои общества, религиозную толерантность, идею социальной справедливости.

Не следует забывать что Беларусь обладает намного большим, чем те же США, культурным и историческим наследием. Это и грамоты-привилеи периода Полоцкого княжества, Статуты Великого Княжества Литовского, конституционное законодательство эпохи Речи Посполитой и многое другое. Такие положения в Конституции – не для «красного словца», они на заре суверенитета играли для ее авторов роль мощного морально-психологического фактора,

напоминая о временах утраченной независимости, европейском пути развития нашего народа. Общеизвестно всеми учеными (белорусскими и зарубежными) и тот факт, что Статуты Великого Княжества значительно повлияли на развитие права многих европейских государств XVI–XVII веков, а старобелорусский язык (на нем они написаны) максимально четко выражал все тонкости юридических понятий и конструкций.

Такой подход при создании текстов современных конституций достаточно распространен в мире, он демонстрирует многовековой опыт правотворчества, прививает неповторимые культурные традиции. К тому же социальный опыт, передаваемый юридическим документом, помогает во многом избежать ошибок прошлого и совершенствовать действующее законодательство, проводить назревшую модернизацию, прибегать к разумным заимствованиям и избегать никчемных компиляций.

Несомненно, эффективная конституция обладает интегрирующим воздействием на граждан государства, она не просто информирует субъектов о чем-либо, но и формирует общественное сознание, способствует пробуждению общественного мнения и выработке коллективных решений. Следовательно, конституции свойственна *коммуникативная функция*. Она во многом «созвучна» информационной, ведь именно в коммуникативно-информационной составляющей проявляется жизнь любого документа, его воздействие на общественные отношения.

В научной литературе наряду с коммуникативной функцией используется и иной термин – интегративная функция конституции. Как пишет М.Н. Каратеева [2, с. 17], конституции способствовали (и способствуют в настоящее время) интеграции общества, если они олицетворяют цели, чаяния, ценности и основные убеждения, разделяемые его членами и сплачивающие их. И.А. Кравец полагает, что «конституция призвана обеспечивать не только интеграцию общества, но и формировать национальную идентичность» [6, с. 193]. Однако рассматривая «национальную идентичность» в политическом и гражданском смысле [6, с. 195], автор, пожалуй, упускает из виду действительную проблему для Российской Федерации – усугубляющуюся этническую и религиозную обособленность между «россиянами», принадлежащими к разным нациям, народам и религиозным сообществам.

Как показала история, далеко не все конституции выполняли коммуникативно-интегративную функцию. Например, в Веймарской Конституции 1919 г. не было уделено должного

внимания тем институциональным механизмам, которые способствовали бы социальному и политическому сотрудничеству существовавших партий и движений. Нежелание идти на компромисс коммунистов и социалистов привело к победе на выборах в Рейхстаг нацистской партии А. Гитлера и сворачиванию действия Веймарской Конституции. Напрочь отрицали коммуникативно-интегративную функцию классовые советские Конституции 1918 и 1924 гг. В революционные эпохи об интегративной функции и вовсе говорить не приходится, поскольку страны переживают одновременно распад старого и рождение нового, и все это происходит вне конституционных рамок и ограничений.

Наиболее ярко интегративная функция нашла отражение в т.н. «договорных» конституциях и иных актах важнейшей государственно-политической значимости: Великой хартии вольностей 1215 г.; Венгерской Золотой Булле 1222 г.; Билле о правах 1689 г.; Конституционном акте Вюртемберга 1819 г.; Охридском соглашении 2001 г. в Македонии; Европейской Конституции 2004 г. Соглашение как сущностная сторона права естественным образом способствует полноценной социальной коммуникации и разрешению возникающих противоречий. В этой связи М.Н. Каратеева видит в качестве самостоятельной *стабилизирующую функцию* конституции [2, с. 59].

Проблему интегративности конституционных положений С.П. Чигринов [16, с. 136] предлагает рассматривать предельно широко, анализируя не только функции конституции, но и ее юридическую природу. В этой связи интегративные свойства конституции автор подразделяет на регулятивно-интегративные и системно-интегративные, в последнем случае охватывая отдельные признаки юридической природы конституции как источника права в материальном смысле. Такое прочтение интегративности нами увязывается со специальной системообразующей функцией основного закона.

Считается, что нормативный правовой акт будет использоваться, когда его положения начнут воплощаться через активное поведение субъектов. Однако не всегда для реализации акта необходимо, чтобы субъекту были известны его нормы. В белорусской правовой системе существуют презумпция знания закона и презумпция (конституционности) истинности нормативного правового акта. Поэтому несмотря на то, что в действительности многие граждане страны даже не знакомы с текстом Конституции, считается, что они знают ее содержание.

Коммуникативная функция конституции чрезвычайно важна для тех обществ, которые, по выражению К. Поппера, принято считать «открытыми» [23]. Именно там основному закону отводится роль консолидирующего и интегрирующего механизма.

Ввиду того, что конституция закрепляет стратегические цели и задачи развития общества и государства, можно согласиться с мнением В.О. Лучина о том, что основной закон как «высший политико-правовой ориентир [выступает] средством и способом социальной ориентации» (курсив наш. – А.П.) [4, с. 37]. Следовательно, консолидирующие, интегрирующие и ориентирующие механизмы конституции наиболее полно раскрывают ее коммуникативную сущность.

Функции конституции выражают наиболее существенные, главные черты права конкретного общества на определенном этапе его развития. Поэтому при выявлении функций конституции следует учитывать их тесную связь с социальным назначением и сущностью права: урегулировать и закрепить общественные отношения, обеспечить им надлежащую охрану и защиту. В этом проявляется общесоциальная функция конституции, и здесь представляет интерес трактовка социальной функции юридического документа К.В. Каргина [24, с. 50]. Интерпретируя сказанное автором в преломлении на конституцию, отметим следующее. Основной закон представляет собой социально значимый объект, так как порожден общественной потребностью. Он проводит в жизнь важнейшие жизненные нужды общества в целом, коллективов и отдельных индивидов. «Современная конституция – это социальная конституция, сохраняющая свою нормативную роль как верховного инструмента правового регулирования», – утверждают авторы [3, с. 6], предлагающие базовые индикаторы вызревающей модели современной конституции XXI века.

Конституция Беларуси провозглашает принцип о социальном государстве, политика которого направлена на создание условий для свободного и достойного развития личности, достойного уровня жизни (ст. 1, 2, 21 Конституции Республики Беларусь). Поэтому все принимаемые в государстве нормативные правовые акты должны быть направлены на воплощение в жизнь данного принципа. Это предполагает постоянное совершенствование законодательства в Республике Беларусь, где Конституция – фундамент его развития. Понимаемая таким образом социальная функция Основного Закона будет «перекрываться» иными функциями, например, правоохранительной. Стоит помнить о том, что

государство обеспечивает безопасное и достойное существование всех тех членов общества, которые ведут соответствующий правопорядку образ жизни. Закон прежде всего стоит на стороне добропорядочного и добросовестного гражданина.

Необходимо уточнить следующее. Если говорить о функции конституции в контексте проблемы развития социального государства, такое «наполнение» функции подразумевает ее трактовку не в широком, а в узком, специальном смысле слова (когда речь идет о пенсионных и семейных отношениях, медицинском и бытовом обслуживании, системе льгот и организации досуга). Учитывая тот факт, что социальная сфера постоянно расширяется, растет ее значение и увеличивается объем правового регулирования, согласимся с мнением Т.Н. Радько, что «при делении социальных функций права в соответствии с основными сферами общества на экономическую, политическую и идеологическую следует помнить о том, что социальная функция права употребляется еще и в узком смысле, то есть как направление правового воздействия на собственно социальную сферу общественной жизни» [17, с. 70]. Такая «дуализация» порождает определенное неудобство, ведь слово «социальный» по своей этимологии и есть «общественный». Тогда можно сказать, что общественная функция конституции отражает существенные, главные черты права в целом, а социальная функция в собственном (узком) смысле заключается в регулировании рассмотренной выше социальной сферы и обеспечении социальных прав субъектов. Но во втором случае ее рассматривают в системе специальных функций основного закона.

Функцию социального контроля как направление воздействия конституции следует отличать от контрольно-надзорных функций в узком смысле слова, реализуемых через акты прокуратуры и контролирующих органов (в этом контексте принято говорить о *стабилизационно-охранительной* [18, с. 132] функции конституции). Указанная нами функция в качестве самостоятельной, как правило, правоведами не рассматривается. Лишь у В.М. Синюкова говорится о функции социального контроля как разновидности общесоциальной функции права [18, с. 156]. Возможно, имеет место точка зрения, что она вполне вписывается в рамки воспитательной, развивающей и правообеспечительной функции (см., например, В.М. Сырых [5, с. 365]). Но вопрос может быть рассмотрен и иным образом.

Конституция оказывает воздействие на поведение субъектов, с одной стороны, в качестве

средства стимулирования, поощрения, с другой – ограничения (удержание от совершения неправомерных действий) того или иного поведения (недопущение достижения власти насильственным путем; создания ксенофобских политических партий; издания неконституционных актов; посягательств на жизнь человека; вмешательства в деятельность судей по отправлению правосудия и т.д.). Особо подчеркнем, что в данном случае имеется в виду общесоциальный механизм функционирования конституции, когда еще не используются специальные юридические инструменты и рычаги социального контроля за поведением субъектов в правовом пространстве. Вопрос о специальных (индивидуальных) функциях конституции представляется более сложным и объемным, требующим отдельного научного рассмотрения [11; 12].

Заключение. Не всегда и не все конституции выполняют одновременно отмеченные функции. Согласованная реализация функций – идеальная, но трудно достижимая задача. В реальной жизни функции зачастую приходят во взаимное столкновение, что говорит о разнообразных дефектах конституционного механизма. Конституционная модель функционального назначения конституции в Беларуси «пробуксовывает» со всей очевидностью. Институты, призванные служить достижению политической и социальной свободы, так и не смогли обеспечить сбалансированное развитие интересов личности и государства. Важно понять, что сама по себе конституция еще ничего не решает, необходима политическая воля руководства по достижению программных целей основного закона, и здесь знание общесоциальных функций конституции послужит важным компонентом проводимых реформ, которые давно назрели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философия и методология науки: учеб. пособие / Ч.С. Кирвель [и др.]; под ред. Ч.С. Кирвеля. – Минск: Выш. шк., 2012. – 639 с.
2. Каратеева, М.Н. Гарантирующая функция Конституции Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / М.Н. Каратеева; Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 2005. – 183 л.
3. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование: монография / отв. ред. В.Е. Чиркин. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 656 с.
4. Лучин, В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации / В.О. Лучин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 687 с.
5. Сырых, В.М. Логические основания общей теории права / В.М. Сырых. – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2004. – Т. 2: Логика правового исследования (Как написать диссертацию). – 560 с.

6. Кравец, И.А. Российский конституционализм: Проблемы становления, развития и осуществления. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2004. – 675 с.
7. Конституция Российской Федерации с комментариями Конституционного Суда РФ. – 4-е изд. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 200 с.
8. Пляхимович, И.И. Комментарий к Конституции Республики Беларусь: в 2 т. / И.И. Пляхимович. – Минск: Амалфея, 2015. – Т. 1. – 1224 с.
9. Пляхимович, И.И. Комментарий к Конституции Республики Беларусь: в 2 т. / И.И. Пляхимович. – Минск: Амалфея, 2015. – Т. 2. – 984 с.
10. Чигринов, С.П. Об интегративном понимании Конституции / С.П. Чигринов // Национальная государственность и европейские интеграционные процессы: сб. науч. тр.: в 2 т. / Белорус. гос. ун-т, юрид. фак.; редкол.: С.А. Балашенко [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2008. – Т. 1: Национальное законодательство и его гармонизация с правом Европейского Союза. – С. 136–139.
11. Пугачев, А.Н. Специальные функции основного закона как проявление индивидуального в конституционно-правовом развитии. Часть 1 / А.Н. Пугачев // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 13. – С. 135–143.
12. Пугачев, А.Н. Специальные функции основного закона как проявление индивидуального в конституционно-правовом развитии. Часть 2 / А.Н. Пугачев // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 14. – С. 113–123.
13. Пугачев, А.Н. Политическое содержание конституции / А.Н. Пугачев // Развитие юридических наук: проблемы и перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф. / Новгород. гос. ун-т имени Ярослава Мудрого; отв. ред. О.Е. Калпинская, В.Ф. Прокофьев. – Великий Новгород, 2015. – С. 260–263.
14. Пугачев, А.Н. Социальное назначение конституции и система ее функций / А.Н. Пугачев // Право и демократия: сб. науч. тр. / гл. ред. д-р юрид. наук, профессор В.Н. Бибило. – Минск: БГУ, 2016. – Вып. 27. – С. 36–50.
15. Пугачев, А.Н. Функциональное значение конституции / А.Н. Пугачев // Советник юриста (Российская Федерация). – 2015. – № 8. – С. 46–54.
16. Конституционный контроль в зарубежных странах: учеб. пособие / отв. ред. В.В. Маклаков. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 672 с.
17. Общая теория государства и права. Академический курс в 3 т. / отв. ред. проф. М.Н. Марченко. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2001. – Т. 2. – 528 с.
18. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М.: Юристъ, 1997. – 672 с.
19. Лучин, В.О. Конституционные нормы и правоотношения: учеб. пособие для вузов / В.О. Лучин. – М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1997. – 159 с.
20. Василевич, Г.А. Конституция Республики Беларусь: науч.-практ. коммент. / Г.А. Василевич. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2005. – 485 с.
21. Государственное право Германии / Н. Ахтенберг [и др.]. – М.: РАН, 1994. – Т. 1. – 318 с.
22. Халмаи, Г. Рецензия на Кэтрин Дюпре «Импорт права в переходный период посткоммунизма» (Hart Publishing, 2003) и «Конституция как инструмент перемен» / под ред. Эйвинда Смита (SNS Forlag, 2003) / Г. Халмаи // Сравнительное конституционное обозрение. – 2005. – № 2(51). – С. 167–171.
23. Поппер, К.Р. Открытое общество и его враги / К.Р. Поппер; пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. – М.: Феникс, Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. – Т. 1: Чары Платона. – 448 с.
24. Каргин, К.В. Юридические документы / К.В. Каргин; науч. ред. В.А. Толстик. – М.: Юристъ, 2008. – 191 с.

Поступила в редакцию 31.10.2016 г.

К вопросу о концепциях издержек производства в кембриджской и австрийской школах экономической теории

Дубенецкий Н.А.

Учреждение образования «Витебский государственный технологический университет»

Последний по времени мировой финансово-экономический кризис, который начался в 2008 г. в США, вновь актуализировал теоретические проблемы функционирования рыночной системы. В качестве теоретических «столпов», защищающих эффективность рыночной модели, принято считать кембриджскую школу, основанную А. Маршаллом, и австрийскую школу, основанную К. Менгером.

Целью статьи является сравнение логических достоинств концепций издержек производства в названных школах в контексте апологии рыночной экономики.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили оригинальные труды известных западных экономистов-теоретиков в русском переводе, размещенные на тематических интернет-сайтах и опубликованные в печатных научных изданиях. В исследовании концепций издержек производства применялись дедуктивный метод и метод сравнительного анализа.

Результаты и их обсуждение. Кембриджская и австрийская школы объединены в неоклассическом направлении экономической мысли, т.к. доказывают эффективность рыночной экономики. Кембриджская школа использует принцип прошлых издержек, которые должны окупиться с прибылью для фирмы. Австрийская школа трактует прошлые издержки как безвозвратные и рассматривает издержки производства как стоимость упущенной альтернативы. Австрийская концепция альтернативных издержек имеет существенные логические достоинства для апологии рыночной системы в сравнении с кембриджской школой.

Заключение. Кейнсианское направление кембриджской школы наиболее адекватно описывает и объясняет функционирование рыночной экономики.

Ключевые слова: кембриджская школа, австрийская школа, концепции издержек, теория А. Маршалла, кейнсианская теория.

About the Concepts of Production Costs at Cambridge and Austrian Schools of Economic Theory

Dubenetsky N.A.

Establishment of education "Vitebsk state technological University"

The most recent global financial and economic crisis that began in 2008 in the United States, actualized theoretical problems of functioning of the market system.

Cambridge school, founded by A. Marshall and Austrian school, founded by K. Menger are considered to be theoretical "pillars" that protect the efficacy of the market model.

The purpose of the proposed study is to compare the logical merits of the concepts of production costs at these schools in the context of the apology of the market economy.

Material and methods. The study used the original works of well-known Western economists-theorists in the Russian translation, placed on thematic Internet sites and published in scientific journals. In the study of theoretical concepts of production costs the deductive method and method of comparative analysis were used.

Findings and their discussion. Cambridge and Austrian schools are united into neoclassical direction of economic thought, since they prove the effectiveness of market economy. The Cambridge school uses the principle of past costs which should be recouped with a profit for the firm. Austrian school treats past costs as irrecoverable and treats production costs as the cost of foregone alternatives. The Austrian concept of alternative costs has significant logical advantages to promote market-based system in comparison with Cambridge school.

Conclusion. It is the Keynesian direction of Cambridge school that most adequately describes and explains the functioning of market economy that allows us to consider the theory of John. M. Keynes to be not morally outdated concept, suitable for the development of modern variants of one or another economic policy.

Key words: Cambridge school, Austrian school, concept of costs, the theory of A. Marshall, the Keynesian theory

На протяжении 25-летней истории суверенной Беларуси либеральные критики ее экономической модели связывают все более или менее существенные проблемы функционирования национальной экономики с фрагментарностью и неполнотой рыночных реформ в нашей стра-

не. Однако последний по времени мировой финансово-экономический кризис, который начался в 2008 г. в США, стране, которая является символом рыночной экономики и моделью заимствования для отечественных либералов, вновь актуализировал теоретические проблемы функционирования рыночной системы.

Фиаско рынка зависят от понятийной структуры авторских концепций издержек производства. В качестве теоретических «столпов», защищающих эффективность рыночной модели, принято считать кембриджскую школу, основанную А. Маршаллом, и австрийскую школу, основанную К. Менгером.

Целью статьи является сравнение логических достоинств концепций издержек производства в названных школах в контексте апологии рыночной экономики.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили оригинальные труды известных западных экономистов-теоретиков в русском переводе, размещенные на тематических интернет-сайтах и опубликованные в печатных научных изданиях. В исследовании теоретических концепций издержек производства применялись дедуктивный метод и метод сравнительного анализа.

Результаты и их обсуждение. В русле неоклассической традиции наиболее существенные теоретические противоречия наблюдаются как раз между кембриджской и австрийской школами. Выдающимися представителями кембриджской школы являются А. Маршалл, А. Пигу, Дж.М. Кейнс. К основным теоретикам австрийской школы относятся К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. фон Визер, Л. Мизес, Ф. Хайек.

Для любой значимой теории рыночной экономики необходимо ответить на следующие вопросы: повышается ли рентабельность фирм при повышении общего уровня цен; вызовет ли снижение общего уровня цен спад производства; а если вызовет, то существует ли рыночный механизм оперативного достижения полной занятости.

Ответы на эти вопросы зависят от концепции издержек производства, которой придерживается тот или иной теоретик.

Вот что пишет А. Маршалл об издержках производства в главе 3 «Равновесие нормального спроса и предложения» в третьей книге своего труда «Принципы экономики»: «Затраты всех различных видов труда, прямо или косвенно занятого в его производстве, вместе с воздержанием, или, вернее, ожиданием, необходимым для накопления применяемого в его производстве капитала, иными словами, все эти усилия и жертвы в совокупности мы станем называть реальными издержками производства товара. Суммы денег, которые приходится платить за эти усилия и жертвы, мы назовем либо денежными издержками производства, либо, для краткости, издержками производства; они составляют цены, которые надо уплачивать за надлежащее предложение усилий и жертв, необходимых для производства данного товара, или, другими словами, цену этого предложения» [1].

Из этих определений видно, что цена предложения определяется прошлыми издержками, т.к. сначала необходимо оплатить факторы производства и лишь потом произвести продукцию с расчетом цены ее предложения. Прошлые издержки, как совершившийся во времени факт, по своей величине неизменны.

Принцип неизменности прошлых издержек являлся общим для теорий стоимости А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса. Этот принцип отражает сформировавшуюся на протяжении столетий практику бухгалтерского учета факторов производства по балансовой стоимости. Учет по балансовой стоимости предполагает, во-первых, неизменность фактической цены приобретенного ресурса в учетных документах и, во-вторых, перенесение его стоимости на изготавливаемый продукт прямо пропорционально затратам ресурса в технологическом процессе.

Вместе с принципом неизменности прошлых издержек А. Маршалл принял и его логическое последствие: асинхронность изменения цен и издержек. Асинхронность означает наличие временных лагов между изменением цен и уровнем издержек. Если изменяются цены на продукцию, то прошлые издержки на ее производство остаются неизменными до тех пор, пока не будут полностью израсходованы ранее приобретенные факторы производства. При покупке факторов производства по новым ценам изменятся и издержки производства.

Именно интерпретация динамики уровня цен и издержек является ключевой для апологетики рыночной модели.

В анализе А. Маршаллом частичного равновесия повышение цены на производимый фирмой товар совместимо с неизменным уровнем прошлых предельных издержек. В этом случае повышается рентабельность производства данного вида продукции, увеличивается ее предложение в будущем, растут и предельные издержки, пока не сравняются с ценой. При снижении цены и неизменном уровне прошлых предельных издержек производство определенного количества продукции становится нерентабельным, ее предложение уменьшается, снижаются и предельные издержки, пока не сравняются с ценой.

На макроуровне А. Маршалл полагал, что рост уровня цен повысит рентабельность производства фирм, но их совокупное предложение останется неизменным ввиду достигнутого ранее уровня полной занятости. При снижении общего уровня цен снизится и уровень рентабельности фирм. В стремлении максимизировать прибыль фирмы сократят производство, появится безработица.

Однако в теории А. Маршалла есть вариант автоматического роста совокупного предложения при возможном его снижении ниже уровня полной занятости. Он связан с конкуренцией безработных за рабочие места, которая приведет к снижению уровня номинальной заработной платы занятых, а вслед за ним и уровня реальной заработной платы. Снижение реальной заработной платы вызовет рост спроса на труд, и восстановится полная занятость.

Итак, в теории А. Маршалла даются следующие ответы на значимые для рыночной экономики вопросы: рентабельность фирм повышается при повышении общего уровня цен; снижение уровня цен приводит к краткосрочному спаду производства; рыночный механизм оперативного восстановления полной занятости существует благодаря двусторонней гибкости рыночных цен, в том числе цены труда – номинальной заработной платы.

Однако Дж.М. Кейнс обратил внимание на то, что снижение номинальной заработной платы в текущем периоде не приведет к снижению реальной заработной платы, но существенно сократит текущий совокупный спрос, а значит и занятость. Дж.М. Кейнс был даже более категоричен. Он считал, что на макроуровне темпы роста номинальной и реальной заработной платы – противоположны. Вот что он пишет во введении к своему труду «Общая теория занятости, процента и денег»: «...в случае изменения общего уровня заработной платы будет установлено, как я думаю, что изменения реальной заработной платы, происходящие одновременно с изменениями денежной заработной платы, совершаются обычно не в том же, а почти всегда в противоположном направлении. Иными словами, будет установлено, что при росте денежной заработной платы реальная заработная плата падает, и наоборот» [2, с. 14].

Если в теории А. Маршалла функции предложения и спроса независимы и на микро-, и на макроуровне, то в теории его ученика, Дж.М. Кейнса, спрос и предложение на макроуровне во многом взаимозависимы.

Увеличение номинальной заработной платы в теории А. Маршалла не приведет к росту уровня цен, так что реальная заработная плата работников увеличится, а спрос на труд снизится, что будет способствовать росту безработицы. В теории Дж.М. Кейнса мультипликативный рост уровня цен повлечет за собой рост номинальной заработной платы: если номинальная заработная плата увеличится, например, на 10%, то уровень цен возрастет более чем на 10%. Таким образом, в кейнсианском направлении кембриджской школы рост номинальной заработной платы приводит к двум

последствиям, стимулирующим занятость: повышению совокупного спроса и снижению реальной заработной платы. Именно снижение реальной заработной платы в теории А. Маршалла вызывает рост спроса на труд.

В экономической теории Дж.М. Кейнса появляется новое понятие: вынужденная безработица. Она провоцируется исключительно сокращением совокупного спроса относительно совокупного предложения и носит застойный характер.

Итак, в кейнсианской теории даются следующие ответы на значимые для рыночной экономики вопросы: рентабельность фирм повышается при повышении общего уровня цен; снижение уровня цен вызывает депрессию экономики с последующей ее стагнацией; рыночный механизм оперативного восстановления полной занятости отсутствует.

Таким образом, теоретические заслуги Дж.М. Кейнса заключаются в том, что он, последовательно придерживаясь принципа прошлых издержек, выявил внутреннее противоречие теории А. Маршалла и убедительно доказал неэффективность рынков совершенной конкуренции на макроуровне.

Концепция прошлых издержек, которой придерживались представители кембриджской школы – А. Маршалл и Дж.М. Кейнс, не имеет ничего общего с теорией альтернативных издержек, которую разработали представители австрийской школы. В соответствии с этой теорией издержки производства данного блага определяются полезностью иного блага, которое могло бы быть произведено из ресурсов, затраченных на производство данного блага.

Вот что пишет Е. Бем-Баверк в своем труде «Основы теории ценности хозяйственных благ»: «... мы утверждаем, что ценность производительных средств, а следовательно, и материальных благ, употребляемых на производство продукта, определяется ценностью производимых ими продуктов, между тем как обыкновенно понимают закон издержек производства в том смысле, что, наоборот, ценность продуктов определяется высотой издержек производства, следовательно, ценностью производительных средств, потраченных на производство этих продуктов» [3].

В свою очередь Ф. фон Визер, последовательно придерживаясь монистического принципа субъективной полезности, так характеризует издержки производства: «...производственные издержки измеряют общую полезность других продуктов, которые можно получить с помощью данных производительных средств» [4].

Прошлых издержек производства данного блага, которые должны окупиться с прибылью,

Таблица – Ответы на принципиальные вопросы теории рыночной экономики

Вопросы	Кембриджская школа	Австрийская школа
Повышается ли рентабельность фирм при повышении общего уровня цен?	Повышается	Не повышается
Вызовет ли снижение общего уровня цен спад производства?	Вызовет	Не вызовет
А если вызовет, то существует ли рыночный механизм оперативного восстановления полной занятости?	А. Маршалл: существует Дж.М. Кейнс: не существует	–

в австрийской школе не существует. Все прошлые издержки следует считать безвозвратными, не имеющими влияния на процесс ценообразования. В австрийской школе не существует понятия цены предложения, существует лишь цены спроса. Только изменение текущих цен спроса на альтернативное благо определяет динамику издержек производства данного блага в настоящий период времени. Теория прибыли в австрийской школе предполагает соотнесение ценности проданной продукции и ценности упущенной альтернативы. Например, если консервный завод произвел томатного соуса на 1 млн рублей, а упущенный вариант производства маринованных помидоров составил 0,8 млн рублей, то прибыль фирмы равна: $1 - 0,8 = 0,2$ (млн руб). Рентабельность производства томатного соуса составит 20% ($0,2 \times 100/1$). Прошлые затраты на факторы производства не имеют, как видим, никакого отношения к расчету прибыли и рентабельности производства.

Изменение уровня цен в концептуальных рамках австрийской школы никак не повлияет на рентабельность производства данного вида продукции. Например, если цены на томатный соус и маринованные помидоры снизятся в 2 раза, то номинальная прибыль от производства томатного соуса составит: $0,5 - 0,4 = 0,1$ (млн руб), а рентабельность производства – 20% ($0,1 \times 100/0,5$). Если же цены на томатный соус и маринованные помидоры увеличатся в 2 раза, то номинальная прибыль от производства томатного соуса составит: $2 - 1,6 = 0,4$ (млн руб), а рентабельность производства – 20% ($0,4 \times 100/2$).

Ответы на принципиальные вопросы рыночной теории, которые дают кембриджская школа (в вариациях А. Маршалла и Дж.М. Кейнса) и австрийская школа, отражены в следующей таблице.

Таким образом, рыночный принцип двусторонней гибкости цен, не создающий проблем для рентабельности производства, непротиворечиво обоснован только в рамках австрийской школы. В

кембриджской школе неявно содержится концепт «эффекта храповика», в соответствии с которым ценам в рыночной экономике присуща односторонняя гибкость: в сторону повышения, но не снижения, т.к. снижение общего уровня цен создает для экономики больше проблем, чем в том случае, когда бы уровень цен оставался стабильным. Следовательно, действительно классической – в смысле обоснования эффективности рыночной экономики – необходимо признать теорию австрийской школы. Именно она является в логическом отношении действительно крепким фундаментом апологии рыночной системы.

Однако, несмотря на свои выдающиеся логические достоинства, австрийская школа имеет существенный недостаток – несоответствие теории издержек производства исторической практике их бухгалтерского учета.

Заключение. В связи с изложенным необходимо сделать вывод, что из рассмотренных теорий соответствует критериям и логической, и исторической верификации только кейнсианская модель экономики.

Именно кейнсианское направление кембриджской школы наиболее адекватно описывает и объясняет функционирование рыночной экономики, что позволяет считать теорию Кейнса не морально устаревшим, а пригодным для разработки современных вариантов той или иной экономической политики концептом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маршалл, А. Принципы экономики [Электронный ресурс] / А. Маршалл. – Режим доступа: <http://www.biznesbooks.com/2010-01-07-17-48-08/1858-alfred-marshall-principy-jekonomicheskoj-nauki>. – Дата доступа: 19.02.2016.
2. Кейнс, Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж.М. Кейнс. – М.: «Гелиос АРВ», 1998. – 348 с.
3. Бем-Баверк, Е. Основы теории ценности хозяйственных благ [Электронный ресурс] / Е. Бем-Баверк. – Режим доступа: <http://razmishlizmi.narod.ru/ebbteoria.htm>. – Дата доступа: 19.02.2016.
4. Ф. фон Визер. Теория общественного хозяйства [Электронный ресурс] / Ф. фон Визер. – Режим доступа: http://bookz.ru/authors/fridrih-fon-vizer/viser_fridrih01/1-viser_fridrih01.html. – Дата доступа: 19.02.2016.

Поступила в редакцию 16.05.2016 г.

Региональная ресурсоэффективность в системе национальной безопасности: оценка и направления повышения на основе кластерного подхода

Климук В.В., Яшева Г.А.*

Учреждение образования «Барановичский государственный университет»

*Учреждение образования «Витебский государственный технологический университет»

Для реализации вектора модернизации региональной экономики на базе кластерных принципов необходима разработка кластерной политики, включающей детальный механизм формирования и государственной поддержки кластеров применительно к белорусским условиям.

Цель статьи – разработать направления повышения эффективности использования региональных ресурсов на основе кластерного подхода.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили статистические данные, электронные информационные ресурсы, представленные Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь. Основные методы исследования: логико-дедуктивный, анализа и синтеза, сравнения, группировок, статистические и экономико-математические методы.

Результаты и их обсуждение. Предложена классификация ресурсов региона с выделением следующих групп: материальные, трудовые, финансовые, экологические, интеллектуальные ресурсы. Разработана методика оценки частной и комплексной эффективности использования региональных ресурсов. Частная оценка представлена по каждой компоненте ресурсов, а интегральная отражает комплексный уровень эффективности использования всех ресурсов региона. Выполнена апробация предложенной методики по областям Республики Беларусь за 2008–2015 гг. По фактору формирования кластерной стратегии предложены следующие стратегические альтернативы: стратегия национального/регионального кластера, стратегия интернациональных кластеров, смешанная стратегия. Для реализации кластерной политики по модели «сверху-вниз» разработаны меры государственной поддержки кластеризации. Выполнена апробация предложенной модели реализации кластерной политики на примере Витебского региона.

Заключение. На основе оценки частных составляющих и интегрального уровня ресурсной эффективности Республики Беларусь предложено использовать кластерный подход в составе региональной экономической политики.

Ключевые слова: кластерный подход, кластерная политика, классификация региональных ресурсов, стратегические альтернативы.

Regional Resource Efficiency in National Security System: Assessment and Areas for Improvement on the Basis of Cluster Approach

Klimuk V.V., Yasheva G.A.*

Educational Establishment "Baranovichi State University"

*Educational Establishment "Vitebsk State Technological University"

For the implementation of regional economic modernization vector based on the cluster principles it is necessary to develop a cluster policy, which includes detailed formation and state support mechanisms in relation to contemporary Belarusian conditions

The purpose of the article is to develop directions of improving the effectiveness of regional resources on the basis of cluster approach.

Material and methods. The study is based on statistical data, electronic information resources provided by the National Statistical Committee of the Republic of Belarus. Basic research methods are the logical and deductive, analysis and synthesis, comparison, groupings, statistical and economic and mathematical methods.

Findings and their discussion. The paper proposes a classification of the regional resources into groups: material resources, labor, financial, ecological, intellectual. A method of effectiveness evaluating of private and integrated use of regional resources is designed. Partial estimates for each component are presented while the integral ones reflect complex level of the efficiency of use of all the resources of the region. Testing of the proposed methodology for the regions of the Republic of Belarus for 2008–2015 is performed. According to formation of the cluster strategy the following strategic choices are suggested: the strategy of the national / regional cluster, the strategy of international clusters, mixed strategy. For the implementation of "top-down" model of the cluster policy measures on state support for clustering are worked out. Testing of the proposed cluster policy on the model of Vitebsk Region is performed.

Conclusion. Based on the assessment of partial components and integrated level of resource efficiency of the Republic of Belarus it is proposed to use the cluster approach as part of the regional economic policy.

Key words: cluster, cluster approach, cluster policy, classification of regional resources, strategic alternatives.

Комплексная оценка эффективности использования региональных ресурсов необходима для разработки региональных стратегий развития. Одной из составляющих региональной политики является кластерная политика, которая разрабатывается и успешно реализуется во многих странах. Мировой опыт развитых стран убедительно доказывает как эффективность, так и неизбежную закономерность возникновения разного вида кластеров. В последние десять-пятнадцать лет формирование кластеров стало важной частью государственной политики в области регионального развития во многих странах мира. Опыт различных стран свидетельствует об отсутствии единых унифицированных механизмов по созданию, развитию и стимулированию кластеров [1–4]. Поэтому для реализации вектора модернизации региональной экономики на базе кластерных принципов необходима разработка кластерной политики, включающей детальный механизм формирования и государственной поддержки кластеров применительно к белорусским условиям.

Вопросы, связанные с экономическими кластерами, активно рассматриваются западными учеными-экономистами. Среди них, в первую очередь, нужно отметить М. Портера [2], основоположника кластерного подхода. Вклад в разработку вышеназванной проблемы внесли также зарубежные экономисты: М. Бест, М. Гулати, А. Гроув, Е. Дахмен, П. Кругман, Е. Лимер, Х. Надви, С. Розенфельд, В. Фельдман, Х. Шмиц, Д. Якобс, Л. Янг и многие другие [2–4]. В последние годы возрос интерес к кластерному подходу среди ученых-экономистов России и стран ближнего зарубежья. Изучением данной темы занимаются: М. Афанасьев, В. Бороненко, М. Войнаренко, В. Евтушенков, С. Лозинский, Е. Лурье, А. Мигранян, Л. Мясникова, А. Олейник, А. Праздничных, В. Третьяк, С. Соколенко, Г. Хасаев, Т. Цихан и другие. В Республике Беларусь исследования в области территориально-производственных систем и кластеров проводили такие ученые, как Я.М. Александрович, В.Ф. Байнев, Н.И. Богдан, А.А. Быков, С.Г. Галуза, В.В. Валетко, А.В. Марков, И.А. Михайлова-Станюта, М.В. Мясникович, Л.Н. Нехорошева, П.Г. Никитенко, В.В. Пинигин, С.Ф. Пятинкин, Н.Г. Синяк и др.

Разные подходы в оценке эффективности использования ресурсов, а также специфичные модели и инструменты формирования кластерной политики в странах с разными моделями и уровнем развития предопределили цель и задачи исследования.

Цель статьи – разработать направления повышения эффективности использования региональных ресурсов на основе кластерного подхода. Задачи исследования:

- разработать методический инструментальный оценки эффективности использования региональных ресурсов;
- провести апробацию предложенной методики на примере Республики Беларусь;
- обосновать роль кластерного подхода в повышении эффективности регионального производства;
- сформулировать направления формирования региональной кластерной политики в Республике Беларусь.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили статистические данные, электронные информационные ресурсы, представленные Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь. Основные методы исследования: логико-дедуктивный, анализа и синтеза, сравнения, группировок, статистические и экономико-математические методы.

Результаты и их обсуждение.

1. Методика оценки эффективности использования региональных ресурсов

Вопросы, связанные с содержанием эффективности, методикой ее оценки, изучены в работах отечественных и зарубежных авторов. К.Р. Макконела и С.Л. Брю понимают эффективность с точки зрения максимальной отдачи при минимуме затрат [5]. П. Хэйне определяет эффективность как соотношение результата и вложенных средств [6]. Экономико-математические модели эффективности функционирования хозяйственных систем и институтов представлены О.С. Сухаревым [7]. Совершенствованию инструментария показателей оценки эффективности посвящены работы В.В. Смирнова [8]. Научный анализ эффективности на основе учета показателей, характеризующих текущие и будущие денежные потоки, проведен профессором Л.Н. Нехорошевой [7]. Детально оценка эффективности использования ресурсов регионов с проработанным инструментарием, эконометрическими моделями, программами развития отражена в коллективной монографии под руководством профессора Л.Г. Матвеевой [9]. Мнения ученых позволили уточнить содержание эффективности использования региональных ресурсов и предложить дифференциацию ресурсов, выделив соответствующие группы (рисунок 1) [5; 10].

Для общей (интегральной, комплексной) оценки эффективности использования региональ-

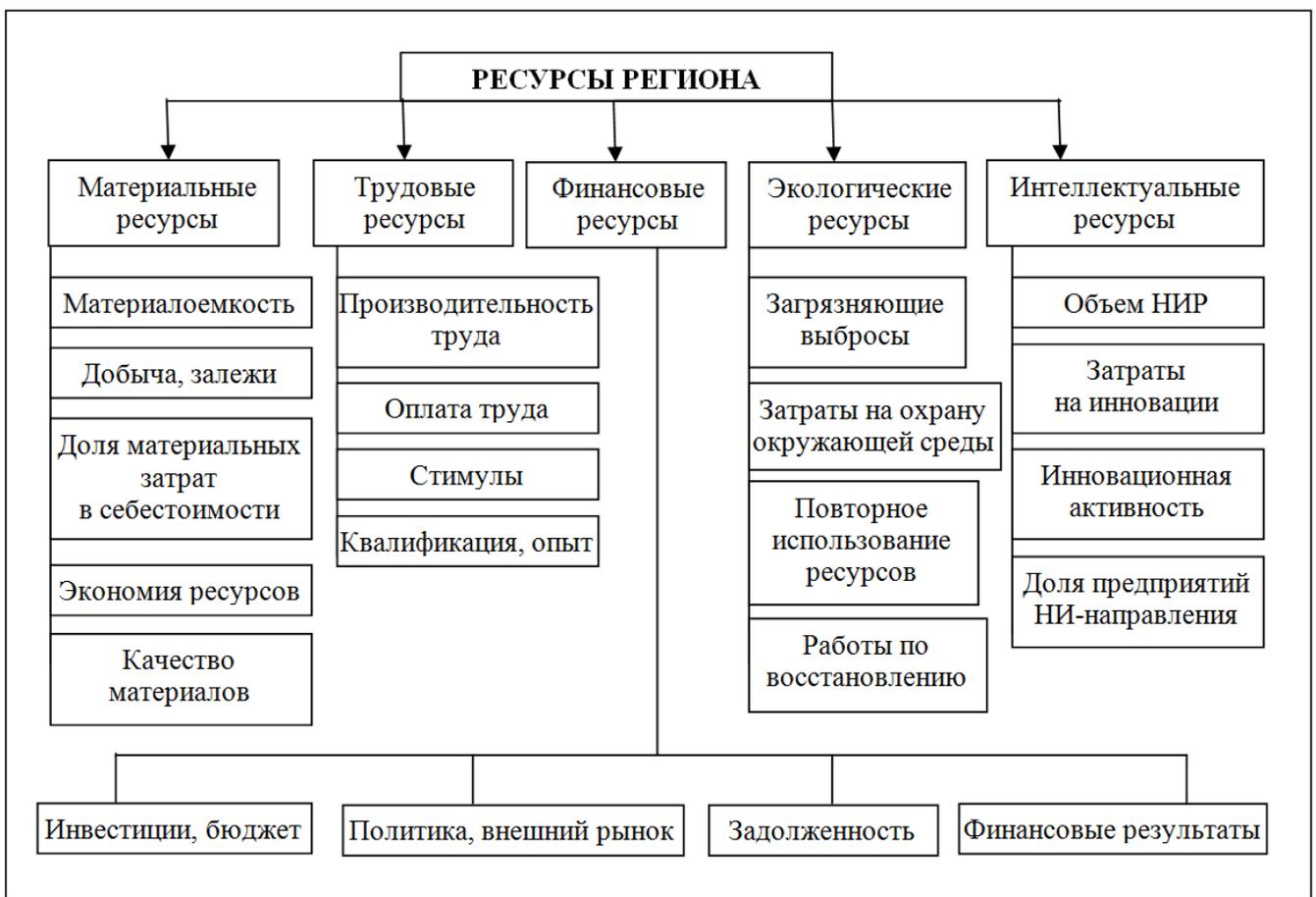

Рисунок 1 – Характеристика региональных ресурсов с группировкой.

ных ресурсов следует учитывать каждую группу ресурсов:

$$PЭ_{инт} = \sqrt[5]{M_3 \times T_3 \times \Phi_3 \times Э_3 \times I_3}, \quad (1)$$

где $PЭ_{инт}$ – интегральная оценка региональной эффективности;

- M_3 – материальная эффективность;
- T_3 – трудовая эффективность;
- Φ_3 – финансовая эффективность;
- $Э_3$ – экологическая эффективность;
- I_3 – интеллектуальная эффективность.

Эффективность использования ресурсов региона (страны, субъекта хозяйствования) формируется на основе ее составных элементов. Авторами предложены следующие алгоритмы их расчетов.

Материальная эффективность (M_3) определена исходя из отношения индекса изменения валового регионального продукта к индексу изменения материальных затрат по региону:

$$M_3 = \frac{ВРП_{ф,б} / ВРП_б}{МЗ_{ф,б} / МЗ_б} = \frac{I_{ВРП}}{I_{МЗ}}, \quad (2)$$

где $ВРП_{ф,б}$ – валовой региональный продукт фактический и в предыдущем (базовом, сравняемом) периоде соответственно;

$МЗ_{ф,б}$ – уровень материальных затрат по региону фактический и в предыдущем (базовом, сравняемом) периоде соответственно;

$I_{ВРП}$ – индекс изменения валового регионального продукта;

$I_{МЗ}$ – индекс изменения материальных затрат.

В результате получили критерий результативности, положительно характеризующий изучаемый вид ресурсов.

Трудовую эффективность (T_3) предлагается определять как отношение индексов изменения производительности и оплаты труда по региону:

$$T_3 = \frac{ПТ_{ф,б} / ПТ_б}{ОТ_{ф,б} / ОТ_б} = \frac{I_{ПТ}}{I_{ОТ}}, \quad (3)$$

где $ПТ_{ф,б}$ – производительность труда по региону фактическая и в базовом периоде соответственно;

$ОТ_{ф,б}$ – оплата труда по региону фактическая и в базовом периоде соответственно;

$I_{пт}$ – индекс изменения производительности труда;

$I_{от}$ – индекс изменения оплаты труда.

Сопоставление интенсивности трудовых ресурсов и их вознаграждения по темпам изменения позволит отразить результативность данной категории ресурсов и оценить их тенденцию.

Финансовую эффективность (Φ_3) предложено оценивать как относительный показатель изменения прибыли организаций региона и его кредиторской задолженности:

$$\Phi_3 = \frac{ПР_{\phi} / ПР_{\phi}}{КЗ_{\phi} / КЗ_{\phi}} = \frac{I_{ПР}}{I_{КЗ}}, \quad (4)$$

где $ПР_{\phi, \phi}$ – прибыль организаций региона фактическая и в базовом периоде соответственно;

$КЗ_{\phi, \phi}$ – кредиторская задолженность региона фактическая и в базовом периоде соответственно;

$I_{ПР}$ – индекс изменения прибыли организаций;

$I_{КЗ}$ – индекс изменения кредиторской задолженности.

Сравнение темпов изменения финансового результата организаций региона и его задолженности позволит, по нашему мнению, оценить уровень результативности используемых финансовых ресурсов на развитие организаций.

Для оценки экологической эффективности (\mathcal{E}_3) предложено сопоставление темпов изменения выбросов загрязняющих веществ по региону и затрат на охрану окружающей среды:

$$\mathcal{E}_3 = \frac{ЗВ_{\phi} / ЗВ_{\phi}}{ООС_{\phi} / ООС_{\phi}} = \frac{I_{ЗВ}}{I_{ООС}}, \quad (5)$$

где $ЗВ_{\phi, \phi}$ – выбросы загрязняющих веществ фактические и в базовом периоде соответственно;

$ООС_{\phi, \phi}$ – затраты региона на охрану окружающей среды фактические и в базовом периоде соответственно;

$I_{ЗВ}$ – индекс изменения объемов выбросов загрязняющих веществ;

$I_{ООС}$ – индекс изменения затрат на охрану окружающей среды.

Сопоставлением темпов снижения (увеличения) объемов выбросов и затрат на улучшение состояния окружающей среды можно оценить эффективность экологических ресурсов региона.

Интеллектуальную эффективность (I_3) нами предложено определять как отношение темпов изменения объема научно-исследовательских работ (произведенных инновационных товаров, работ, услуг) и затрат на их осуществление по региону:

$$I_3 = \frac{НИР_{\phi} / НИР_{\phi}}{З_{\phi} / З_{\phi}} = \frac{I_{НИР}}{I_3}, \quad (6)$$

где $НИР_{\phi, \phi}$ – объем выполненных научно-исследовательских работ (произведенных инновационных товаров, работ, услуг) по региону фактический и в базовом периоде соответственно;

$З_{\phi, \phi}$ – уровень затрат на научно-исследовательские работы по региону фактический и в базовом периоде соответственно;

$I_{НИР}$ – индекс изменения объема научно-исследовательских работ;

I_3 – индекс изменения затрат на научно-исследовательские работы.

По нашему мнению, сравнением темпов изменения объемов научно-исследовательских работ (произведенной инновационной продукции, работ, услуг) и темпов изменения затрат на их достижение можно определить уровень эффективности использования интеллектуальных ресурсов.

Предложенная методика поэтапной оценки каждого вида эффективности и последующая оценка интегральной эффективности использования ресурсов региона позволяет определить комплексный показатель уровня использования ресурсов, проследить динамику за исследуемый временной период, выявить резервы роста эффективности, приоритетные направления воздействия на улучшение ресурсопользования.

2. Апробация методики оценки эффективности использования региональных ресурсов на примере регионов Республики Беларусь

В рамках исследования проведена апробация предложенной методики на примере регионов Республики Беларусь за 2008–2015 гг. (на основе статистической информации [11; 12]). Результаты расчетов частных и интегрального уровней ресурсной эффективности регионов за данный период представлены на следующей диаграмме (рисунок 2).

Эффективное материалопотребление отмечено по Витебской, Гомельской, Гродненской, Могилевской, Минской областям и г. Минску, что отражает постоянное технологическое усовершенствование, техническую модернизацию, рационализацию направлений расхода материальных

ресурсов. По *трудовой эффективности* положительный результат отмечен только по г. Минску, что объясняется привлекательностью расположения, условиями труда, перспективой материального стимулирования, расширенными возможностями выполнения трудовой деятельности, влиянием внешнеэкономических факторов. В отношении *финансовой эффективности* по всем регионам выявлена положительная динамика, что можно объяснить нацеленностью реализации продукции на внешние рынки, повышением конкурентоспособности продукции с целью повышения цены и роста прибыли, целенаправленностью заемных средств. По *экологической эффективности* также все регионы показали высокий уровень и положительную тенденцию, что свидетельствует об усилении экологической направленности экономики региона и ее регионов, полезной отдаче от рационального распределения выделяемых средств, применении малоотходных (безотходных) технологий производства с целью сокращения выбросов вредных веществ в атмосферу.

Оценка интеллектуальной эффективности дала возможность установить, что все регионы, за исключением г. Минска, не эффективно используют и не развивают интеллектуальные ресурсы.

Оценка интегрального уровня ресурсной эффективности Республики Беларусь показала, что положительный результат использования ресурсов отмечен по материальной, финансовой и экологической составляющим; по интеллектуальной и трудовой эффективности – результат расчетного интегрального индекса отрицательный. В целях повышения интеллектуальной и трудовой эффективности экономики Республики Беларусь представляется целесообразным использование кластерного подхода.

3. Роль кластерного подхода в повышении эффективности регионального производства

Как показывает опыт кластерного развития регионов [2–4; 13], экономический рост в кластере достигается за счет согласования интересов участников регионального сообщества, установления партнерских отношений между субъектами кластера благодаря активному включению государственных структур в его функционирование, например, через механизмы государственно-частного партнерства, создания социально-предпринимательских корпораций на территории кластера.

Результатом инновационной деятельности в рамках кластера является формирование «совокупного инновационного продукта» как результата коллективного труда предприятий, научно-исследовательских и образовательных учреждений, расположенных на его территории, что становится возможным на базе их совместного доступа к информации, новым технологиям, прогрессивным методам управления, совместного использования каналов продвижения товаров, систем подготовки кадров, генерации и реализации научных идей, а также повышения степени доверия между участниками кластерного образования вследствие их постоянного взаимодействия, осознания их взаимосвязи и взаимозависимости, распределения рисков между ними. Для всей экономики региона кластеры выполняют роль «точек роста» внутреннего рынка и освоения международного. Наличие целого кластера отраслей ускоряет процесс создания факторов конкурентных преимуществ за счет совместных инвестиций в рамках сетевого сотрудничества и государственно-частного партнерства (ГЧП) в развитие технологий, информацию, инфраструктуру, образование.

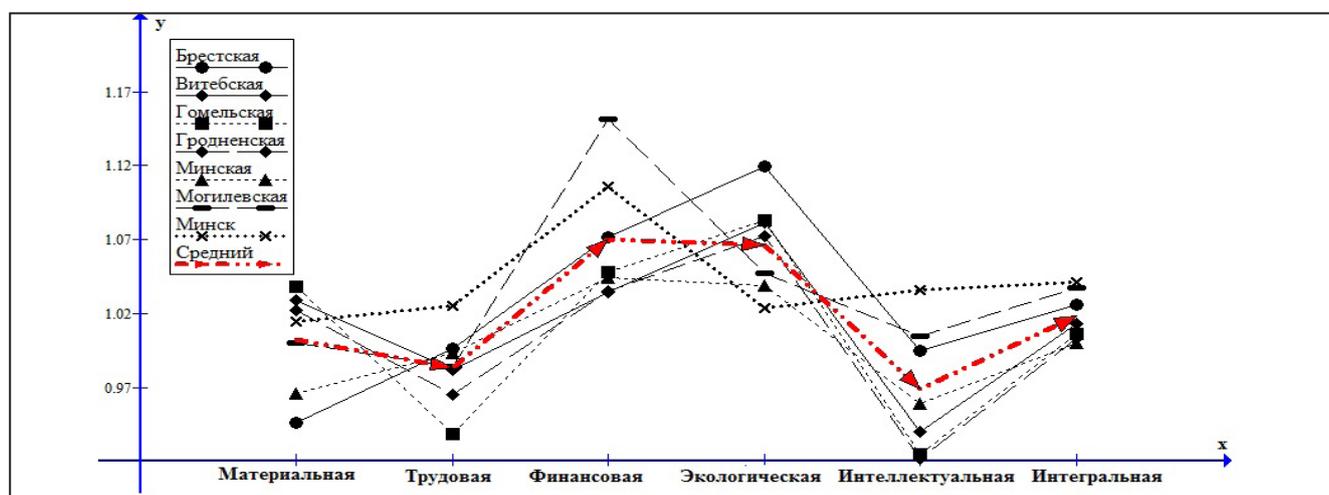

Рисунок 2 – Динамика частных и интегрального уровней ресурсной эффективности регионов Республики Беларусь за 2008–2015 гг.

Крупные производители кластера создают спрос на специализированные материально-технические ресурсы и услуги. Взаимосвязи внутри кластера обеспечивают развитие аутсорсинга, когда малые и средние предприятия выполняют продукцию, работы и услуги для ключевых субъектов кластера, тем самым способствуют развитию малого и среднего бизнеса в регионе, что повышает его конкурентоспособность [14].

Конкуренция между производителями в кластере приводит к углублению специализации в кластере, поиску новых ниш и расширению кластера, в результате чего образуются новые субъекты бизнеса, что повышает доходность регионального производства, решает проблемы занятости населения и усиливает интеграционный потенциал региона.

4. Направления формирования региональной кластерной политики в Республике Беларусь

В Беларуси утверждена на правительственном уровне Концепция формирования и развития инновационно-промышленных кластеров [15]. Принятие в деловых и правительственных кругах Республики Беларусь данной Концепции повышения конкурентоспособности экономики ставит перед органами государственного и регионального управления задачу разработки и реализации региональных кластерных программ в составе стратегии социально-экономического развития региона. Программы кластерного развития могут быть сконцентрированы на следующих направлениях: расширении и углублении местного рынка; привлечении иностранных инвесторов; сочетании этих двух направлений. По этому фактору формирования кластерной стратегии возможны следующие стратегические альтернативы:

- стратегия национального/регионального кластера, целью которой является повышение конкурентоспособности региона/региона путем выявления кластеров в стране/регионе и создания мер по их развитию. Преимущество этой стратегии в том, что она способствует созданию особых конкурентных преимуществ стране/региону, которые сложно скопировать;

- стратегия интернациональных кластеров, которая предполагает создание кластеров путем привлечения иностранных инвесторов и внешних поставщиков. Преимущество этой стратегии заключается в быстром развитии региональной экономики. Слабая сторона этой стратегии состоит в том, что интернациональные кластеры являются предметом для копирования и конкуренции. Кроме того, существует риск, что иностранные инвесторы по каким-либо причинам могут свернуть свои мощности и уйти с рынка;

- смешанная стратегия, согласно которой объединяются стратегия национального/регионального кластерного развития и стратегия интернационального кластера. Смешанная стратегия, будучи по существу привлекательной, может привести к неопределенности и конкуренции среди стратегий, направленных на местные и иностранные предприятия [16, с. 204].

Таким образом, оптимальный набор стратегических альтернатив будет зависеть от существующих местных ресурсов и изначальных возможностей самого кластера, а также от проводимой кластерной политики. Выбор стратегических кластерных альтернатив осуществляется по следующим критериям: осуществимость, достижимость цели, ресурсообеспеченность, ресурсоэффективность, минимальный риск, период реализации стратегии.

На основе определенных кластерных стратегий разрабатывается кластерная программа, включающая: мероприятия, сроки, затраты, источники финансирования, ответственных исполнителей. Кластерная программа разрабатывается по приоритетным направлениям, выявленным в ходе анализа, и состоит из отдельных проектов, таких как:

- проект развития кластерных инициатив;
- проект организации конкретного кластера (например, туристического, нефтехимического, кластера обуви, льна и т.д.); проект создания кластерной инфраструктуры (некоммерческие партнерства, центры кластерного развития, агентства регионального развития; инновационно-промышленные центры, центры знаний и др.);
- проект трансграничного сотрудничества кластеров и др.

В итоге кластерная программа может формироваться как мультипроект [1, с. 187].

В Витебском регионе различными государственными программами предусмотрено создание двух кластеров:

- нефтехимический кластер в г. Новополоцке (ядро – ОАО «Нафтан» и УО «Полоцкий государственный университет», Научно-исследовательский институт физико-химических проблем БГУ);

- кластер льна в г. Орше (ядро – РУПТП «Оршанский льнокомбинат»).

Фактически (на 01.05.2016 г.) эти кластеры не сформированы. Для создания в экономике Беларуси реальных кластеров необходимо разрабатывать и реализовать кластерную политику, направленную на формирование конкурентной среды, сетевого сотрудничества и государственно-частного партнерства.

В соответствии с эмпирическими заключениями М. Портера по формированию кластерной политики и мировым опытом кластеризации, для Беларуси наиболее целесообразным, исходя из институциональных условий, является подход «сверху-вниз» [13].

Это означает, что процесс инициирования кластерного подхода, а также поддержку кластеров должно осуществлять государство. Принятая в 2014 году Концепция формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Республике Беларусь [15] не содержит конкретных мер и инструментов формирования реальных кластеров. Для реализации кластерной политики по модели «сверху-вниз» предлагаются следующие меры государственной поддержки кластеризации:

1. Идентификация кластеров в экономике. Анализ кластеров (составление карты кластеров).

2. Просвещение и подготовка представителей государственного сектора и деловых кругов путем:

- проведения семинаров и тренингов;
- разработки методических материалов для предпринимателей и чиновников;
- подбора и обучения специалистов, призваны распространять идеи кластеров.

3. Создание некоммерческих организаций и комиссий по кластерам для управления процессом кластеризации.

Основываясь на зарубежном опыте кластеризации [2–4; 13], с учетом специфики государственного управления в Республике Беларусь в качестве субъектов кластерной политики национального уровня предлагаются следующие: Министерство экономики Республики Беларусь; Министерство торговли Республики Беларусь; государственные отраслевые концерны; Агентство по проблемам кластерной политики при Правительстве Республики Беларусь. *Субъекты региональной кластерной политики:* агентства регионального развития; комиссии по кластерам при комитетах экономики; коллегиальные органы управления кластерным процессом в форме некоммерческих организаций (ассоциации, союзы, центры кластерного развития, некоммерческие партнерства).

Значительная роль в кластеризации зарубежных экономик принадлежит промышленным ассоциациям. Они выступают инициаторами создания кластеров в регионе, оказывают помощь в разработке национальной/региональной стратегии конкурентоспособности посредством предоставления информации об уровне конкуренции, требованиях покупателей, новых рыночных

возможностях и др. Ассоциации способствуют повышению конкурентоспособности кластера за счет учреждения связей между субъектами кластера, а также взаимодействия с местными органами управления и правительством страны по вопросам совершенствования законодательства.

Заключение. Таким образом, предложенная методика оценки частной и интегральной эффективности использования ресурсов регионов на основе динамических индексов сопоставления основных факторов и зависимых показателей по обозначенным периодам позволяет выбрать приоритетные направления развития регионов, выделить кризисные точки (низкий уровень развития) по частным векторам функционирования (исследуемым направлениям).

На основе оценки частных составляющих и интегрального уровня ресурсной эффективности Республики Беларусь за период за 2008–2015 гг. предложено использовать кластерный подход в составе региональной экономической политики. Кластеры выступают точками роста региональной экономики. Стратегическими направлениями кластерной политики являются: стратегия национального/регионального кластера, стратегия интернациональных кластеров, смешанная стратегия. Выбор стратегических кластерных альтернатив при разработке и реализации кластерных программ может осуществляться по предложенным критериям: осуществимость, достижимость цели, ресурсообеспеченность, ресурсоэффективность, минимальный риск, период реализации стратегии.

Для реализации кластерной политики в Республике Беларусь необходимы меры государственной поддержки кластеризации, включая идентификацию и анализ кластеров, просвещение и подготовку представителей государственного сектора и деловых кругов, создание некоммерческих организаций и комиссий по кластерам. Представленные методологические основы формирования кластерной политики в Беларуси позволят субъектам управления на всех уровнях разрабатывать и реализовывать кластерные стратегии, направленные на использование фактора инноваций в устойчивом развитии и повышении конкурентоспособности региональной и национальной экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яшева, Г.А. Кластеры в белорусской экономике / Г.А. Яшева // Наука и инновации. – 2012. – № 8(114). – С. 34–36; № 9(115). – С. 4–20.
2. Basic figures of the Asociacion Cluster de Energia. Cluster de Energia official web-site [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.clusterenergia.com/trabajo.asp>. – Date of access: 04.07.2014.

3. Cluster Analysis & Cluster-based policy in OECD-countries various approaches, early results & policy implications [Electronic resource] / editors: Theo J.A. Roelandt, Pim den Hertog // Report by the Focus Group on: Industrial clusters. – 1999. – Mode of access: <http://www.oecd.org/daf/corporate>. – Date of access: 18.06.2014.
4. The European cluster memorandum. Promoting European Innovation through Clusters: An Agenda for Policy Action [Electronic resource] / Prepared by the High Level Advisory Group on Clusters, chaired by Senator Pierre Laffitte // This work is coordinated by the Center for Strategy and Competitiveness, Stockholm School of Economics and performed under the Europe In nova Initiative of the European Commission. – 2007. – Mode of access: <http://www.clusterobservatory.eu>. – Date of access: 18.06.2014.
5. Макконнел, К.Р. Экономикс: принципы, проблемы и политика: в 2 т. / К.Р. Макконнел, С.Л. Брю; пер. с англ. – М.: Республика, 1999. – Т. I. – 399 с.
6. Растворцева, С.Н. Управление социально-экономической эффективностью регионального развития: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / С.Н. Растворцева. – СПб., 2010. – 40 с.
7. Соркин, С.Л. Эффективность внешнеэкономической деятельности: понятие, измерение и оценка: монография / С.Л. Соркин. – Гродно: ГрГУ, 2011. – 130 с.
8. Смирнов, В.В. Методика оценки эффективности социально-экономического развития региона / В.В. Смирнов // Изв. высш. учеб. заведений. Поволжский регион. – 2007. – № 2. – С. 25–32.
9. Региональные кластеры импортозамещения: теория и современность: монография / под общ. и науч. ред. Л.Г. Матвеевой. – Ростов н/Д, 2016. – 250 с.
10. Матвеева, Л.Г. Оценка эффективности политики импортозамещения в промышленности: метод. инструментарий / Л.Г. Матвеева, О.А. Чернова, В.В. Климук // Изв. Дальневост. федер. у-та. Экономика и управление. – 2015. – № 3(75). – С. 3–14.
11. Беларусь в цифрах. 2015. Стат. справочник / под ред. И.В. Медведевой. – Минск: Нац. стат. комитет, 2016. – 76 с.
12. Статистический ежегодник Республики Беларусь. 2014. Стат. сб. / под ред. В.И. Зиновского. – Минск: Нац. стат. ком., 2015. – 534 с.
13. Porter, M.E. The Competitive Advantage of Nations / M.E. Porter. – 2nd ed. – New York: Free Press, 1998. – 268 p.
14. Яшева, Г.А. Кластерная стратегия инновационного развития экономики России и Беларуси [Электронный ресурс] / Г.А. Яшева, В.А. Кунин // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2014. – № (62) УЭКС, 2/2014 – ISSN онлайн-версии 1999-4516. – Режим доступа: <http://uecs.ru/index>.
15. Об утверждении Концепции формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Республике Беларусь и мероприятий по ее реализации [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 16 янв. 2014 г., № 27 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/>. – Дата доступа: 18.01.2014.
16. Яшева, Г.А. Формирование кластерного механизма активизации инновационной деятельности в Республике Беларусь / Г.А. Яшева // Белорус. экон. журн. – 2008. – № 4. – С. 75–88.

Поступила в редакцию 12.09.2016 г.

УДК 338:658.155:347.736(476)

Оценка вероятности риска банкротства организации: методологический и правовой аспекты

Янкевич Е.М.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В настоящее время актуальной для любой организации является проблема банкротства, что сказывается в последующем на ухудшении экономической ситуации в стране.

Цель данной статьи – оценить вероятность риска банкротства, обосновать методологические и правовые подходы при оценке вероятности банкротства организации.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили статистическая информация, бухгалтерская отчетность организации г. Витебска, электронные информационные ресурсы, нормативно-правовые акты, регулирующие финансовую деятельность и деятельность субъектов хозяйствования на территории Республики Беларусь. Основные методы исследования: сравнение, группировка, коэффициентный метод, факторные модели, интегральная оценка, горизонтальный анализ.

Результаты и их обсуждение. В статье рассмотрена важность своевременного анализа и оценки вероятности банкротства организации, показана методика анализа с использованием различных подходов. Дан анализ различных методик диагностики банкротства и рассчитаны показатели вероятности риска банкротства на фактических данных организации г. Витебска. Указан ряд требований к процедуре банкротства в связи со вступлением в силу 25 января 2013 года новой редакции Закона Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)». Исследовано состояние общего количества дел об экономической несостоятельности (банкротстве), находящихся в производстве экономических судов Республики Беларусь по состоянию на 01.10.2016 г.

Заключение. В соответствии с предлагаемыми подходами к оценке вероятности банкротства появляется для организаций возможность предвидеть и не допустить ухудшения финансового состояния организации, предотвратить риск наступления (банкротства) неплатежеспособности субъекта хозяйствования.

Ключевые слова: несостоятельность организации, банкротство, риск, многофакторная модель, скоринговый анализ, финансовая устойчивость.

Company's Bankruptcy Risk Probability Assessment: Methodological and Legal Aspect

Yankevich E.M.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

At present the issue of bankruptcy is topical for any company, which results in worsening of the economic situation in the country.

The purpose of the article is to assess the probability of bankruptcy risk, to substantiate methodological and legal approaches while assessing the probability of a company's bankruptcy.

Material and methods. The material of the research is statistic information, a Vitebsk company accountancy, e-information resources, normative and legal acts which regulate financial activity and activity of bodies of economy on the territory of the Republic of Belarus. Basic methods of the research are comparison, grouping, quotient method, factor models, integral assessment, horizontal analysis.

Findings and their discussion. Significance of timely analysis and assessment of bankruptcy probability of a company is presented in the article; analysis methods with the application of different approaches are shown. Analysis is given of different methods of bankruptcy diagnostics and parameters of bankruptcy risk probability on real data of a Vitebsk company are estimated. A number of requirements to the procedure of bankruptcy are indicated in connection with coming into force of the new edition of January 25, 2013 Decree of the Republic of Belarus "On Economic Failure (Bankruptcy)". Analysis is presented of the state of general number of bankruptcy cases which had been under consideration in Economic Courts of the Republic of Belarus by 01.10.2016.

Conclusion. Compared to the suggested approaches to the assessment of bankruptcy probability companies acquire possibilities to foresee and not to let their financial state worsen, to prevent the risk of bankruptcy of the body economy.

Key words: the failure of the company, bankruptcy, risk, multi-factor model, scoring analysis, financial stability.

В условиях рыночной экономики всякое дело сопряжено с риском. При отсутствии квалифицированного менеджмента, ликвидных средств и других составляющих неопределенность становится источником убытков. Последние ведут к несостоятельности организации – банкротству. Есть экономическая и юридическая стороны банкротства. Под банкротством понимается неспособность организации финансировать текущую операционную деятельность и погашать срочные обязательства, т.е. имущественное разорение организации, установленная судом неспособность фирмы рассчитаться по своим обязательствам. Банкротство фирмы – урегулированная действующим законодательством процедура, направленная на освобождение неплатежеспособного предприятия от долгов, погасить которые за счет имеющихся активов не представляется возможным.

Целью исследования является оценка вероятности риска банкротства на фактических данных организации г. Витебска в динамике за 2014–2015 гг. по результатам бухгалтерской отчетности.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили статистическая, бухгалтерская и оперативная отчетность организации г. Витебска, электронные информационные ре-

сурсы, нормативно-правовые акты, регулирующие финансовую деятельность на территории Республики Беларусь. Основные методы исследования: сравнение, группировка, коэффициентный метод, факторные модели, интегральная оценка, горизонтальный анализ.

Результаты и их обсуждение. Результатом применения процедуры банкротства предприятия при его ликвидации являются списание непогашенной кредиторской задолженности, последующее исключение предприятия из Единого государственного регистра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (ст. 151 Закона Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)»). В этом и заключается основное отличие общей процедуры ликвидации от ликвидации с применением процедуры банкротства предприятия.

При ликвидации с применением процедуры банкротства фирмы (банкротства предпринимателя, ИП) хозяйственным судом назначается антикризисный управляющий. В соответствии с действующим законодательством факт банкротства, экономической несостоятельности может быть признан только решением суда.

Внешними признаками банкротства организации могут быть: приостановление текущих платежей; повышение относительной доли деби-

торской задолженности в активах предприятия; увеличение задолженности акционерам, партнерам, сотрудникам; задержка с предоставлением отчетности.

Стоит отметить, что со вступлением в силу 25 января 2013 года новой редакции Закона Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (далее Закон о банкротстве) устанавливается ряд требований, усложняющих подачу заявления о банкротстве должника как самим должником, так и кредитором. В частности, в соответствии с частями 5, 6 статьи 64 Закона о банкротстве лицо, подавшее в хозяйственный суд заявление о банкротстве предприятия, обязано представить в суд не менее трех кандидатур управляющего. В противном случае хозяйственный суд возвращает заявление о банкротстве юридического лица. Ужесточены также требования к содержанию самого заявления и прилагаемым документам, досудебным мероприятиям, появились новые моменты процессуального характера. Введена субсидиарная ответственность должностных лиц, участников по всем долгам предприятия за неподачу либо несвоевременную подачу заявления о банкротстве фирмы.

Для того чтобы ликвидировать предприятие с применением процедуры банкротства компании, достаточно лишь согласия собственников.

Порядок и этапы ликвидации с применением процедуры банкротства фирмы выглядят так:

- учредителем (участниками) принимается решение о ликвидации;
- назначается ликвидатор (ликвидационная комиссия);
- о начале процедуры ликвидации предприятия уведомляется регистрирующий орган;
- ликвидатор производит установленные законодательством о прекращении деятельности субъектов хозяйствования мероприятия, готовит промежуточный ликвидационный баланс, проводит анализ финансового состояния предприятия;
- на основании проведенного анализа готовится и подается в экономический суд заявление о банкротстве предприятия;
- экономический суд выносит определение о возбуждении дела о банкротстве фирмы, открытии в отношении должника конкурсного производства, назначает антикризисного управляющего;
- в СМИ публикуются данные об открытии конкурсного производства, устанавливается двухмесячный срок для предъявления требований кредиторов;
- экономический суд по истечении двухмесячного срока с момента публикации сообщения,

на основании заключения о наличии факта банкротства организации (банкротства ООО, ОДО, ЗАО, ЧУП), представляемого в суд управляющим, выносит решение о признании должника экономически несостоятельным (банкротом) и открытии ликвидационного производства;

– в процессе ликвидационного производства реализуется имущество должника, взыскивается дебиторская задолженность, проводится максимально возможное погашение кредиторской задолженности согласно очередности, установленной Законом о банкротстве;

– экономическим судом по результатам рассмотрения отчета управляющего по итогам ликвидационного производства выносятся определение о завершении ликвидационного производства в рамках дела о банкротстве предприятия, на основании которого предприятие исключается из ЕГР, непогашенные долги признаются погашенными;

– получается выписка об исключении юридического лица из ЕГР.

Срок ликвидации субъекта хозяйствования с применением процедуры банкротства юридических лиц от 8-ми месяцев (сроки зависят от размера и «проблемности» дебиторской задолженности, количества и ликвидности имущества предприятия, иных нюансов).

Общее количество дел об экономической несостоятельности (банкротстве), находящихся в производстве экономических судов Республики Беларусь по состоянию на 01.10.2016 г., составило 3093 дела, из которых количество дел об экономической несостоятельности (банкротстве) организаций частной формы собственности составляет 3004 дела, то есть 97% от общего количества дел данной категории [1].

В производстве экономического суда города Минска находится 51,3% от общего числа дел об экономической несостоятельности (банкротстве) (1589 дел).

Оценить уровень количества дел об экономической несостоятельности субъектов хозяйствования по состоянию на 01.10.2016 г. в производстве экономических судов Республики Беларусь позволяют данные таблицы 1. По результатам таблицы видно, что из 89 дел об экономической несостоятельности (банкротстве) организаций, имеющих значение для экономики и социальной сферы страны, к которым относятся государственные организации; организации, имеющие долю государственной собственности в уставном фонде; градообразующие и приравненные к ним организации; бюджетообразующие организации; системообразующие организации (далее орга-

Таблица 1 – Количество дел об экономической несостоятельности, находящихся в производстве экономических судов РБ по состоянию на 01.10.2016 г.

Верховный Суд	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Могилевская область	Минская область	г. Минск
1	16	15	20	2	17	10	8
1,12%	18,0%	16,85%	22,5%	2,3%	19,1%	11,23%	8,9%

Составлено автором.

Таблица 2 – Расчет коэффициента «Z-счета»

Z	Вероятность банкротства
до 1,80	Очень высокая
от 1,81–2,70	Высокая
от 2,8–2,9	Возможная
3,0 и выше	Очень низкая

Таблица 3 – Группировка организаций на классы по уровню платежеспособности

Показатели	Границы классов согласно критериям				
	I класс	II класс	III класс	IV класс	V класс
Рентабельность совокупного капитала, %	30% и выше 50 баллов	от 29,9 до 20% от 49,9 до 35 баллов	от 19,9 до 10% от 34,9 до 20 баллов	от 9,9 до 1% от 19,9 до 5 баллов	менее 1% 0 баллов
Коэффициент текущей ликвидности	2,0 и выше 30 баллов	от 1,9 до 1,7 от 29,9 до 20 баллов	от 1,69 до 1,4 от 19,9 до 10 баллов	от 1,39 до 1,1 от 9,9 до 1 баллов	1 и ниже 0 баллов
Коэффициент финансовой независимости	0,7 и выше 20 баллов	от 0,69 до 0,45 от 19,9 до 10 баллов	от 0,44 до 0,3 от 9,9 до 5 баллов	от 0,29 до 0,20 от 5 до 1 баллов	менее 0,2 0 баллов
Границы классов	100 баллов и выше	от 99 до 65 баллов	от 64 до 35 баллов	от 34 до 6 баллов	0 баллов

Источник: [3].

I класс >100 баллов	Предприятие с хорошей финансовой прочностью
II класс 65–99 баллов	Предприятие имеет небольшой риск невозврата долгов
III класс 35–64 баллов	Проблемное предприятие.
IV класс 6–34 баллов	Предприятие имеет высокий риск банкротства. Кредиторы рискуют потерять вложенные средства
V класс 0 баллов	Предприятие несостоятельно

Таблица 4 – Обобщающая оценка финансовой устойчивости анализируемой организации

Показатель	2014 г.		2015 г.	
	фактический уровень показателя	количество баллов	фактический уровень показателя	количество баллов
Рентабельность совокупного капитала	-9,44%	0	-13,86 %	0
Коэффициент текущей ликвидности	0,58	0	0,36	0
Коэффициент финансовой независимости	0,57	16,44	0,50	14,42
Сумма баллов		16,44		14,42

Составлено автором по данным организации.

низация, имеющая значение для экономики и социальной сферы страны). Наибольший удельный вес по количеству дел об экономической несостоятельности занимает Гомельская (22,5%), на втором месте – Могилевская (19,1%), на третьем – Брестская, далее Витебская область [2].

Исследовав состояние неплатежеспособности организаций на уровне республики, предложим несколько методик предупреждения вероятности банкротства организации. Для предупреждения банкротства, предбанкротного состояния фирмы разработаны специальные системы расчетов. Основанием для признания структуры бухгалтерского баланса неудовлетворительной, а организации – неплатежеспособной является наличие одновременно следующих условий: коэффициент текущей ликвидности на конец отчетного периода в зависимости от вида экономической деятельности принадлежности организации – имеет значение менее нормативного; [1] коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами на конец отчетного периода в зависимости от вида экономической деятельности принадлежности организации – имеет значение менее нормативного; тогда сравнивают результат показателей с показателями по отрасли и делают необходимые выводы.

Как показывают исследования, эта методика основана на выявлении неудовлетворительной структуры баланса на базе критериев оценки возможного банкротства. Изучая различные модели и подходы, оценка вероятности банкротства проводится по нескольким количественным моделям. Анализу были подвержены количественные модели финансовой несостоятельности, такие как двухфакторные и пятифакторные модели Альтмана, четырехфакторные модели Таффлера и Спрингейта и система показателей Бивера.

Научная практика предлагает использовать иные подходы к диагностике банкротства, например, особый интерес представляет модель Альтмана, которая характеризуется простотой и удобством в расчетах. Для расчетов аналитикам нужно воспользоваться данными бухгалтерского баланса и отчета о прибылях и убытках субъекта хозяйствования, подставив данные отчетности, определив коэффициенты, аналитики могут получить результирующий коэффициент, который и определит вероятность банкротства организации.

Модель Альтмана основана на расчете коэффициента «Z-счета»:

$$Z = 3,3 K_1 + 1,0 K_2 + 0,6 K_3 + 1,4 K_4 + 1,2 K_5, \quad (1)$$

где K_1 = (прибыль до выплаты процентов, налогов): (всего активов):

K_2 = (выручка от реализации): (всего активов);

K_3 = (собственный капитал): (привлеченный капитал);

K_4 = (реинвестированная прибыль): (всего активов);

K_5 = (собственные оборотные средства): (всего активов).

Сами по себе коэффициенты (таблица 2) не имеют универсального значения и должны рассматриваться во взаимосвязи с конкретными обстоятельствами. Как показали специальные исследования, модель Альтмана позволяет в 90% случаев предсказать банкротство фирмы на год вперед и 80% на два года вперед.

В соответствии с Гражданским кодексом РБ, Законом РБ «Об экономической несостоятельности (банкротстве)», Декретом Президента РБ № 1 к несостоятельному предприятию могут быть применены следующие процедуры: реорганизация, ликвидация, мировое соглашение.

Учитывая многообразие показателей финансовой устойчивости, различие в уровне их критических оценок и возникающие в связи с этим сложности в оценке кредитоспособности организации и риска ее банкротства, многие отечественные и зарубежные экономисты рекомендуют производить интегральную оценку финансовой устойчивости на основе скорингового анализа (таблица 3). Для применения этой методики, группируются организации на классы по уровню платежеспособности.

Проведя скоринговый анализ, получили следующие показатели на основе данных отчетности организации за 2014–2015 гг.

а) рентабельность (убыточность) совокупного капитала, %:

$$ROA = \frac{\text{Прибыль до налогообложения}}{\text{Совокупный капитал}}, \quad (2)$$

$$ROA_{2014} = -9,44\%; ROA_{2015} = -13,86\%.$$

б) коэффициент текущей ликвидности [1]:

$$K_1 = \frac{\text{Краткосрочные активы}}{\text{Краткосрочные обязательства}} = \frac{\text{стр. 290}}{\text{стр. 690}}, \quad (3)$$

$$K_{\text{т.л. 2014}} = 0,58; K_{\text{т.л. 2015}} = 0,36.$$

в) коэффициент финансовой независимости (автономии):

$$K_{\text{авт.}} = \frac{\text{Собственный капитал}}{\text{Валюта баланса}} = \frac{\text{стр. 490}}{\text{стр. 700}}, \quad (4)$$

$$K_{\text{авт. 2014}} = 0,57; K_{\text{авт. 2015}} = 0,50.$$

На основе полученных результатов определим, к какому классу по уровню платежеспособности относится анализируемая организация (таблица 4).

По результатам исследования можно сделать вывод о том, что по степени финансового риска, исчисленной с помощью данной методики, анализируемая организация в 2014 г. относилась к четвертому классу и в 2015 г. тоже относится к четвертому классу. Это говорит о том, что организация имеет высокий и устойчивый риск банкротства даже после принятия мер по финансовому оздоровлению, кредиторы рискуют потерять свои средства и проценты.

Для сравнительной характеристики вероятности оценки риска банкротства проведена еще одна оценка риска вероятности банкротства с помощью модели Р. Таффлера [4]. Для чего рассчитаны следующие показатели:

$$X_1 = \frac{\text{Прибыль от реализации}}{\text{Краткосрочные обязательства}}, \quad (5)$$

$$X_{1\ 2014} = -0,34; X_{1\ 2015} = -0,36.$$

$$X_2 = \frac{\text{Краткосрочные активы}}{\text{Заемный капитал}}, \quad (6)$$

$$X_{2\ 2014} = 0,32; X_{2\ 2015} = 0,24.$$

$$X_3 = \frac{\text{Краткосрочные обязательства}}{\text{Сумма активов}}, \quad (7)$$

$$X_{3\ 2014} = 0,24; X_{3\ 2015} = 0,33.$$

$$X_4 = \frac{\text{Выручка от реализации}}{\text{Сумма активов}}, \quad (8)$$

$$X_{4\ 2014} = 1,76; X_{4\ 2015} = 2,01.$$

Построим четырехфакторную модель Р. Таффлера:

$$Z_{2014} = 0,53 \times (-0,34) + 0,13 \times 0,32 + 0,18 \times 0,24 + 0,16 \times 1,76 = 0,1862;$$

$$Z_{2015} = 0,53 \times (-0,36) + 0,13 \times 0,24 + 0,18 \times 0,33 + 0,16 \times 2,01 = 0,22.$$

В 2014 г. уровень $Z > 0,2$, следовательно, вероятность банкротства организации низкая.

В 2015 г. $Z = 0,22$, что говорит о средней вероятности банкротства организации.

В результате анализа с использованием зарубежных моделей можно сделать вывод о том, что организация финансово неустойчива и имеет высокую вероятность наступления банкротства.

В процессе исследования замечено, что использование таких моделей требует боль-

ших предосторожностей. Проведя оценку одной и той же организации, получаем различные результаты. Проведенные нами тестирования и оценка вероятности риска банкротства других организаций по данным моделям показали, что они не в полной мере подходят для субъектов хозяйствования Республики Беларусь из-за разной методики отражения инфляционных факторов и разной структуры капитала, а также из-за различий в законодательной и информационной базах.

Применив различные подходы, мы пришли к выводу, что более целесообразно провести анализ с использованием методик российских авторов, так как они более адаптированы к условиям наших субъектов хозяйствования [4]. Рассмотрим шестифакторную модель О.П. Зайцевой. Для этого рассчитаем ряд показателей:

– коэффициент убыточности предприятия:

$$K_{\text{уп}} = \frac{\text{Чистый убыток}}{\text{Собственный капитал}}, \quad (9)$$

$$K_{\text{уп}\ 2014} = -0,17; K_{\text{уп}\ 2015} = -0,28.$$

– коэффициент соотношения кредиторской и дебиторской задолженности:

$$K_3 = \frac{\text{Кредиторская задолженность}}{\text{Дебиторская задолженность}}, \quad (10)$$

$$K_{3\ 2014} = 2,62; K_{3\ 2015} = 4,62.$$

– коэффициент соотношения краткосрочных обязательств и наиболее ликвидных активов:

$$K_c = \frac{\text{Краткосрочные обязательства}}{\text{Ден. средства + Краткоср. - е финансовые вложения}}, \quad (11)$$

$$K_{c\ 2014} = 14,42; K_{c\ 2015} = 35,78.$$

– коэффициент убыточности продажи продукции:

$$K_{\text{уп}} = \frac{\text{Чистый убыток}}{\text{Выручка от реализации}}, \quad (12)$$

$$K_{\text{уп}\ 2014} = -0,054; K_{\text{уп}\ 2015} = -0,069.$$

– коэффициент соотношения заемного и собственного капиталов:

$$K_{\text{фр}} = \frac{\text{Заемный капитал}}{\text{Собственный капитал}}, \quad (13)$$

$$K_{\text{фр}\ 2014} = 0,76; K_{\text{фр}\ 2015} = 1,01.$$

– коэффициент загрузки активов:

$$K_{\text{заг}} = \frac{\text{Сумма активов}}{\text{Выручка от реализации}}, \quad (14)$$

$$K_{\text{заг}\ 2014} = 0,57; K_{\text{заг}\ 2015} = 0,50.$$

При построении комплексной модели О.П. Зайцевой получен результат:

$$K_{\text{КОПМЛ. 2014}} = 0,25 \cdot (-0,17) + 0,1 \cdot 2,62 + 0,2 \cdot 14,42 + 0,25 \cdot (-0,054) + 0,1 \cdot 0,76 + 0,1 \cdot 0,57 = 3,223;$$

$$K_{\text{КОПМЛ. 2015}} = 0,25 \cdot (-0,28) + 0,1 \cdot 4,62 + 0,2 \cdot 35,78 + 0,25 \cdot (-0,069) + 0,1 \cdot 1,01 + 0,1 \cdot 0,50 = 7,59.$$

В соответствии с методикой нормативное значение для 2014 года:

$$K_{n \text{ 2014}} = 1,86, \text{ а для } K_{n \text{ 2015}} = 1,78.$$

Исследовав состояние организации, можно сделать вывод, что в 2014 г. $K_{\text{КОПМЛ.}} > 1,86$, в 2015 г. еще выше $K_{\text{КОПМЛ.}} > 1,78$. Пришли к выводу, что вероятность банкротства высока. Проанализировав данные отчетности, эта ситуация обусловлена резким снижением уровня денежных средств организации за анализируемый период.

Заключение. По итогам диагностики вероятности риска банкротства в организации было установлено, что в 2015 г. организация имеет финансовые трудности и риск наступления банкротства очень велик. Стоит обратить внимание на то, что остро встает вопрос о поиске новых либо адаптации зарубежных методик для оценки вероятности банкротства отечественных организаций, так как модели, отвечающей экономическим условиям современной Беларуси, учитывающей специфику экономики страны, отрасли или отдельно взятой организации, пока не существует. Однако своевременная оценка вероятности банкротства организации в данных экономических условиях очень важна для успешного функционирования субъекта хозяйствования.

Проводя оценку вероятности риска банкротства, следует учитывать, что основными причинами банкротства могут быть: ошибочное определение стратегии организации или отсутствие концепции развития как таковой; несоответствие уровня квалификации управленческого и исполнительного персонала; отсутствие или слабый маркетинг; необоснованно завышенные издержки производства; высокая конкуренция; низкое качество продукции (услуг); форсмажорные обстоятельства; экономическая ситуация и др.

С помощью проведенной диагностики банкротства можно оценить деятельность организации – инвестиционную, производственную и финансовую. Неотъемлемой частью кредитного анализа заемщика является оценка вероятности банкротства, для составления которой имеется несколько предложенных выше моделей прогнозирования банкротства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Инструкция о порядке расчета коэффициентов платежеспособности и проведения анализа финансового состояния и платежеспособности субъектов хозяйствования: постановление М-ва финансов Респ. Беларусь, 27 дек. 2011 года, № 140/206 (с изм. и доп. по состоянию на 09.12.2013 г.) [Электронный ресурс] / Нац. реестр нормативно-правовых актов Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 18.08.2016.
2. Справка по делам об экономической несостоятельности (банкротстве), находящимся в производстве экономических судов в период с 01.09.2016 по 01.10.2016 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.court.by/online-help/bankr_inf/. – Дата доступа: 08.10.2016.
3. Риполь-Сараюси, Ф.Б. Основы финансового анализа и управленческого анализа / Ф.Б. Риполь-Сараюси. – М.: «Приор», 2000. – 360 с.
4. Экономический анализ: учебник для бакалавров / под ред. Н.В. Войтоловского, А.П. Калининой, И.И. Мазуровой. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во «Юрайт», 2014. – 548 с.

Поступила в редакцию 08.11.2016 г.

Психолого-педагогическое сопровождение и профилактика суицидального поведения подростков

Данилова Ж.Л., Панфиленко З.Н.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Данная статья освещает актуальные вопросы психолого-педагогического сопровождения и определения эффективности профилактических мероприятий, направленных на минимизирование факторов, способствующих развитию суицидального риска у подростков с акцентуациями характера. Цель исследования – определение эффективности психолого-педагогического сопровождения и профилактических мероприятий для подростков, склонных к суицидальному риску.

Материал и методы. Для определения эффективности психопрофилактической программы, направленной на минимизирование факторов, способствующих развитию суицидального риска у подростков с акцентуациями характера, нами было организовано исследование, которое проходило в ноябре 2014 – апреле 2015 года с участием 21 подростка в возрасте от 14 до 15 лет, учащихся 8 класса ГУО «Средняя школа № 8 г. Новополоцка».

Результаты и их обсуждение. Исследование заключалось в составлении и осуществлении психолого-педагогического сопровождения, направленного на профилактику суицидального поведения у подростков с акцентуациями характера. Составление программы психопрофилактики суицидального поведения у подростков с акцентуациями характера осуществлялось на основе данных диагностического обследования с учетом индивидуальных особенностей участников.

На основании контент-анализа и интервью мы выявили, что эффективность проведенных занятий с элементами тренинга достаточно высока, однако существует необходимость подбора более эффективных методов воздействия на область неудачного эмоционального опыта для подростков.

Заключение. Определена эффективность психолого-педагогического сопровождения и проведенных профилактических мероприятий для подростков, склонных к суицидальному риску. Комплексность в психолого-педагогическом сопровождении и профилактике показала значительно стойкий и конструктивный результат исследования.

Ключевые слова: суицидальное поведение, факторы риска, акцентуации характера, психолого-педагогическое сопровождение, профилактическая работа.

Psychology and Pedagogical Maintenance and Prevention of Suicide Behavior of Teenagers

Danilova Zh.L., Panfilenko Z.N.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

This article takes up topical issues of psychology and pedagogical maintenance and determination of efficiency of the preventive actions directed at minimization of factors, promoting development of suicide risk of teenagers with character accentuation. The research objective is determination of efficiency of psychology and pedagogical maintenance and preventive actions for the teenagers inclined to suicide risk.

Material and methods. For determination of the efficiency of the psycho preventive program directed at minimization of the factors promoting development of suicide risk of teenagers with nature accentuation we conducted a research which took place in November, 2014 – April, 2015 with the participation of 21 teenagers aged from 14 up to 15, eighth year pupils Educational Establishment "High school No. 8 of Novopolotsk".

Findings and their discussion. The research consisted in creation and implementation of psychology and pedagogical maintenance directed at prevention of suicide behavior of teenagers with nature accentuation. Creation of the program of psycho prevention of suicide behavior of teenagers with accentuation of nature was performed on the basis of this diagnostic inspection taking into account specific features of participants.

Based on the content analysis and an interview, efficiency of the given classes with elements of training is rather high, however there is a need of finding more effective methods of impact on the area of unsuccessful emotional experience for teenagers.

Conclusion. The conducted research allowed defining efficiency of psychology and pedagogical maintenance and the held preventive events for the teenagers inclined to suicide risk. Complexity in psychology and pedagogical maintenance and prevention defined considerably resistant and real result of the research.

Key words: suicide behavior, risk factors, character accentuation, psychology and pedagogical maintenance, prevention work.

Суицидальное поведение можно отнести к поведенческим нарушениям, а их проявление в подростковом возрасте часто связано с акцентуациями характера. Мы посчитали важным составление и проведение психопрофилактических ме-

роприятий, направленных на предотвращение суицидального поведения в будущем у подростков.

Цель исследования – определение эффективности психолого-педагогического сопровождения и профилактических мероприятий для подростков, склонных к суицидальному риску.

Материал и методы. Для определения эффективности психопрофилактической программы, направленной на минимизирование факторов, способствующих развитию суицидального риска у подростков с акцентуациями характера, нами было организовано исследование, которое проходило в ноябре 2014 – апреле 2015 года с участием 21 подростка в возрасте от 14 до 15 лет, учащихся 8 класса ГУО «Средняя школа № 8 г. Новополоцка». Исследование проводилось в несколько этапов:

1) Первичная обработка полученных диагностических данных и отбор участников профилактических мероприятий. Отбор осуществлялся на основе данных, полученных при помощи методики «Выявление суицидального риска у детей» (А.А. Кучер, В.П. Костюкевич). Участниками стали те подростки, у которых было определено наличие факторов, способствующих развитию суицидальных тенденций [1, с. 32].

2) Составление и осуществление психолого-педагогического сопровождения по профилактике суицидального поведения. Составление программы психопрофилактики суицидального поведения у подростков с акцентуациями характера осуществлялось на основе данных диагностического обследования с учетом индивидуальных особенностей участников и включило в себя: а) две групповые консультации для родителей участников, направленные на распознавание суицидального поведения подростков и правила воспитания акцентуированных личностей; б) одну групповую консультацию для педагогов, направленную на распознавание суицидального поведения подростков, правила взаимодействия и установления контакта с акцентуированными личностями; в) восемь занятий с элементами тренинга, направленных на нормализацию самооценки, формирование навыков принятия себя и своей индивидуальности, помощь в определении и использовании внешних и внутренних ресурсов, определение ценностей и правила постановки жизненных целей, осознание ценности здорового образа жизни; уменьшение интенсивности агрессивных и негативных поведенческих реакций; г) повторную диагностику участников психопрофилактических мероприятий.

Количественный и качественный анализ полученных результатов включал в себя: а) контент-анализ данных, полученных от специального упражнения; б) качественный анализ данных интервью; в) обработка данных с использованием методов математической статистики, а именно G-критерия знаков. Метод нашего исследования применим к результатам, полученным

при помощи методик «Выявление суицидального риска у детей» (А.А. Кучер, В.П. Костюкевич) и «Самооценка психических состояний личности» Г. Айзенка; г) качественный анализ данных, полученных при помощи методики «Исследование самооценки» (Дембо–Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан). По нашему мнению, результаты, полученные с помощью данной методики, нецелесообразно анализировать при помощи статистических методов, так как в случае с самооценкой изменения динамически наблюдались одновременно в обе стороны, то есть для одних сфер – повышались и для других сфер – понижались. Однако статистические методы, такие как T-критерий Уилкоксона и G-критерий знаков не в состоянии учесть подобные факторы, что делает их неэффективными в этой области, так как противоположная направленность в изменениях определяется ими как случайная.

Результаты и их обсуждение. Второй этап исследования заключался в составлении и осуществлении психолого-педагогического сопровождения, направленного на профилактику суицидального поведения у подростков с акцентуациями характера. Эти мероприятия разрабатывались на основании анализа данных, приведенных выше.

Первым психопрофилактическим мероприятием стало групповое консультирование родителей, дети которых составили целевую группу профилактики суицидального поведения. Тема данной консультации: «Суицидальное поведение и акцентуации характера в подростковом возрасте». Целью консультации стало стимулирование у родителей чувства ответственности и долга за проявления поведенческих реакций их детей. В ходе консультации родители знакомились с результатами диагностики. Им была дана информация о видах, причинах и динамике суицидального поведения, об основных формах неправильного воспитания, способствующих усилению или развитию акцентуаций характера. Также им давались общие и частные рекомендации о правилах поведения с подростками, демонстрирующими суицидальную направленность, и правилах воспитания акцентуированного подростка. Кроме того, им были разъяснены причины, цели и меры профилактической программы и предложено дать письменное согласие на участие подростка в профилактических мероприятиях. В результате согласие было получено от 7 из 10 родителей.

Далее были проведены еще две групповые консультации для педагогов, работающих с целевой группой подростков. Консультации имели следующие темы: «Что такое суицидальное пове-

дение, почему оно возникает и как его предотвратить» с целью научить педагогов замечать и различать суицидальное поведение подростков; «Что такое акцентуации характера и как правильно взаимодействовать с акцентуированным подростком» с целью научить педагогов конструктивному взаимодействию с акцентуированными подростками, которое будет способствовать гармоничному развитию последних [2].

В ходе консультаций педагоги информировались о видах, причинах и динамике суицидального поведения и о типах акцентуаций характера, способствующих суицидальной направленности поведения. Давались общие рекомендации о правилах поведения с подростками, демонстрирующими суицидальную направленность, и о правилах взаимодействия с акцентуированными подростками. Кроме того, разъяснялись причины, цели и меры профилактической программы, а также обоснованность и обязательность участия педагогов при проведении профилактических мероприятий.

Данные консультации, по нашему мнению, будут способствовать не только повышению компетенции в указанных областях педагогов и родителей подростков, но и стимулируют у них чувство ответственности за свои действия во время взаимодействия с подростками. А это будет благоприятствовать выполнению полученных рекомендаций и в свою очередь повысит эффективность профилактических мероприятий. Так, например, если родители и педагоги гипертимного подростка будут знать о том, что условия строгой дисциплины будут усиливать у него реакцию эмансипации, в связи с чем он может попасть в асоциальную среду со всеми вытекающими последствиями (и в том числе суицидальная активность). Они будут стараться придерживаться рекомендации о предоставлении разумной самостоятельности подростку, что будет положительно сказываться на поведении и уменьшать в нем риск суицидальной направленности. Помимо консультативных мероприятий в профилактическую программу был включен цикл из 8 занятий с элементами тренинга под названием «Я живу», целями которого стали содействие гармонизации черт характера и формирование положительного отношения к жизни.

Для достижения поставленных целей были выделены следующие задачи: 1) формирование адекватной самооценки; 2) отработка навыков принятия себя и своей индивидуальности; 3) помощь в выявлении и использовании внешних и внутренних ресурсов; 4) осознание ценностей и определение жизненных целей; 5) понимание

ценности здорового образа жизни; 6) содействие уменьшению интенсивности агрессивных и негативных поведенческих реакций.

Кроме общих целей и задач каждое из 8 занятий с элементами тренинга имело частные цели и задачи. Подборка упражнений осуществлялась на основании данных, полученных при помощи диагностического исследования и наблюдения. В ходе выполнения данных мероприятий упражнения могли модифицироваться и заменяться в соответствии с потребностями и способностями группы. Таким образом, мы считаем, что можем контролировать продуктивность мероприятий, учитывая при этом особенности каждого члена группы и группы в целом на протяжении всего цикла занятий.

При подборке упражнений основной упор был сделан на упражнения, способствующие осознанию ответственности за свое здоровье и пагубного влияния вредных привычек; формирование ценности здорового образа жизни; упражнения, направленные на сплоченность и принятие себя и окружающих людей; упражнения, направленные на осознание жизненных ценностей и тренирующие конструктивность в постановке целей. Обоснованностью этого считаем полученные результаты при помощи методики «Выявление суицидального риска у детей» (А.А. Кучер, В.П. Костюкевич), которые показали, что наиболее распространенными причинами, создающими суицидальные риски, являются алкоголь, наркотики, проблема выбора жизненного пути, потеря смысла жизни и отношения с окружающими. На такие факторы, как несчастная любовь и семейные неурядицы, воздействие оказывалось при помощи упражнений, направленных на расширение внешних и внутренних ресурсов, а также данные темы по возможности включались в проведение и обсуждение других упражнений [1, с. 32].

Упражнения, направленные на обучение выражению агрессивных импульсов при помощи безопасных методов, обучение самостоятельно снятию напряжения и расслаблению, обучение поиску положительных сторон в негативных ситуациях, обучение новым, конструктивным формам поведения, были включены в занятия с целью снижения выраженности таких психических состояний, как агрессия, фрустрация, ригидность и тревожность. Следует отметить, что упражнениям подобного рода уделялось меньшее количество времени, чем описанным выше, так как их выраженность среди целевой группы в подавляющем большинстве находится на среднем уровне. Однако те участники, которые демонстрировали высокий уровень данных состояний, более

активно вовлекались в упражнения подобного рода. Работая в области нормализации самооценки и принятия собственной индивидуальности, упражнения, способствующие достижению данной цели, проводились в самом начале цикла, а далее участникам демонстрировалась важность правильного оценивания своей личности с вынесением рекомендаций на протяжении всех занятий. Таким же образом осуществлялось воздействие на осознание важности негативного опыта и поиска положительных сторон жизни [3].

Профилактические мероприятия в виде занятий с элементами тренинга осуществлялись с применением следующих методов: арт-терапия; сказкотерапия; игровая терапия; методы, направленные на развитие социальной перцепции; дискуссия; мозговой штурм. Позиция тренера-исследователя чередовалась от директивной к недирективной. Так, например, правила группы определял сам тренер и напоминал участникам о их соблюдении, в то же время право принимать или не принимать участие в упражнении оставалось за участниками. Также для достижения более быстрого результата в некоторых случаях участники делились на пары или наделялись какими-либо ролями по усмотрению тренера, в других могли сами выбирать себе партнера для упражнения. Кроме того, допускалось проведение упражнений на основании интересов и просьб участников тренинга, не включенных изначально в план занятий. Однако спонтанные упражнения не заменяли плановых, а включались как дополнительные, продлевая время занятия с согласия участников [3].

Для получения информации об эффективности занятий с элементами тренинга использовались методы контент-анализа и интервью об удовлетворенности участников работой. Контент-анализ проводился на основе данных, собранных посредством упражнения «Чемодан в дорогу» на последнем занятии. Инструкция данного упражнения подразумевала написание участниками группы того, что они узнали, чему научились на занятиях и что из приобретенных знаний уже используют. Результаты, полученные при помощи данного упражнения, представлены в таблице.

Индивидуальные единицы счета – упоминание наиболее актуальной темы участниками по результатам первого диагностического исследования. **Единицы счета** – общее количество встречающихся тем. **Единицы счета (%)** – процент от общего числа участников. Анализ полученных данных показал, что все области, на которые оказывалось воздействие, были выделены участниками тренинга прямо либо косвенно, свидетельствуя о том, что цели каждого из занятий достигались. Кроме того, каждый из участников выделял те темы, которые были наиболее актуальны для него по результатам первого диагностического исследования, свидетельствуя, что концентрация внимания на особенностях каждого участника распределялась верно и не препятствовала достижению основной цели. Однако один из участников, выделив актуальные для него темы смысла жизни и отношений с окружающими, не назвал тему любви, причиной чего, по нашему мнению, является его отсутствие на двух тренинговых за-

Таблица – Результативность занятий с элементами тренинга

Единицы контент-анализа	Единицы анализа	Индивидуальные единицы счета	Единицы счета	Единицы счета (%)
Факторы суицидального риска	Алкоголь и наркотики	2 из 2	13	100%
	Потеря смысла жизни, проблема выбора жизненного пути	4 из 4	38	100%
	Отношения с окружающими	4 из 4	29	100%
	Несчастливая любовь	1 из 2	5	57%
Особенности психических состояний	Агрессия	1 из 1	6	85,7%
	Фрустрация	–	12	85,7%
	Тревожность	–	10	100%
	Ригидность	–	6	85,7%
Самооценка	Повышение	1 из 1	2	14%
	Понижение	3 из 4	6	71,5%
Итого	Выделение тех или иных тем	7 из 7	10 из 10	100%

нениях, где активно прорабатывалась тема. Но, помимо этого, данная область не была выделена еще двумя участниками группы. Другой из участников назвал актуальные для него темы зависимости, агрессии и любви, никак не отметил изменения самооценки в сторону снижения, хотя и не пропустил ни одного занятия. В связи с этим следует подчеркнуть, что данный участник демонстрировал сопротивление в отношении упражнений, направленных на нормализацию самооценки: отказывался от участия в упражнениях; жаловался, что они слишком сложные и неинтересные; провоцировал конфликтные ситуации; принимал закрытые позы. Наиболее эффективной оказалась работа, связанная с проблемами употребления алкоголя, наркотиков, отношений с окружающими, выбора жизненного пути и потери смысла жизни. Данное утверждение подкрепляется тем, что каждый из участников выделил данные области как прямо, так и косвенно в независимости от индивидуальной актуальности. Часто отмечались темы смысла жизни и выбора жизненного пути, за ней – отношений с окружающими, а далее – зависимости [4].

По нашему мнению, такие показатели являются результатом того, что на данные области делался основной упор, так как, во-первых, это наиболее распространенные факторы развития суицидального риска в целевой группе, а во-вторых, мы считаем, что данные факторы способны легко возникать в подростковом возрасте. Так, ощущения бессмысленности существования и отсутствие целей свидетельствуют о переживании кризисного периода в жизни личности, каким и является подростковый возраст. Кроме того, подобные ощущения могут спровоцировать возникновение суицидальных мыслей и подтолкнуть подростка к употреблению алкоголя и наркотиков, что уже само по себе является формой суицидальной активности. Говоря об области отношений с окружающими, отметим важность для этого возраста реакции группирования со сверстниками, неудовлетворенность в данной сфере может вызывать сильные эмоциональные реакции у подростков, крайней точкой которых может стать суицид. Именно поэтому подобным упражнениям уделялось особое внимание, что сказалось на высокой результативности занятий в данных областях. Область, связанную с тревожностью, также отметили все участники группы, однако только косвенные упоминания о ней не превышали двух повторений у одного участника. Учитывая, что в целевой группе не было участников с высоким уровнем тревожности и соответствующим упражнениям уделялось меньшее внимание, результа-

тивность занятий в данной области оказалась достаточно высокой [4].

Относительно тем ригидности, фрустрации и агрессии также можно отметить высокую результативность занятий, хотя выделялись данные темы не всеми участниками. Так, тема агрессии выделялась всегда прямо, но один из участников, выдержанный и спокойный по результатам первого диагностического исследования, вообще не отметил эту область, а другой с такими же результатами выделил одной из первых. По нашему предположению, это может свидетельствовать о том, что в первом случае область разрядки агрессии была не актуальна для участника и поэтому не дала никакого отражения, а во втором случае участнику очень нравилось рисовать (из наблюдений во время занятий), в то время как воздействие на агрессивное поведение осуществлялось посредством арт-терапии, что сделало данные упражнения для него интересными и запоминающимися. Кроме того, примечательно, что все участники отметили, что уже применяют в жизни те или иные знания. Также по окончании последнего занятия проводилось интервью, где каждому участнику предлагалось рассказать о своем отношении как к самим занятиям, так и к личности тренера.

Пятеро из семи участников (71,4%) ответили, что удовлетворены результатами проделанной работы, так как узнали многое, что для них стало полезным. Один из подростков не знает, удовлетворен он или нет, так как не чувствует в себе изменений, но занятия ему понравились. Однако один из участников остался не удовлетворен тем, что, по его мнению, психологу не удалось снизить у него уровень агрессии, в связи с этим предполагаем, что, имея психастенический тип акцентуации характера, данному подростку сложнее других брать на себя ответственность за собственную жизнь. И за время профилактических мероприятий изменить данное положение не удалось в силу того, что полноценной коррекции акцентуаций характера не осуществлялось. Говоря о личности тренера-исследователя, каждый из подростков (100%) высказался положительно, каждый подчеркнул «мудрость» тренера и «серьезное отношение» к участникам, также отмечались теплота, доброта, понимание и чувство юмора. Критику высказал только один из участников гипертимного типа, отметив, что ему хотелось бы получать во время занятий больше свободы и больше подвижных упражнений. Необходимо подчеркнуть, что в ходе проведения занятий позиции тренера сменялись с директивных на недирективные, и наоборот. А упражнения с директивной пози-

цией тренера могли оказаться дискомфортными для подростка с гипертимной акцентуацией характера.

Таким образом, отметим, что на основании контент-анализа и интервью эффективность проведенных занятий с элементами тренинга, в субъективном смысле, достаточно высока, однако в дальнейшем следует разработать более эффективные методы воздействия на область неудачного эмоционального опыта для подростков.

Заключение. В рамках психолого-педагогического сопровождения были осуществлены два диагностических исследования с вынесением частных рекомендаций («до» и «после» профилактических мероприятий), две групповые консультации для педагогов и одна групповая консультация для родителей. Данные консультации способствовали повышению уровня компетенции в областях суицидального поведения и акцентуаций характера педагогов и родителей подростков, стимулировали у них чувство ответственности за свои действия во время взаимодействия с подростками. Это значительно повышает эффективность профилактических мероприятий.

Среди потенциальных участников психолого-педагогического сопровождения находятся подростки с различными типами акцентуаций характера, каждая из которых, кроме одного типа,

имеет определенные риски суицидальной активности. Мы считаем целесообразным проводить психопрофилактику суицидального поведения у подростков с акцентуациями характера, основанную на минимизировании факторов, способствующих развитию суицидальных тенденций с использованием индивидуального подхода и привлечения родителей и педагогов подростков. Кроме того, к профилактическим мерам собственно суицидального поведения мы считаем разумным присоединить и коррекционные элементы, направленные на акцентуации характера. С нашей точки зрения, такая комплексность в психолого-педагогическом сопровождении и профилактике даст значительно стойкий и конструктивный результат.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кучер, А.А. Выявление суицидального риска у детей / А.А. Кучер, В.П. Костюкевич // Вестн. психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. – 2001. – № 3. – С. 32–39.
2. Личко, А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков / А.Е. Личко. – СПб.: Речь, 2013. – 256 с.
3. Макарычева, Г.И. Тренинг для подростков: профилактика ассоциального поведения / Г.И. Макарычева. – СПб.: Речь, 2007. – 192 с.
4. Панфиленко, З.Н. Факторы проявления суицидального поведения подростков с акцентуациями характера / З.Н. Панфиленко // Психологическая студия: сб. науч. ст. / под ред. С.Л. Богомаза, В.А. Каратерзи. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2015.

Поступила в редакцию 24.09.2016 г.

УДК 159.98:343.81

Переживание лишения свободы осужденными в воспитательной колонии и его влияние на их исправление

Адыгезалов А.Ф.

Управление Департамента исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь по Витебской области

Изучение переживания осужденными лишения свободы, в том числе осужденными, совершившими преступления в возрасте до восемнадцати лет и отбывающими наказания в воспитательных колониях, установление его влияния на исправление личности приобретает особую актуальность для совершенствования методики воспитательной и психокоррекционной работы, направленной на эффективное решение исправительной задачи.

Цель статьи – выявление типов, факторов и закономерностей протекания переживания лишения свободы у лиц, содержащихся в воспитательных колониях.

Материал и методы. Проведены опрос на основе методики личностного многофакторного опросника Р. Кеттелла и тест-опросника «LIFE STYLE INDEX»; интервью; контент-анализ высказываний несовершеннолетних осужденных; методы количественной обработки данных (факторный и корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена). Общее количество реципиентов, охваченных лангитюдным исследованием, составило 543 осужденных в возрасте от 14 лет до 21 года, отбывающих наказание в воспитательных колониях, то есть порядка 83% от общего количества несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях Республики Беларусь.

Результаты и их обсуждение. Выделены основные типы переживания наказания в виде лишения свободы, описаны их особенности и проявления среди несовершеннолетних осужденных в зависимости от строгости наказания их этапа и повторности отбытия. Установлены корреляции типов переживания наказания с базовыми личностными свойствами, связь типов переживания наказания с психологическими защитами и юридически значимым поведением, в качестве которого выступают социально-правовые представления, отношения, ожидания, определяющие приемлемость правомерных или противоправных способов решения жизненных задач.

Заключение. Результаты исследования могут быть использованы при усовершенствовании организации и методики воспитательной работы с осужденными и психологического обеспечения исправительного процесса в целях предупреждения пенитенциарной деформации личности и позитивного развития адаптационных способностей для правоуправляемого образа жизни.

Ключевые слова: наказание в виде лишения свободы, личностные нормы, социально-правовое поведение, исправление.

Rehabilitation Center Custodians' Feeling of Being Deprived of Freedom and its Impact on their Rehabilitation

Adygezalov A.F.

Vitebsk Region Branch of the Republic of Belarus Department of Punishment Execution

Studying the custodians' feeling of being deprived of freedom, including those who committed crimes when under 18 years old and are at the rehabilitation center as well as its impact on the personality rehabilitation is urgent in improvement of the methods of rehabilitation and psycho correction work, which is aimed at efficient solving the issue of rehabilitation.

The purpose of the article is finding out types, factors and laws of feeling of being deprived of freedom by custodians at rehabilitation centers.

Material and methods. We conducted a questionnaire on the basis of the methods of personality multi factor questionnaire by R. Cettell and a «LIFE STYLE INDEX» test, an interview, content analysis of underage custodians' utterances, quantitative data processing methods (factor and correlation analysis with the application of Spearman range correlation coefficient). The recipient total number under longitude study was 543 14 to 21 year old custodians at rehabilitation centers or 83% of the total number of underage custodians at rehabilitation centers of the Republic of Belarus.

Findings and their discussion. Basic types of feeling punishment in the form of deprivation of freedom are singled out; their features and manifestations are described depending on the severity of punishment, its stage and recidivism. Correlations of feeling punishment types and basic personality features are established (according to the 16 factors, scales, primary features of the personality according to R.b. Cettel). Connection of punishment feeling types with psychological protection types is found out. Conditioned connection of feeling types and legally significant behavior is established, which are social and legal ideas, relations, expectations which determine continuity of lawful and criminal ways of solving life problems.

Conclusion. The research findings can be used in improving the organization and methods of education work with custodians and psychological provision of the rehabilitation process to prevent penitentiary deformation of the personality as well as positive development of adaptation abilities for lawful way of life

Key words: detention in the form of freedom deprivation, personality norms, social and legal behavior, rehabilitation.

В ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь определено, что одной из основных целей уголовной ответственности является исправление осужденного. Однако наказание в виде лишения свободы оказывает как положительное, так и отрицательное воздействие на осужденных. Такое двойственное влияние обусловлено противоречивым характером самого наказания, о котором юристы пишут, что, с одной стороны, оно полезно и необходимо, т.к. защищает общество от преступных посягательств, а с другой – исключает осужденных из нормальной жизни, разрушает их положительные социальные связи. А.Л. Ременсон говорил о лишении свободы как об особом конфликтном отношении, для разрешения которого «общество вынуждено пожертвовать одной из противоречивых сторон...».

Лишение свободы выступает самым строгим уголовным наказанием в отношении несовершеннолетних и применяется к наиболее криминогенно запущенным подросткам, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления, а также при их рецидиве. Основной целью исполнения лишения

свободы, как и других видов наказания, является исправление осужденного, формирование у него готовности вести правопослушный образ жизни после освобождения. Решение этой задачи имеет существенные трудности и ограничения, которые связаны как с карательной функцией самого наказания и ограничением возможностей полноценного включения несовершеннолетних осужденных в процесс социального саморазвития, так и с тем, что лишение свободы переживается осужденными по-разному и приводит к различным личностным изменениям.

Проблема переживания лишения свободы осужденными в воспитательной колонии (далее ВК) и его влияние на их исправление является важнейшей научной и практической проблемой. Изучение такого влияния неразрывно связано с анализом переживания наказания как сложного многоаспектного психического процесса, приводящего к формированию у несовершеннолетних осужденных психических новообразований (изменение ранее сложившихся личностных черт (свойств) и появление новых, значимых для их последующей социальной реинтеграции после осво-

бождения). До настоящего времени в психологической науке не сложилось общепринятого определения категории «переживание», комплексного и конкретного представления о механизмах переживания, его влиянии на изменение личностной структуры, в том числе личности несовершеннолетних осужденных.

Проблема изучения переживания лишения свободы осужденными в воспитательной колонии и его влияния на их исправление носит социально определенный конкретный характер и приобретает особую актуальность в аспекте совершенствования методики и организации психокоррекционной и профилактической работы, достижения эффективного психологического обеспечения исправительного процесса в условиях воспитательной колонии.

Цель статьи – выявление типов, факторов и закономерностей протекания переживания лишения свободы у лиц, содержащихся в воспитательных колониях.

Материал и методы. Изучение переживания лишения свободы осужденными в воспитательной колонии и его влияние на их исправление осуществлялось с позиции системного подхода. Основанием явилось то, что процесс возникновения, содержания и протекания переживания лишения свободы у осужденных в воспитательной колонии обусловлен как внешними условиями (условия воспитательной колонии, правила внутреннего распорядка исправительного учреждения) и факторами (назначенный срок, этап и повторность отбытия наказания), так и внутренними (индивидуально-психологические свойства личности, обуславливающие характер протекания переживания лишения свободы, сопровождающие их психологические защиты, специфика восприятия социального времени в условиях лишения свободы, социально-правовая позиция личности). Исходя из концепции исследование осуществлялось с применением интервью, разработанного в процессе проведения диссертационного исследования, а также личностного 16-факторного опросника Р. Кеттелла и тест-опросника по выявлению психологических механизмов защиты «LIFE STYLE INDEX» («Индекс жизненного стиля»), разработанного Р. Плутчиком в соавторстве с Г. Келлерманом и Х. Конте. Интерпретация данных, полученных в ходе интервью, осуществлялась путем контент-анализа (выделение смысловых единиц для анализа содержания и формы информации, оценки специфики ответов респондентов).

Результаты и их обсуждение. Полученные в ходе эмпирического исследования результаты были подвергнуты количественному, качественному, факторному и корреляционному анализу.

Основываясь на методиках, используемых в экспериментальной психологии, и идее о роли системного комплекса «переживание-рефлексия» [1], был проведен факторный анализ полученных данных. Он позволил выявить четыре обобщенных фактора (типа) взаимосвязанных между собой переживаний наказания у несовершеннолетних осужденных в условиях воспитательной колонии, которые объясняют 60,2% общей дисперсии выборки. Каждая группа факторов получила свое название в зависимости от входящих в нее шкал.

В первом факторе типа переживания, обозначенного как «тревога–раскаяние», наибольшую нагрузку несут: переживание осужденным тревоги в связи с возможностью возникновения плохих событий ($r = 0,795$); опасение в связи с вероятной угрозой в настоящее время своему здоровью ($r = 0,795$); чувство вины из-за того, что неправильно жил до осуждения ($r = 0,782$); стыд в связи с тем, что в прошлом жил не по законам общества ($r = 0,744$); вина перед другими людьми за то, что заставил их страдать ($r = 0,739$); тревога за родителей в связи с болезнью ($r = 0,701$); вина перед родителями за то, что причинил им страдания ($r = 0,546$); стыд за то, что поступил неправильно и несправедливо по отношению к другим людям ($r = 0,528$). Даная группа переживаний с общим весом факторных нагрузок $r = 16,774$ является доминирующей у респондентов.

Второй фактор связан с переживанием, обозначенным как «облегчение–интерес», и включает в себя следующие показатели: переживание облегчения по причине избегания более строгого наказания ($r = 0,938$) и в связи с благоприятным устройством в воспитательной колонии ($r = 0,938$); возникновение интереса к происходящим вокруг событиям ($r = 0,938$); обида на жизнь и условия, которые были созданы родителями, из-за которых он и совершил преступление ($r = 0,938$); чувство стыда перед криминальным сообществом за то, что его изобличили в преступлении ($r = 0,536$). Данный фактор, имеющий общий вес факторных нагрузок $r = 16,105$, также значим в переживаниях несовершеннолетних осужденных.

Третий фактор, связанный с переживанием, обозначенный как «тоска–злоба–обреченность», включает следующие шкалы: переживание тоски в связи с невозможностью самостоятельно распоряжаться своей судьбой, обязанностью следовать установленным в ВК правилам ($r = 0,828$); желание мести по отношению к лицам, повинным в вынесенном приговоре ($r = 0,808$); опасение в связи с конфликтными отношениями с сотрудниками ВК ($r = 0,734$); тревога в связи с тем, что не знает, что ему дальше делать и как жить ($r = 0,708$); злость на

органы правопорядка и их представителей (следователя, прокурора, судей), которые осудили его несправедливо ($r = 0,621$); переживание стыда перед криминальным сообществом за то, что его изблещили ($r = 0,580$). Общий вес факторных нагрузок данного фактора составляет $r = 13,849$.

Четвертый фактор, обозначенный как «отчужденность–злоба», имеет общий вес факторной нагрузки $r = 13,509$ и включает следующие шкалы: переживание отчужденности, проявляющееся в виде ощущения пустоты, изоляции и скуки ($r = 0,773$); тоска в связи с невозможностью общения с родными и близкими ($r = 0,739$); злость на своих друзей (подельников) за то, что они его предали ($r = 0,628$); злость на людей (потерпевших) за назначенный срок наказания и обида за то, что по отношению к нему они поступили несправедливо ($r = 0,540$); тревога в связи с возможностью возникновения конфликтных отношений с сотрудниками ВК ($r = 0,595$).

Изучение зависимости проявления выявленных типов переживания от строгости (длительности) наказания, периода его отбытия и повторности осуждения показало, что у несовершеннолетних осужденных, впервые отбывающих лишение свободы, на адапционном этапе преобладает исправительно полезное переживание «тревога–раскаяние»: это характерно для 55% лиц с малым, 72% – со средним, 69% – с большим сроком назначенного наказания. Определенной части осужденных с малым сроком наказания (23%) на адапционном этапе присуще переживание «облегчение–интерес». На последующих этапах проявление переживания «тревога–раскаяние» уменьшается: после отбытия половины срока его испытывают 13% осужденных с малым, 34% – со средним и 46% – с большим сроком наказания. Одновременно в процессе отбытия наказания у категории впервые осужденных лиц возникает другое деформирующее переживание «тоска–злоба–обреченность». Если на первом и втором этапах отбытия наказания этой категорией осужденных с малым сроком наказания данный тип переживания характерен для 21% и 28% респондентов соответственно, то после отбытия половины назначенного наказания – уже для 76% респондентов. Данная динамика прослеживается и в других группах респондентов этой категории осужденных: со средним сроком назначенного наказания подобное переживание испытывали соответственно выделенным периодам отбытия наказания 13%, 34% и 66% респондентов; с большим сроком наказания – 11%, 17% и 45% соответственно. У некоторой части впервые осужденных (7–20%) на разные сроки наказания после адапционного периода возникает переживание «отчуждение–озлобленность».

Сравнительный анализ полученных результатов, свидетельствующих о характере протекания переживания лишения свободы, выявил, что категория лиц с малым сроком, ранее отбывавших наказание, в большей мере подвержена деформирующим переживаниям: на адапционном этапе «тоска–злоба–обреченность» характерна для 49% респондентов, на последующих этапах увеличивается число лиц, испытывающих переживание «отчужденность–злоба» – после отбытия половины срока его испытывают 92% осужденных. У данной категории осужденных минимально проявляется исправительно полезное переживание «тревога–раскаяние»: его испытывают лишь 12% в адапционный период и 2% – после отбытия половины срока наказания. Иная динамика характерна для лиц, ранее отбывавших наказание, которым назначены средние и большие сроки. Переживание «тревога–раскаяние» на всех этапах отбывания наказания испытывают в среднем 47% осужденных со средним сроком наказания и 69% – с большим сроком, причем в преобладающем большинстве (93%) его испытывают осужденные с большим сроком наказания после отбытия его половины. Однако около трети осужденных со средним сроком наказания на всех этапах испытывают деформирующее переживание «отчуждение–злоба», а во второй половине этого срока увеличивается и доля лиц, испытывающих «тоску–злобу–обреченность», – в общей сложности этими двумя типами деформирующих переживаний охвачены после отбытия половины среднего срока наказания 58% осужденных.

Результаты проведенного корреляционного анализа позволили сделать вывод, что каждый из основных типов переживания наказания связан с более высокой выраженностью определенных базовых психологических свойств личности осужденного, которые выступают внутренней предпосылкой возникновения данного типа переживания и сопровождаются проявлением определенных психологических защит:

- переживание «тревога–раскаяние» связано с относительно более высокими показателями проявления ответственности (чувства долга) ($r = 0,47, p \leq 0,01$), отзывчивости ($r = 0,64, p \leq 0,01$), чувствительности, тревожности ($r = 0,58, p \leq 0,01$), озабоченности ($r = 0,42, p \leq 0,01$), реалистичной самооценки ($r = -0,55, p \leq 0,01$), неустойчивости в поведении ($r = -0,67, p \leq 0,01$) и сочетается с психологическими защитами вытеснения ($r = 0,43, p \leq 0,01$), рационализации ($r = 0,40, p \leq 0,01$) и замещения ($r = 0,42, p \leq 0,01$);

- переживание «интерес–облегчение» характерно для осужденных, проявляющих такие свойства, как недобросовестность, эгоистичность,

низкий моральный контроль, презрительное отношение к моральным ценностям ($r = 0,45, p \leq 0,01$), и также связано с психологической защитой отрицания ($r = 0,42, p \leq 0,01$);

– переживание «тоска–злоба–обреченность» присуще осужденным, для которых характерны эгоистичность, грубость, прямолинейность ($r = -0,47, p \leq 0,01$), недобросовестность, игнорирование общепризнанных моральных норм ($r = 0,54, p \leq 0,01$), и сопровождается психологическими защитами в виде проекции ($r = 0,56, p \leq 0,01$) и компенсации ($r = 0,40, p \leq 0,01$);

– переживание «отчужденность–злоба» связано с более высоким проявлением таких свойств, как неуверенность в себе, склонность к самоупрекам, озабоченность и подавленность настроения, тревожность и склонность к негативным предчувствиям, а также заниженная самооценка ($r = 0,40, p \leq 0,01$). Характерными для него психологическими защитами являются регрессия ($r = 0,53, p \leq 0,01$) и рационализация ($r = -0,45, p \leq 0,01$).

Анализ и интерпретация статистических данных позволили выявить, что тип переживания «тревога–раскаяние» очень значим и умеренно положительно коррелирует с таким отношением респондентов к явлениям социально-правового характера и субъектам юридически значимого поведения, как четко сформированный образ законопослушного человека ($r = 0,67, p \leq 0,01$), необходимость правомерных способов удовлетворения своих потребностей ($r = 0,47, p \leq 0,01$), положительные планы на будущее ($r = 0,58, p \leq 0,01$). Это дает основание сделать вывод, что тип переживания «тревога–раскаяние» способствует формированию непринятия преступного способа удовлетворения потребностей, «антикриминальной устойчивости личности» в соответствующей сфере социального поведения и содействует формированию четких положительных планов на будущее.

Была выявлена положительная очень значимая умеренная связь типа переживания «облегчение–интерес» со слабо ($r = 0,54, p \leq 0,01$) и отрицательно ($r = 0,48, p \leq 0,01$) сформированным образом законопослушного человека, а также с индифферентными смыслообразующими представлениями о преступном или правомерном способе удовлетворения потребностей ($r = 0,59, p \leq 0,01$), отсутствием ($r = 0,51, p \leq 0,01$) и наличием отрицательных ($r = 0,69, p \leq 0,01$) планов на будущее. На основании выявленных корреляционных связей был сделан вывод, что тип переживания «облегчение–интерес» способствует формированию психологической ситуации, при которой субъект не имеет устойчиво сформировавшихся социально-правовых представлений.

Анализ и интерпретация интеркорреляционной матрицы позволили выявить положительную очень значимую умеренную корреляцию типа переживания «тоска–злоба–обреченность» с негативной характеристикой образа законопослушного человека ($r = 0,61, p \leq 0,01$), представлениями о допустимости преступного способа удовлетворения потребностей ($r = 0,43, p \leq 0,01$), отрицательными планами на будущее ($r = 0,47, p \leq 0,01$). Это свидетельствует о том, что данный тип переживания способствует принятию преступной цели и реализуется в детерминации противоправных действий для удовлетворения своих потребностей в допустимости причинения при этом вреда охраняемой ценности.

При анализе типа переживания «отчужденность–злоба» были выявлены положительные очень значимые умеренные корреляционные связи, которые свидетельствуют о несформированности у данной категории несовершеннолетних осужденных планов на будущее ($r = 0,57, p \leq 0,01$), присутствию как детального положительного ($r = 0,53, p \leq 0,01$), так и нечеткого ($r = 0,54, p \leq 0,01$) образа законопослушного человека, индифферентных смыслообразующих представлениях о возможности преступного или правомерного способа удовлетворения своих потребностей ($r = 0,44, p \leq 0,01$). Исходя из этого сделан вывод о наличии влияния типа переживания «отчужденность–злоба» на возникновение в сознании несовершеннолетних осужденных ситуации «двойственной адаптации» [2], которая проявляет внутреннюю возможность применения индивидом как противозаконных, так и правомерных способов решения жизненных задач.

Заключение. Использование в практических подразделениях влияния переживаний на социально-правовую адаптацию будет способствовать совершенствованию организации и методики исправительно-воспитательной (психокоррекционной и профилактической) работы, более эффективному психологическому обеспечению исправительного процесса в целях предупреждения пенитенциарной деформации личности несовершеннолетних осужденных в условиях воспитательной колонии и повышению их готовности к правомерному образу жизни после освобождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фахрутдинова, Л.Р. Мышление и переживание субъекта (взаимоотношения между уровнем интеллекта, особенностями креативности и характера переживания) / Л.Р. Фахрутдинова // Мир психологии. – 2009. – № 2. – С. 93–107.
2. Пастушеня, А.Н. Криминогенная сущность личности преступника: методология познания и психологическая концепция / А.Н. Пастушеня; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 1998. – 207 с.

Поступила в редакцию 16.05.2016 г.

Содержательные и структурно-динамические конструкторы произвольной памяти у старших дошкольников

Богомаз С.Л., Скрипачева Е.И.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Статья посвящена проблеме развития произвольной памяти. Рассматриваются содержательные и структурно-динамические конструкторы произвольной памяти с целью определения их влияния на произвольность запоминания у старших дошкольников.

Цель статьи – определение содержательных и структурно-динамических конструкторов произвольной памяти у старших дошкольников.

Материал и методы. Исследование проводилось на базе ГУО «Детский сад № 81 г. Витебска». При работе использовались следующие методики: «Цепочка действий», «Запомни рисунок», «Да и Нет», «Изучение уровня развития произвольной образной памяти». Статистическая обработка данных осуществлялась с применением критерия Манна–Уитни, корреляционного анализа по Пирсону.

Результаты и их обсуждение. Старшие дошкольники имеют достаточно высокие результаты самоконтроля и произвольного запоминания. Выявлен средний уровень произвольной образной памяти, т.е. старшие дошкольники принимают, усваивают мнемическую задачу, но не удерживают ее до конца выполнения задания. Но в то же время выявлен низкий уровень объема запоминания и произвольной памяти, свидетельствующий о том, что дошкольники нуждаются в развитии произвольной памяти.

Заключение. Переход к произвольной памяти не является одномоментным актом, а представляет собой сложный процесс. Память в детском возрасте – одна из основных, центральных, психических функций развития ребенка.

Ключевые слова: память, произвольная память, старший дошкольный возраст, содержательные конструкторы произвольной памяти, структурно-динамические конструкторы.

Substantial and Structural Dynamical Constructions of Preschool Children Arbitrary Memory

Bogomaz S.L., Skripacheva E.I.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

This article is devoted to arbitrary memory. We consider substantial and structural dynamical constructions of arbitrary memory to know, how they influence preschool children.

The aim of our research is to find out substantial and structural dynamical constructions of preschool children arbitrary memory.

Material and methods. The research was conducted at Kindergarten № 81 in Vitebsk. We used such methods as “the line of doing”, “remember the picture”, “yes or no”, study of the of arbitrary figurative memory. Statistic processing of the findings was conducted with the application of Mann-Whitney criterion and Pierson correlation analysis.

Findings and their discussion. Preschool children have rather high self-control and arbitrary memory results. Medium arbitrary figurative memory was found out, which means that preschool children accept and understand mnemonic tasks but they can't retain it. At the same time we found out low level of memorized volume and arbitrary memory which testifies to the fact that children are in need of the development of their arbitrary memory.

Conclusion. Transition to arbitrary memory is not immediate, it is a complex process. Children's memory is one of the basic, central psychic functions of their development.

Key words: memory, arbitrary memory, preschool age, substantial constructions of arbitrary memory, structural dynamical constructions.

Необходимым условием умственного развития ребенка является постоянное накопление и обогащение его чувственного опыта, который формируется в процессе восприятия и переработки внешней информации о реальной действительности. Сложные образования поступающей информации непосредственно связаны с процессами фиксации и актуализации в системе памяти. Изучением памяти занимались многие зарубежные психологи, такие как П. Жане, Г. Эббингауз, К. Левин, Дж. Уотсон,

Э. Толмен, А. Бине, К. Бюлер, З. Фрейд. В отечественной психологии преимущественное исследование связано с такими именами, как А.Н. Леонтьев, П.И. Зинченко, К.Д. Ушинский, Д.Б. Эльконин, Л.С. Выготский и П.П. Блонский.

Цель статьи состоит в определении содержательных и структурно-динамических конструкторов произвольной памяти у старших дошкольников.

Материал и методы. Исследовательская работа по изучению содержательных и структурно-динамических конструкторов произвольной памяти старших дошкольников проводилась на базе

ГУО «Детский сад № 81 г. Витебска». В нашем исследовании приняли участие дети старшего дошкольного возраста групп № 6 и 7. Возрастной состав испытуемых составил от 5 до 7 лет. Количество испытуемых – 39 детей, из них 23 мальчика и 16 девочек. Для проведения экспериментального исследования дети были разделены на две группы: экспериментальную и контрольную. В экспериментальную группу вошли старшие дошкольники из группы № 6, общее количество которых составило 19 детей. В контрольную группу были выбраны дети старшего дошкольного возраста из группы № 7, общее количество которых составило 20 детей.

На основании полученных в ходе обследования результатов был проведен анализ данных: описаны уровни сформированности содержательных и структурно-динамических конструктов произвольной памяти старших дошкольников, осуществлен сравнительный анализ результатов исследования экспериментальной и контрольной групп. В анализе данных констатирующего эксперимента были использованы статистические методы обработки данных: критерий Манна–Уитни, корреляционный анализ по Пирсону.

В эмпирическом исследовании применялись следующие методики:

1. Методика «Цепочка действий». Цель: диагностика самоконтроля и произвольного запоминания. Данная проба позволяет выявить способность ребенка к пониманию, принятию и удержанию задания, являющуюся одним из основных показателей готовности ребенка к систематическому обучению [1].

2. Методика «Запомни рисунок». Цель: определение объема кратковременной зрительной памяти [2].

3. Методика «Да и Нет». Цель: определение произвольности памяти [3].

4. Методика «Изучение уровня развития произвольной образной памяти». Цель: определение уровня развития, объема и особенностей произвольной зрительной образной памяти [4].

Результаты и их обсуждение. По методике «Цепочка действий» были получены следующие результаты: больше половины дошкольников

(57,9%) экспериментальной группы имеют средний уровень самоконтроля и произвольного запоминания, 36,8% испытуемых показали высокий уровень и только у одного ребенка (5,3%) выявлен очень высокий уровень самоконтроля и произвольного запоминания (таблица 1).

В контрольной группе также большая часть (60%) опрошенных дошкольников показала средний уровень самоконтроля и произвольного запоминания, а остальные 40% детей имеют высокий уровень.

Сравнительный анализ результатов по данной методике показал, что экспериментальная и контрольная группы имеют схожие результаты, но результаты экспериментальной группы немного выше (рисунок 1).

В ходе изучения объема памяти по методике «Запомни рисунок» были получены следующие результаты: старшие дошкольники из экспериментальной группы показали более низкие результаты, чем из контрольной группы по данной методике. Так, 68,4% и 31,6% испытуемых контрольной группы имеют низкий и очень низкий уровни объема памяти соответственно, а 100% опрошенных детей контрольной группы показали низкий уровень объема памяти (рисунок 2).

В ходе проведенной методики «Да и Нет» были получены следующие данные: так, высокий уровень произвольности памяти показали 10,5% опрошенных дошкольников, низкий уровень – 89,5% испытуемых экспериментальной группы (таблица 2).

Более высокие результаты выявлены у контрольной группы (рисунок 3).

Среди испытуемых контрольной группы у 30% детей обнаружен высокий уровень произвольности памяти, у 5% – средний уровень и у 65% – низкий уровень.

Высокий уровень развития произвольной образной памяти показали 26,3% испытуемых экспериментальной группы и 30% детей контрольной группы. Эти дошкольники принимают, усваивают и удерживают мнемическую задачу в течение всей деятельности; используют такой мнемический прием, как вербализация (открытая/внутренняя).

Таблица 1 – Результаты исследования уровня самоконтроля и произвольности запоминания

Балл	Уровень самоконтроля и произвольного запоминания	Экспериментальная группа		Контрольная группа	
		Кол-во	%	Кол-во	%
0–2	Очень низкий	0	0	0	0
3–4	Низкий	0	0	0	0
5–7	Средний	11	57,9	12	60
8–9	Высокий	7	36,8	8	40
10	Очень высокий	1	5,3	0	0

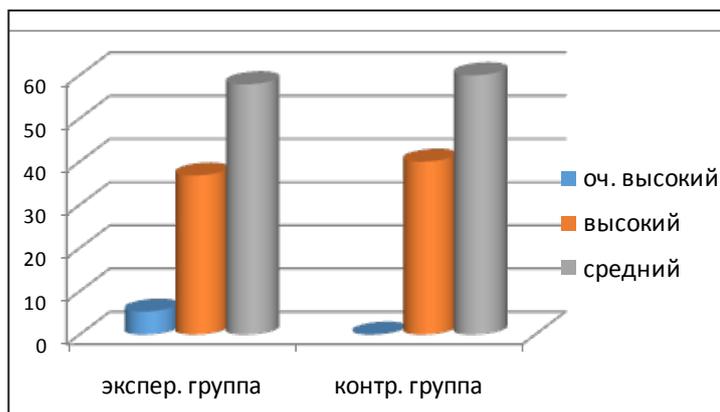

Рисунок 1 – Результаты исследования уровня самоконтроля и произвольности запоминания.

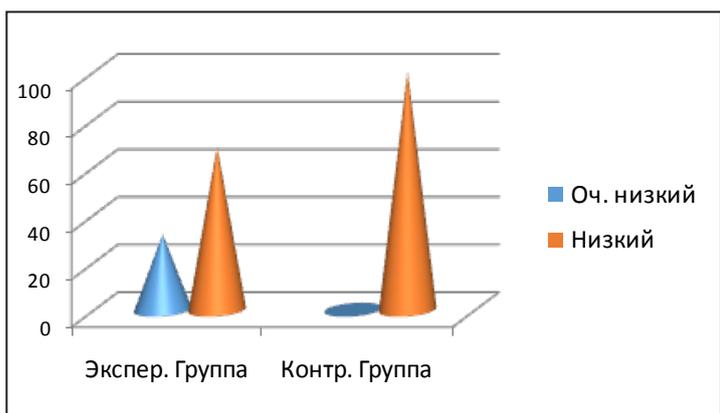

Рисунок 2 – Результаты исследования уровня объема памяти.

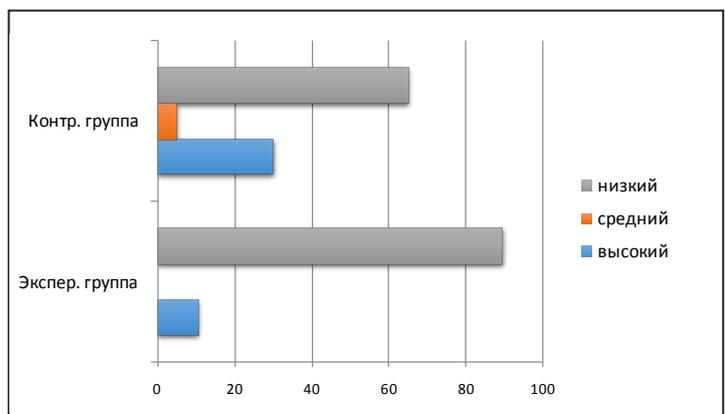

Рисунок 3 – Результаты исследования уровня произвольности памяти.

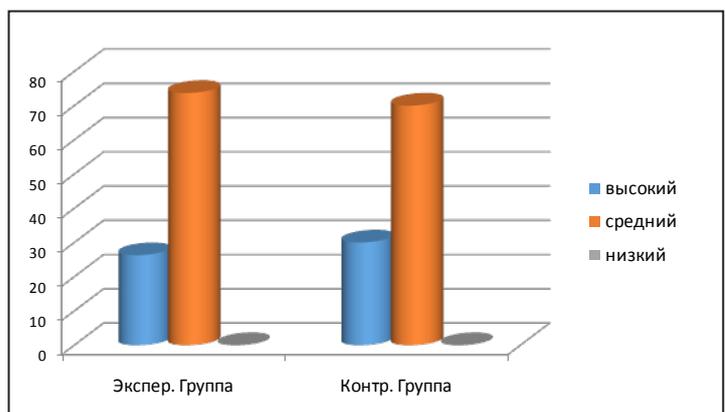

Рисунок 4 – Результаты изучения уровня развития произвольной образной памяти.

Таблица 2 – Результаты определения произвольности памяти

Балл	Уровень произвольности	Экспериментальная группа		Контрольная группа	
		Кол-во	%	Кол-во	%
0–2	Высокий	2	10,5	6	30
3–4	Средний	0	0	1	5
5 ≤	Низкий	17	89,5	13	65

Таблица 3 – Результаты корреляционного анализа по Пирсону

		Самоконтроль и произвольность запоминания	Объем произвольного запоминания	Произвольность памяти	Уровень развития произвольного запоминания
Самоконтроль и произвольность запоминания	Pearson Correlation	1	0,549	0,673	0,423
	Sig. (2-tailed)	0,000	0,000	0,000	0,007
	N	39	39	39	39
Объем произвольного запоминания	Pearson Correlation	0,549	1	0,614	0,463
	Sig. (2-tailed)	0,000	0,000	0,000	0,003
	N	39	39	39	39
Произвольность памяти	Pearson Correlation	0,673	0,614	1	0,463
	Sig. (2-tailed)	0,000	0,000	0,000	0,003
	N	39	39	39	39
Уровень развития произвольного запоминания	Pearson Correlation	0,423	0,463	0,463	1
	Sig. (2-tailed)	0,007	0,003	0,003	0,000
	N	39	39	39	39

Таблица 4 – Результаты анализа данных по критерию Манна–Уитни

	Самоконтроль и произвольность запоминания	Объем произвольного запоминания	Произвольность памяти	Уровень развития произвольного запоминания
Mann–Whitney U	92,000	173,500	175,500	127,500
Wilcoxon W	282,000	363,500	365,500	337,500
Z	-2,995	-0,477	-0,418	-1,814
Asymp. Sig. (2-tailed)	0,003	0,633	0,676	0,070
Exact Sig. [2*(1-tailed Sig.)]	0,005	0,647	0,687	0,079

По методике «Изучение уровня развития произвольной образной памяти» были получены следующие результаты: 73,7% и 70% опрошенных детей из экспериментальной и контрольной групп показали средний уровень развития произвольной образной памяти. Данная категория старших дошкольников принимает, усваивает мнемическую задачу, но не удерживает ее до конца выполнения задания; использует мнемический прием вербализации (открытая/внутренняя). Низкий уровень развития произвольной образной памяти не был выявлен ни среди испытуемых экспериментальной группы, ни среди контрольной группы (рисунок 4).

При анализе полученных результатов эмпирического исследования нами были использованы статистические методы обработки данных: кри-

терий Манна–Уитни и корреляционный анализ по Пирсону.

Корреляционный анализ данных по Пирсону позволил получить следующие результаты (таблица 3).

Согласно результатам корреляционного анализа по Пирсону критерий «самоконтроль и произвольность запоминания» положительно коррелирует с критериями «объем произвольного запоминания» ($r_s = 0,549$; $p \leq 0,01$), «произвольность памяти» ($r_s = 0,673$; $p \leq 0,01$) и «уровень развития произвольного запоминания» ($r_s = 0,423$; $p \leq 0,01$). Также выявлен высокий уровень корреляции объема произвольного запоминания с самоконтролем и произвольностью запоминания ($r_s = 0,549$; $p \leq 0,01$), произвольностью памяти ($r_s = 0,614$; $p \leq 0,01$) и уровнем разви-

тия произвольного запоминания ($r_s = 0,463$; $p \leq 0,01$).

Произвольность памяти показала высокую корреляцию с самоконтролем и произвольностью запоминания ($r_s = 0,673$; $p \leq 0,01$), объемом произвольного запоминания ($r_s = 0,614$; $p \leq 0,01$) и уровнем развития произвольного запоминания ($r_s = 0,463$; $p \leq 0,01$).

Соответственно и уровень развития произвольного запоминания положительно коррелирует с такими конструктами произвольной памяти, как самоконтроль и произвольность запоминания ($r_s = 0,423$; $p \leq 0,01$), объем произвольного запоминания ($r_s = 0,463$; $p \leq 0,01$) и уровень развития произвольного запоминания ($r_s = 0,463$; $p \leq 0,01$).

Таким образом, все конструкты произвольной памяти в слабой и умеренной степени коррелируют между собой ($r_s = 0,549$, $r_s = 0,673$, $r_s = 0,423$; $p \leq 0,01$). Это говорит о том, что они взаимосвязаны и их развитие происходит в комплексе. Анализ данных по критерию Манна-Уитни позволил сделать следующие выводы (таблица 4).

По критериям самоконтроль и произвольность ($a > 0,05$ ($a = 0,003$)), объем произвольного запоминания ($a > 0,05$ ($a = 0,033$)), произвольность памяти ($a > 0,05$ ($a = 0,043$)), уровень развития произвольного запоминания ($a > 0,05$ ($a = 0,046$)) нет отличий между экспериментальной и контрольной группами ($a > 0,05$ ($a = 0,040$)).

Полученные показатели по критерию Манна-Уитни говорят о том, что между экспериментальной и контрольной группами нет явных отличий, их показатели конструктов произвольной памяти находятся на одном уровне.

Таким образом, большинство опрошенных старших дошкольников нуждается в развитии способности удерживать мнемическую задачу, объема и произвольности памяти.

Заключение. В старшем дошкольном возрасте формируются предпосылки для осуществления самоконтроля в процессе запоминания, под которым понимается умение соотносить получаемые результаты деятельности с заданным образцом. Цель запомнить и припомнить при выполнении роли имеет очень наглядный, конкретный смысл. Переход к произвольной памяти не является одномоментным актом, а представляет собой сложный процесс [5–10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Практическая психология образования / под ред. И.В. Дубровиной. – СПб.: Питер, 2004. – 592 с.
2. Немов, Р.С. Психология / Р.С. Немов. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – Кн. 3: Психодиагностика. – 640 с.
3. Гуткина, Н.И. Психологическая готовность к школе / Н.И. Гуткина. – СПб.: Питер, 2004. – 184 с.
4. Урунтаева, Г.А. Диагностика психологических особенностей дошкольника: практикум для сред. и высш. пед. учеб. заведений и работников дошк. учреждений / Г.А. Урунтаева. – М.: Академия, 1996. – 94 с.
5. Клацки, Р. Память человека: структура и процессы / Р. Клацки. – М., 1978. – 320 с.
6. Козубовский, В.М. Общая психология: познавательные процессы: учеб. пособие / В.М. Козубовский. – Минск: Амалфея, 2008. – 368 с.
7. Зинченко, Т.П. Когнитивная и прикладная психология / Т.П. Зинченко. – М.: МОДЭК, 2000. – 92 с.
8. Маклаков, А.Г. Общая психология / А.Г. Маклаков. – СПб.: Питер, 2008. – 592 с.
9. Психологическая энциклопедия / Р. Корсини, А. Ауэрбах. – СПб.: Питер, 2006. – 1766 с.
10. Смирнов, А.А. Проблемы психологии памяти / А.А. Смирнов. – М.: Просвещение, 1966. – 375 с.

Поступила в редакцию 15.11.2016 г.

УДК 159.98:617.7-053.4

Диагностики наглядно-образного мышления у дошкольников с нарушением зрения

Янковская Ю.И.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Статья посвящена изучению особенностей формирования и развития наглядно-образного мышления у старших дошкольников с нарушением зрения.

Цель статьи – представить результаты эмпирического исследования особенностей развития наглядно-образного мышления у дошкольников с нарушением зрения.

Материал и методы. Материалом исследования выступила методика развития внутреннего плана действий Я.А. Пономарева. Выборка испытуемых – 38 дошкольников, из них 24 дошкольника с нарушением зрения. Методологической базой исследования явились методы анализа, синтеза, сравнения и обобщения.

Результаты и их обсуждение. Результаты опытов показывают наличие общей и для групп с сохранным зрением, и для детей с нарушенным зрением тенденции, заключающейся в постоянном росте индивидуальных «достижений» с возрастом. Слабовидящие дошкольники не уступают в сформированности наглядно-образного мышления нормально видящим дошкольникам. Представленная методика развития внутреннего плана действий Я.А. Пономарева имеет практическую значимость. Несомненными ее плюсами являются полное отсутствие трудно различимых деталей, «когнитивная простота» стимульного материала, что, в частности, выражается в возможности выполнения задания без опоры на наглядную модель экспериментальной ситуации при определенном уровне сформированности внутреннего плана действий, что обеспечивает высокую «процедурную» валидность данного метода.

Заключение. Анализ индивидуальных «достижений» испытуемых в развитии внутреннего плана действий показывает, что сформированность наглядно-образного мышления не находится в прямой зависимости от степени выраженности аномального фактора.

Ключевые слова: тифлопсихология, дошкольники с нарушением зрения, диагностика, наглядно-образное мышление, зрительное восприятие.

Diagnosics of Visual and Image Thinking of Preschool Children with Eyesight Infringement

Yankovskaya Yu.I.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

We study features of visual and image thinking shaping and development of preschool children with eyesight infringement.

The purpose of the article is to present findings of empiric study of the development features of visual and image thinking of preschool children with eyesight infringement.

Material and methods. *The research material is the methods of the development of inner plan of actions by Ya.A. Ponomarev. The selection of the studied is 38 preschool children, 24 of which are with eyesight infringement. The research methodological basis is methods of analysis, synthesis, comparison and generalization.*

Findings and their discussion. *The experiment findings indicate the presence of one general tendency, for both groups with retained eyesight and children with eyesight infringement, of constant increase in individual achievements as they grow. Children with poor eyesight are not worse in shaping visual and image thinking than children with normal eyesight. The presented methods of the development of inner plan of actions by Ya.A. Ponomarev are of practical value. Their undoubted plusses are complete lack of details which are hard to make out, "cognitive simplicity" of the stimulus material, which, in its turn, is expressed in the possibility of doing the task without a visual model of the experimented situation with a certain level of shaping inner plan of actions. It provides high procedure validity of the methods*

Conclusion. *Analysis of individual achievements of the tested children within the development of inner plan of actions indicates that shaping visual and image thinking does not depend directly on the degree of infringement factor.*

Key words: *typhlopsychology, preschool children with eyesight infringement, diagnosics, visual and image thinking, sight perception.*

Тифлопсихология как ветвь психологической науки, исходя из учета общих закономерностей психического развития нормального ребенка, выдвигает задачу по изучению психологических особенностей и последствий имеющегося сенсорного нарушения, разработке и обоснованию путей и способов профилактики и коррекции вторичных отклонений в психическом развитии детей с нарушением зрения.

В условиях невосполнимого дефицита визуальных данных в развитии ребенка особую роль приобретают познавательные процессы, позволяющие выходить за пределы непосредственной информации. Особое место в компенсаторном развитии слепых и слабовидящих дошкольников занимает мышление. Именно мышление, характеризующееся использованием понятий, рассматривалось Л.С. Выготским как «истинная сфера компенсации при слепоте».

Давая оценку современному состоянию вопроса изучения наглядно-образного мышления

в тифлопсихологии, следует отметить ряд актуальных в контексте данного исследования моментов:

– во-первых, анализ отечественных и зарубежных литературных источников свидетельствует о том, что развитие наглядно-образного мышления у дошкольников с нарушением зрения изучено не достаточно. В частности, об этом свидетельствует наличие различных, зачастую взаимоисключающих точек зрения на мыслительные возможности слепых и слабовидящих;

– во-вторых, необходимо отметить, что в тифлопсихологии экспериментальному анализу подвергались отдельные компоненты мыслительной деятельности, среди которых наглядно-образного мышления не было.

Наглядно-образное мышление начинает развиваться внутри наглядно-действенного и является следующей стадией развития мышления. Оно характеризуется тем, что содержание мыслительной задачи представлено в наглядной форме, а решение осуществляется путем оперирования

в уме образами-представлениями предметов или их изображениями с помощью преобразования этих образов или их частей. Следовательно, успешность решения наглядных задач зависит от уровня сформированности зрительных образов, мыслительных операций, уровня развития наглядно-действенного мышления. В этой связи большое значение приобретают диагностика и развитие наглядно-образного мышления детей, направленные на раскрытие возможностей их разностороннего умственного развития.

Изучению особенностей формирования и развития мышления детей с нарушением зрения были посвящены труды М.И. Земцовой (1960), Т.Н. Головиной (1962), Е.М. Украинской (1972), Л.И. Солнцевой (1997), Л.И. Плаксиной (1998). Данные авторы отмечают, что снижение зрительных возможностей тормозит развитие мышления (овладение мыслительными операциями анализа, синтеза, сравнения и обобщения предметных признаков). Однако отсутствие или неполноценность зрительных впечатлений не может исказить до неузнаваемости общий ход развития мышления. Основные физические, пространственные и временные свойства, такие как вес, форма, величина, удаленность, достаточно полно отражаются сохранными анализаторными системами: осязанием, слухом, обонянием и др. Формирование видов мышления при дефектах зрения проходит те же этапы, что и в норме, например словесно-логическое мышление не может быть хорошо развито без полноценного развития наглядно-действенного и наглядно-образного мышления.

Исследователь Л.И. Плаксина отмечает, что снижение остроты зрения, нарушение различения цвета, бинокулярности, стереоскопии и глазодвигательных функций приводит к снижению скорости, точности и полноты зрительного анализа и синтеза. Дети с нарушением зрения часто испытывают затруднения при описании предмета, в понимании взаимосвязи и взаимозависимостей в предметном мире, в процессе восприятия графических изображений – все это осложняет формирование чувственно-практического опыта детей. Недостаточность конкретной информации об окружающей реальности не позволяет этим детям классифицировать предметы по их основным, отличительным признакам и функциональным свойствам [1]. Выпадение или серьезное нарушение функций зрения затрудняет процесс восприятия и, в частности, формирование целостного образа. В связи с этим слепым приходится производить дополнительную по сравнению с нормально видящими работу, преодолевая относительную успешность, фрагментарность и схематизм осязательных образов.

Изучение на базе высоких уровней чувственного отражения зрительного восприятия и представлений, приведенных Т.В. Бубновой, А.Г. Литваком, Г.М. Милаевой, В.А. Фиактистовой, показало, что нарушение зрения не приводит к глобальным и качественным нарушениям чувственного опыта у детей с патологией зрения, в то же время в отсутствие целенаправленного развивающего воздействия на чувственную сферу у детей с сенсорной недостаточностью наблюдается замедленность и фрагментарность восприятия, схематичность, «индивидуализация» вторичных образов, замедление темпа межфазовых переходов при становлении образов, трудностей формирования целостного интегрального образа.

При решении наглядно-образных задач детьми с нарушением зрения, где требуется распознавание отдельных элементов, частей фигуры, изображенных на рисунке, и одновременно сопоставление, сопоставление и синтез, происходят нарушения единства, анализа и синтеза, неполный, бессистемный элементарный анализ, поверхностное сравнение, неправильное абстрагирование, выделение несущественных признаков, связей, что приводит к одностороннему синтезу и неверным обобщениям, в частности, к ошибочному решению задач. Л.И. Солнцева отмечает, что в отечественной тифлопсихологии существует чрезвычайно маленькое количество методик для психологической диагностики детей с нарушением зрения, хотя необходимость в них сохраняется.

Новизна заключается в создании психодиагностического инструментария для изучения данного типа мышления для специалистов дошкольных учреждений, где обучаются дети с нарушением зрения. Необходимо отметить, что ежегодно в общем контингенте учащихся растет доля слепых и слабовидящих детей с сопутствующими дефектами: задержкой психического развития, грубыми нарушениями интеллекта. Реализация возможностей развития каждого ребенка, комплектование с учетом этих возможностей групп могут быть осуществлены лишь при систематическом и всестороннем изучении его личности, а также последствий сенсорного дефекта.

Цель – представить результаты эмпирического исследования особенностей развития наглядно-образного мышления у дошкольников с нарушением зрения.

Материал и методы. Для определения уровня развития наглядно-образного мышления использовалась методика развития внутреннего плана действий Я.А. Пономарева [2]. В эксперименте принимали участие нормально видящие дошкольники (14 испытуемых) и дошкольники, относящиеся по степени сохранности зрения к группе

Таблица 1 – Уровни сформированности внутреннего плана действий у детей с нормальным и нарушенным зрением

Испытуемые	Число обследованных	Распределение в абсолютных числах										
		Этапы										
		I1	I2	II1	II2	III1	III2	IV1	IV2	V1	V2	СП
Нормально видящие дошкольники	14	3	1	8	1	1	–	–	–	–	–	2,71
1-я группа слабовидящих дошкольников	12	1	3	6	2	–	–	–	–	–	–	2,75
2-я группа слабовидящих дошкольников	12	1	–	6	5	–	–	–	–	–	–	2,79

слабовидящих и в то же время неотягощенных сопутствующими дефектами и заболеваниями. Для упрощения статистической обработки были выделены две одинаковые по количеству группы учащихся: слабовидящие с остротой зрения 0,09–0,2 (1-я группа – 12 испытуемых) и 0,03–0,4 (2-я группа – 12 испытуемых). Ведущим признаком включения учащегося в экспериментальную выборку была острота центрального зрения, определенная на лучше видящем глазу. Также были исключены дошкольники с различными нарушениями интеллектуального развития. Базой исследования являлись: ГУО «Ясли-сад № 74 г. Витебска» (нормально видящие старшие дошкольники), ГУО «Ясли-сад № 96 г. Витебска», ГУО «Шкловская специальная общеобразовательная школа-интернат для детей с нарушением зрения» (дети шести лет).

Результаты и их обсуждение. Эксперимент проходил в 2 этапа: 1) этап инструктирования (при котором испытуемый «включался» в экспериментальную ситуацию и ему объясняли правила и цель игры), с помощью вопросов контролировалось усвоение правил; 2) обучающая часть эксперимента осуществлялась за одно занятие (15–25 минут) с группой от 2 до 4 человек. Если возникали трудности, обучение проводилось индивидуально. После того как испытуемый усваивал правила и мог безошибочно совершать несколько ходов по часовой и против часовой стрелки, что служило критерием усвоения элементарного действия, переходили к основной части эксперимента. Процедура, экспериментальные задания, а также интерпретация и оценки полученных данных подробно представлены в источнике [2].

Исходя из анализа способностей различных групп испытуемых действовать в уме, нами было выделено вслед за автором методики (Я.А. Пономарев) пять этапов развития внутреннего плана действий: 1) фона; 2) репродуцирования; 3) манипулирования; 4) транспонирования; 5) региминтирования. На каждом этапе в зависимости

от сформированности внутреннего плана действий было определено два подуровня.

При характеристике каждого этапа, кроме непосредственного успеха или неуспеха в решении экспериментальных задач, мы принимали во внимание следующие особенности деятельности испытуемых: уровень развития пространственного представления; степень осознанности действий (диапазон – от угадывания до планирования); объем действий (количество действий, которые испытуемый связывает в систему); соотношение действий с задачей; время, затраченное на решение задач; характер ошибок и путей их исправлений.

Результаты обследования отражены в таблице 1.

Перейдем к анализу выполнения слабовидящими в сравнении с нормально видящими сверстниками заданий методики. Основными характеристиками в общей картине развития внутреннего плана действий явились структура распределения учащихся по этапам (уровням) и подуровням (на каждом из пяти уровней этапов развития внутреннего плана действий выделялось согласно предложенным автором методики критериям 2 подуровня) внутреннего плана действий, а также средний показатель (СП). Средний показатель представляет собой суммарный результат опытов с той или иной группой учащихся и получается путем обработки эмпирических данных по формуле:

$$СП = \frac{a_1 + a_2 + 3b_1 + 4b_2 + 5c_1 + 6c_2 + 7d_1 + 8d_2 + 9e_1 + 10e_2}{n}$$

где СП – символическое изображение среднего показателя с учетом внутриэтапных различий, a_1 – равно числу учеников из группы, показавших результаты, соответствующие первому подуровню 1-го этапа развития внутреннего плана действий;

a_2 – соответственно – второму подуровню 1-го этапа и т.д.;

2, 3... – постоянные коэффициенты, соответствующие баллу, которым оценивается каждый из достигнутых уровней в развитии внутреннего плана действий;

n – число членов группы.

Результаты опытов показывают наличие общей и для групп с сохранным зрением, и для детей с нарушенным зрением тенденции, заключающейся в постоянном росте среднего показателя с возрастом. Слабовидящие дошкольники не уступают в сформированности рассматриваемого параметра мыслительной деятельности нормально видящими. Так, у дошкольников шести лет средний показатель группы нормально видящих детей равняется 2,71, в первой группе слабовидящих детей – 2,75, тогда как во второй группе слабовидящих дошкольников – 2,79. Анализ индивидуальных «достижений» испытуемых в развитии внутреннего плана действий показывает, что сформированность наглядно-образного мышления не находится в прямой зависимости от степени выраженности аномального фактора.

Заключение. Таким образом, результаты настоящего исследования в целом подтвердили данные, представленные в работах В.А. Морошкина [3], относительно того, что успешность деятельности дошкольников с образным материалом в умственном плане не находится под влиянием нарушений на сенсорном уровне, и что, играя компенсаторную роль в когнитивном развитии ребенка со зрительными расстройствами, способность к манипулированию образами представлений при решении мыслительных задач может достигать у слабовидящих высокого уровня.

Представленная методика развития внутреннего плана действий Я.А. Пономарева имеет практическую значимость. Несомненными ее плюсами являются полное отсутствие трудно различимых деталей, «когнитивная простота» стимульного материала, что, в частности выражается в возможности выполнения задания без опоры на наглядную модель экспериментальной ситуации при определенном уровне сформированности внутреннего плана действий, что обеспечивает высокую «процедурную» валидность данного метода [4–5]. Следует отметить еще одно существенное значение: данная методика выгодно отличается от эмпирически обоснованных методов, используемых для изучения мыслительных способностей детей. Специфика происхождения данного типа методов обеспечивает им теоретическую обоснованность и содержательную интерпретацию полученных при их применении результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плаксина, Л.И. Развитие зрительных восприятий у детей с нарушением зрения / Л.И. Плаксина. – М.: ВОС, 1985. – 380 с.
2. Пономарев, Я.А. Знания, мышление и умственное развитие / Я.А. Пономарев. – М.: Просвещение, 1967. – 264 с.
3. Морошкин, В.А. Возрастные и индивидуальные особенности развития способности действовать «в уме» детей вспомогательного класса школы слепых / В.А. Морошкин. – Л.: ЛГПИ, 1974. – 280 с.
4. Малаева, З.П. Развитие наглядно-образного мышления у дошкольников с нарушением зрения / З.П. Малаева // Воспитание и обучение детей с нарушением развития. – 2009. – № 1. – С. 7–14.
5. Подколзина, Е.Н. Особенности использования наглядности в обучении детей с нарушением зрения / Е.Н. Подколзина // Дошкольное воспитание и обучение. – 2005. – № 6. – С. 33–40.

Поступила в редакцию 10.11.2016 г.

УДК 316.624-053.6:159.9

Специфика межличностной зависимости у делинквентных подростков

Московченко В.В.

Харьковский национальный университет внутренних дел, Украина

Имеющиеся исследования психологических особенностей делинквентных подростков в большинстве случаев направлены на ограниченный диапазон характеристик, тогда как специфика зависимости в межличностных отношениях остается не достаточно изученной.

Цель статьи – установить особенности межличностной зависимости у делинквентных подростков.

Материал и методы. В исследовании был использован тест профиля отношений (Relationship Profile Test), который включает шкалы: деструктивная сверхзависимость, здоровая зависимость и дисфункциональное отделение. Для статистической обработки результатов использован t-критерий Стьюдента для независимых выборок. Выборка – 96 подростков мужского пола старшего подросткового

возраста. Первую группу (делинквентные подростки) составили 47 несовершеннолетних осужденных. Во вторую группу вошли 49 учеников общеобразовательной школы с нормативным поведением.

Результаты и их обсуждение. В группе делинквентных подростков выявлены достоверно более высокие показатели по шкалам «Деструктивная сверхзависимость», «Дисфункциональное отделение» и достоверно более низкий показатель по шкале «Здоровая зависимость». Делинквентные подростки более склонны к деструктивной межличностной зависимости, характерными чертами которой являются сильная потребность в эмоциональной близости, ригидное стремление к получению помощи и поддержки на фоне того, что они постоянно чувствуют себя одинокими и беспомощными. В этой группе выявлена более высокая выраженность дисфункционального отделения, которое обуславливает дефицитарность способности развивать социальные связи и привязываться к людям. Делинквентным подросткам менее присуща здоровая зависимость, что характеризует их как менее гибких в общении, менее способных обращаться за помощью; устанавливать стабильные эмоциональные отношения.

Заключение. Специфика межличностной зависимости, выявленная в группе делинквентных подростков, свидетельствует о склонности как к зависимым отношениям с асоциальным окружением, которое их принимает и поддерживает, так и к отделению от окружения с нормативными социальными установками, что требует разработки соответствующих психокоррекционных программ.

Ключевые слова: делинквентные подростки, деструктивная сверхзависимость, дисфункциональное отделение, здоровая зависимость, межличностные отношения.

Specificity of Interpersonal Dependency of Delinquent Adolescents

Moskovchenko V.V.

Kharkov National University of Internal Affairs, Ukraine

Existing studies of psychological peculiarities of delinquent adolescents in most cases are focused on a limited range of characteristics, whereas the specificity of dependency in interpersonal relationships is still poorly understood.

The purpose of this study is to establish features of interpersonal dependency of delinquent adolescents.

Material and methods. The study used Relationship Profile Test, which includes the scales of destructive overdependence, healthy dependency and destructive detachment. For statistical processing of results we used the Student's t-test (for independent samples). The sampling involved 96 boys, older adolescents. 47 juvenile offenders were included into the first group (delinquent adolescents). The second group included 49 pupils of secondary school with normative behavior.

Findings and their discussion. Delinquent adolescents demonstrated significantly higher scores on the scales "Destructive overdependence", "Dysfunctional detachment" and significantly lower rate on the scale of "Healthy dependency". Delinquent adolescents are more prone to destructive interpersonal dependency, which is characterized by a strong need for emotional closeness, a rigid intention to obtain help and support on the background of the fact that they constantly feel lonely and helpless. A higher level of dysfunctional detachment was found in this group, which determines deficits of the ability to develop social relationships, and become attached to people. A healthy dependency is less inherent to delinquent adolescents, which characterizes them as less flexible in communication, less able to seek help and to establish a stable emotional relationship.

Conclusion. Specificity of interpersonal dependency, revealed in the group of delinquent adolescents indicates the tendency to dependent relationship with anti-social environment that accepts and supports them as well as to the dysfunctional separation from the environment with normative social attitudes, which requires the development of appropriate psychocorrectional programs.

Key words: delinquent adolescents, destructive overdependence, dysfunctional detachment, healthy dependency, interpersonal relationships.

Сложное экономическое, политическое и социальное положение, в котором находится современное украинское общество, влияет и на процессы успешной или неуспешной социализации подростков. Разрушаются определенные социальные нормы, нарастают процессы деформации семьи, для малообеспеченных слоев населения усложнились процессы удовлетворения обычных материальных потребностей – все это приводит к обострению криминальной обстановки и социальной напряженности. Для многих украинских семей, находящихся в поиске элементарного материального обеспечения, духовные ценности теряют свое значение и смысл. Все это становится факторами резкого роста социальной и психологической дезадаптации детей и подростков. Сложные процессы трансформации общественного развития в Украине и радикальных преобразований современной действительности негативно сказываются на росте правонарушений среди несовершеннолетних.

Как отмечал Э. Дюркгейм, в условиях аномии распространяются эгоистические умонастроения, исчезает должное уважение к моральным и правовым нормам, ухудшается состояние морали, растет число самоубийств и преступлений... В такие периоды у большинства исчезает представление о различиях между справедливостью и несправедливостью, законностью и беззаконием, возможным и недопустимым. Это приводит к размыванию границ социальной нормы, к социальной отчужденности, к глубокому внутриличностному конфликту [1]. Люди являются социально дезориентированными, испытывают чувство тревоги, изолированности от общества. Это закономерно приводит к девиантному поведению, преступности и другим асоциальным явлениям. Растет социальная дезадаптация подростков и юношей в форме делинквентного, криминального поведения.

Исследования феномена делинквентного поведения проводятся в ракурсах различных отраслей науки: криминологии, социологии,

психологии, педагогики, медицины. Так, причины совершения правонарушений изучали Г.М. Миньковский, К.Е. Игошев, А.Р. Ратинов. Механизмы делинквентного поведения и их профилактика у подростков рассмотрены в работах Ю.А. Клейберга, С.А. Беличевой, Е.В. Змановской, Л.В. Яссман.

Научные труды А.Е. Личко, В.Д. Менделевича, Е.М. Кондрат, В.А. Гурьевой посвящены изучению патологических проявлений в поведении делинквентов. Разработка проблемы развития личности правонарушителя в контексте вопросов судебно-психологической и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних обвиняемых представлена в работах М.М. Коченова, В.Н. Кудрявцева, А.Е. Личко, И.А. Ярмыш и др.

Психологические особенности личности подростков с противоправной направленностью исследовали М.А. Алемаскин, Д.И. Фельдштейн, Г.Г. Бочкарева, В.Г. Степанов. Проблемой определения особенностей делинквентного поведения несовершеннолетних в зависимости от их роли в структуре асоциальных группировок занимались занимались А.М. Бандурка, Е.В. Землянская, С.А. Гарькавец. Классификации типов противоправного поведения с учетом степеней антиобщественной направленности личности представлены в работах А.Д. Глоточкина, В.Ф. Пирожкова, Е.Л. Милютиной, Г.М. Миньковского и других.

Ученый К. Хорни видит главную причину подростковой девиантности в невротических потребностях личности, формирующихся на почве страхов ребенка, связанных с базальной тревогой, «ощущением одиночества и беспомощности перед лицом потенциально опасного мира» [2]. Э. Эриксон считает, что неспособность молодых людей найти свое место в жизни базируется на ролевой спутанности, что сочетается с «устаревшим чувством безнадежности». В этом случае девиации не становятся чем-то уникальным [3]. В зарубежной психологии различные аспекты делинквентного поведения также отражены в исследованиях А. Айхорн, А. Коэна, А. Фернхейма, П. Хейвена и др.

Достаточно большое внимание как в педагогической, так и в юридической психологии уделяется отдельным индивидуально-психологическим свойствам делинквентных подростков, таких как агрессивность, акцентуации характера, тревожности, локус контроля и т.п. (С.Г. Бутолин, Т.Н. Курбатова, А.А. Реан, Л.М. Семенюк, Ю.М. Антонян, О.В. Вдовиченко, И.А. Горьковая, В.Ф. Десятников, А.В. Егоров, В.Г. Козюля, Н.Ф. Михайлова, Н.М. Трофимова и др.).

Одним из главных условий предупреждения и профилактики делинквентного поведения подростков выступает направленное воздействие на психологические предпосылки и механизмы ее развития. Таким образом, изучение личностных особенностей подростков с делинквентным поведением и разработка путей коррекции их негативных проявлений имеют большое теоретическое и прикладное значение. Имеющиеся исследования психологических особенностей подростков с делинквентным поведением в большинстве случаев направлены на ограниченный диапазон характеристик, тогда как специфика зависимости в межличностных отношениях остается не достаточно изученной.

Цель данной статьи – установить особенности межличностной зависимости несовершеннолетних осужденных.

Материал и методы. Нами был применен тест профиля отношений (Relationship Profile Test), который был создан Р. Борнштейном и адаптирован О.П. Макушиной в 2005 г. [4]. Методика нацелена на диагностику таких межличностных феноменов, как чрезмерная межличностная зависимость, нормативная здоровая зависимость и дисфункциональное отделение.

Для математико-статистической обработки результатов был использован t-критерий Стьюдента для независимых выборок.

В качестве эмпирической базы исследования выступали Куряжская исправительная колония и общеобразовательная школа № 26 г. Харькова. Исследуемая выборка – подростки мужского пола старшего подросткового возраста в количестве 96 человек.

Испытуемые были распределены по двум группам. Первую группу (делинквентные подростки) составили несовершеннолетние осужденные в количестве 47 человек. Во вторую группу вошли 49 испытуемых с условно нормативным поведением, которые учились в общеобразовательной школе.

Результаты и их обсуждение. Специфика межличностной зависимости заключается в том, что часто остается внешне малозаметной и нередко выглядит как признак невротических расстройств, проявление женственности, специфика гендерных отношений в культуре и т.п.

Как подчеркивает А.С. Кочарян, неприемлемость межличностной зависимости делает ее особенно опасной, поскольку она поражает значительную часть населения, негативно влияет на развитие личности, построение сценария жизни, выбор брачного партнера, профессию и карьерный рост, психическое и соматическое

здоровье. Такие отношения превращаются в «трагедию целой жизни»: «ничего не построено, но много чего разрушено: душевное и физическое здоровье, возможности других отношений».

Межличностная зависимость как расстройство поведения и отношений является проявлением расстройства личности зависимого типа (рубрикация МКЗ – 10: F60.7), или зависимой личности (по В.Д. Менделевичу) [5]. Ряд работ, как отмечает Е.В. Фролова, представляет идею о том, что межличностная зависимость является первичным расстройством, которое при определенных обстоятельствах, связанных с невозможностью ее реализации, трансформируется во вторичные формы зависимости: химическую, пищевую, сексуальную, игровую и тому подобное. Более того, механизм лечения вторичных зависимостей предусматривает обратное движение от вторичной зависимости к первичной. Поэтому важным кажется выявление единства зависимых расстройств, в основе которых лежит зависимая личность [6].

При этом, отмечают А.С. Кочарян, В.В. Коровицкая, формы зависимого поведения крайне разнообразны: химическая (нарко-, табако-, токсико-, алкогольная, врачебная и т.п.), зависимость от игровых автоматов (гэмблинг), компьютеров (internet addiction), сексуальная зависимость, пищевая зависимость, зависимость от межличностных отношений в браке, религиозная зависимость, парасуицидальное поведение (патологическое увлечение экстремальными видами спорта), разного рода фанатичные увлечения (спортивное «болеет», музыкальные фаны и др.) и т.п. Другой взгляд, который отмечает зависимое поведение и получил широкое распространение в литературе (в первую очередь англоязычной), звучит как «аддиктивное поведение». В последние годы этот термин употребляется и в отечественной литературе. Понятие аддиктивного поведения охватывает разные типы поведения: сюда входят наркотическая зависимость и алкоголизм, курение, страсть к азартным играм и разной еде, а также гиперсексуальность. Все эти типы поведения поддаются мощной силе подсознания, и это добавляет им такие качества, как требовательность, ненасытность и импульсивная безусловность выполнения [7].

На основе анализа теоретических и эмпирических исследований Е.В. Фролова заключает, что развитие зависимости осуществляется при условии наличия специфической личностной организации, которая описывается в литературе как «зависимая личность». Базовыми характеристиками

зависимой личности (по В.Д. Менделевичу) являются: инфантильность; внушаемость и наследуемость; прогностическая некомпетентность; ригидность и упрямство; наивность, простодушие и чувственная непосредственность; максимализм; эгоцентризм; яркость воображения, впечатлений и фантазий; нетерпеливость; склонность к риску и «вкус опасности»; страх быть покинутым. Е.В. Фролова акцентирует внимание на том, что концепция зависимой личности оставляет открытым ряд вопросов: не определена структурная организация признаков, которые включаются в структуру зависимой личности; личностные черты являются чрезвычайно разнообразными и внешне мало связанными, что не дает возможности представить достаточно однозначную интерпретацию личностной детерминации зависимых расстройств. Анализ зависимой личности, подчеркивает исследователь, фактически происходил в признаковом подходе, а не в структурном (целостном). Поэтому вопрос о связи преморбидных черт личности с расстройствами зависимого поведения в этом контексте представляется чрезвычайно важным [6].

Как отмечает А.Д. Асеева, человек, имеющий межличностную зависимость, отводит решающую роль структурным характеристикам «значимого другого» в достижении состояния удовлетворения, и эти характеристики «значимого другого» могут служить отправной точкой развития межличностной зависимости, поскольку за счет представленности структурных характеристик в другом, зависимый человек удовлетворяет актуальные для него социальные потребности (в общении, близких отношениях, любви, дружбе и т.д.). Кроме конкретного «значимого другого», подчеркивает А.Д. Асеева, на закрепление поведенческих паттернов личности оказывает влияние группа сверстников, что ярко проявляется у подростков, для которых характерно почти инстинктивное группирование со сверстниками, в отношениях с которыми подростки стремятся найти депривированную в общении со взрослыми возможность самоутверждения и эмоциональную близость. Автор обращает внимание, что на формирование зависимого поведения подростков, прежде всего, оказывают влияние делинквентно-криминальные группы, в которых стержнем, объединяющим подростков, является анти-социальная деятельность [8].

Результаты исследования межличностной зависимости делинквентных подростков представлены в таблице 1.

По шкале «Деструктивная сверхзависимость» показатель в первой группе

Таблица 1 – Показатели межличностной зависимости делинквентных подростков и подростков с нормативным поведением (M ± m)

Шкалы	Делинквентные подростки	Подростки с нормативным поведением	t	p
Деструктивная сверхзависимость	34,21 ± 1,32	22,92 ± 0,68	7,57	0,001
Дисфункциональное отделение	33,5 ± 1,21	19,8 ± 0,83	9,31	0,001
Здоровая зависимость	20,8 ± 1,21	28,63 ± 0,82	5,32	0,05

составил 34,21 ± 1,32, во второй группе – 22,92 ± 0,68. Зафиксировано достоверное повышение показателя в группе делинквентных подростков при $p \leq 0,001$, что свидетельствует о большей выраженности деструктивной сверхзависимости в этой группе. С учетом доверительных интервалов следует отметить, что показатель первой группы может быть отнесен к высокому уровню, показатель второй – к среднему.

Невзирая на традиционные представления, которые существуют в обществе, о том, что к межличностной зависимости более склонны женщины, чем мужчины, А.Д. Асеева выявила, что средний уровень зависимости, действительно, преобладает у девушек – 73% против 56% у юношей; однако высокий уровень выраженности деструктивной сверхзависимости наблюдается у юношей чаще (33%), чем у девушек (18%), а низкий уровень наблюдается редко и среди юношей, и среди девушек – 11% и 9% юношей [9].

Полученные в нашем исследовании результаты свидетельствуют о том, что делинквентные подростки достоверно более склонны к деструктивной межличностной зависимости, уровень которой в этой группе является высоким. Характерными чертами такой зависимости являются сильная потребность в эмоциональной близости, ригидное стремление к получению помощи и поддержке на фоне того, что они постоянно чувствуют себя слабыми и беспомощными в сложной ситуации. Неотъемлемые черты зависимой личности – постоянное ощущение одиночества, неуверенность, беспомощность в сложной ситуации, которая негативно влияет на жизнь подростка.

В исследовании В.И. Ротор выявлено, что девиантные подростки характеризуются высшим уровнем и определенной спецификой одиночества, и определено, что ощущение и реакции на одиночество у подростков со склонностью к девиантному поведению характеризуются негативной окраской, бездеятельностью и двойственностью, которая отражается в наличии не только

негативных чувств, но и удовлетворенности в ситуации одиночества, а также присутствия среди причин одиночества «отсутствия близких друзей», хотя больше половины девиантных подростков отмечает наличие близких людей, которые их понимают и поддерживают [10].

На основании результатов другого своего исследования В.И. Ротор делает вывод о том, что подростки с девиантным поведением принимают правила компании чаще, чем проявляют свои интересы, тем самым подавляя свое «Я», не понимают сами себя, чувствуют дискомфорт от осознания того, кем они являются в данный момент. Они чувствуют отчуждение от других людей, норм, ценностей, определенной группы, мира в целом, не хотят принимать правила поведения в социуме, и их поведение отличается от нормы. Эти подростки пытаются найти группу с таким поведением или могут принимать правила иных подобных групп, если их не принимает социум [11].

Исходя из психологической специфики испытуемых первой группы мы считаем, что делинквентные подростки ищут поддержки и находят ее в асоциальной среде, которая формирует криминальную направленность личности, в связи с чем круг социальных контактов сужается и поиск поддержки, принятия и понимания продолжается именно в асоциальной среде, что создает порочный круг.

Показатели по шкале «Дисфункциональное отделение» в первой группе составили 33,5 ± 1,21, а во второй группе – 19,8 ± 0,83. Зафиксировано достоверное повышение показателя в группе делинквентных подростков при $p \leq 0,001$, что свидетельствует о большей выраженности дисфункционального отделения в этой группе. С учетом доверительных интервалов показатель в группе делинквентных подростков достигает среднего уровня, в группе подростков с условно нормативным поведением показатель по этой шкале находится в пределах низкого уровня.

Например, Г.С. Салливан подчеркивает, что люди неотделимы от своего окружения, личность

формируется только в рамках межличностного общения, личность и характер находятся не «внутри» человека, а проявляются только в отношениях с другими людьми, при этом – с разными людьми по-разному. Далее, Г.С. Салливан конкретизирует, что личность проявляется исключительно в ситуациях межличностного общения, а сама личность – это сравнительно крепкий стереотип повторяемых межличностных ситуаций, которые и являются особенностью его жизни. Человеческое поведение и мышление вряд ли заключены «внутри» индивида и быстрее генерируются в процессе межличностного общения с другими индивидами. Личность формируется не вообще, а с учетом исходной специфики ее «ниши» в межличностном общении [12].

Исследователи В.Б. Никишина и И.В. Запесоцкая считают, что зависимое поведение возникает при ослаблении способности к сохранению свободы поведения, общения, выбора образа жизни. Свободу или несвободу личности характеризует пространственный аспект ее существования – пространство отношений с миром людей, живой и неживой природой. Границы личностного пространства необходимы, но они не могут быть жесткими и непроницаемыми. Если границы отсутствуют, личность растворяется, теряет свободу, независимость, автономность. При стремлении возвести стену, личность отгораживается от других и принимает или химеру негативной свободы (сверхценность свободы одного, второго, третьего...), или химеру помощи среды в виде психоактивных препаратов, отказывая себе в самодостаточности, автономности [13].

По шкале «Здоровая зависимость» показатели в первой и второй группах составили $20,8 \pm 1,21$ и $28,63 \pm 0,82$ соответственно. В обеих группах показатели с учетом доверительных интервалов находятся в пределах среднего уровня. Средний уровень здоровой зависимости является закономерным для подростков, для которых характерной особенностью векового кризиса выступает реакция протеста и негативизм.

В то же время зафиксировано достоверное снижение этого показателя в группе делинквентных подростков ($p \leq 0,001$), что свидетельствует о меньшей выраженности здоровой зависимости в данной группе. Это позволяет характеризовать представителей названной группы как менее гибких в общении, менее способных обращаться за помощью к другим в ситуации объективной необходимости; устанавливать стабильные эмоциональные отношения. Им присущ более узкий спектр поведенческих реакций, меньшая адаптивность. С нашей точки зрения, это может

быть обусловлено ситуацией воспитания в неблагополучных семьях, тогда как корни здоровой зависимости лежат в авторитетном, последовательном и надежном стиле родительского воспитания, который формирует у ребенка чувство уверенности, безопасности, а также убеждение в том, что далеко не всегда обращение к другим за помощью является признаком слабости или собственной неуспешности. Таким образом, делинквентные подростки характеризуются снижением здоровой зависимости и повышением как деструктивной зависимости, так и дисфункционального отделения, что свидетельствует, по нашему мнению, о склонности к зависимым отношениям с асоциальным окружением, которое принимает и поддерживает этих подростков, и отделением от окружения с нормативными социальными установками.

Заключение. Делинквентные подростки, в сравнении с контрольной группой, в большей степени склонны к деструктивной межличностной зависимости, характерными чертами которой являются сильная потребность в эмоциональной близости, ригидное стремление к получению помощи и поддержке на фоне того, что они постоянно чувствуют себя одинокими, слабыми и беспомощными в сложной ситуации. В то же время в этой группе выявлена большая выраженность дисфункционального отделения, которое обуславливает дефицитарность способности развивать социальные связи и привязываться к людям, причиной чего есть неосознаваемый страх перед близкими отношениями, которые ассоциируются у этих подростков с потерей себя. Делинквентным подросткам менее присуща здоровая зависимость, что позволяет характеризовать представителей этой группы как менее гибких в общении, менее способных обращаться за помощью в ситуации объективной необходимости; устанавливать стабильные эмоциональные отношения. Специфика межличностной зависимости, выявленная у делинквентных подростков, свидетельствует о склонности как к зависимым отношениям с асоциальным окружением, которое их принимает и поддерживает, так и отделению от окружения с нормативными социальными установками.

Проведенное исследование не исчерпывает всей глубины рассматриваемой проблемы, которая, принимая во внимание ее актуальность, требует дальнейшего изучения. Перспективами исследований могут стать выявление более широкого круга психологических детерминант делинквентного поведения подростков, разработка психокоррекционной программы и ее апробация.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дюркгейм, Э. Самоубийство: Социологический этюд / Э. Дюркгейм; пер. с фр. с сокр.; под ред. В.А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
2. Хорни, К. Невроз и развитие личности / К. Хорни; пер. с англ. Л.В. Трубицкой; под ред. В.Е. Кагана и Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 1998. – 374 с.
3. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / Э. Эриксон; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1996. – 344 с.
4. Макушина, О.П. Методы психологического изучения девиантного поведения / О.П. Макушина. – Воронеж, 2006. – 388 с.
5. Кочарян, А.С. Особенности полоролевой структуры личности женщин с отношениями межличностной зависимости / А.С. Кочарян, Е.В. Фролова // Наукові студії із соціальної та політичної психології. – 2007. – Вип. 16, т. 2. – С. 221–229.
6. Фролова, Е.В. Психологічні чинники і динаміка формування стосунків міжособистісної залежності у жінок: автореф. дис. ... канд. психол. наук: спец. 19.00.01 «Загальна психологія, психологія особистості, історія психології» / Е.В. Фролова; Харків. нац. ун-т імені В.Н. Каразіна. – Харків, 2008. – 19 с.
7. Кочарян, А.С. Проблема единства зависимых расстройств / А.С. Кочарян, В.В. Коровицкая // Журн. практикующего психолога. – 2005. – Вып. 11. – С. 58–71.
8. Асеева, А.Д. Социально-психологические аспекты зависимого поведения в межличностных отношениях в юношеском возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 «Социальная психология» / А.Д. Асеева; Федер. гос. бюджет. образов. учреждение высш. проф. образования «Курск. гос. ун-т». – Курск, 2014. – 24 с.
9. Асеева, А.Д. Психологические особенности личности, способствующие развитию зависимого поведения / А.Д. Асеева // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2014. – № 101. – С. 118–122.
10. Ротор, В.І. Відчуття та реакції на самотність у девіантних підлітків / В.І. Ротор // Aplikované vědecké novinky-2014: materiály X Mezinárodní vědecko-praktická konference. – Praha, 2014. – Dill. 11. – S. 46–48.
11. Ротор, В.І. Ірраціональні установки у делінквентних підлітків / В.І. Ротор // Wykształcenie i nauka bez granic-2014: materiały X Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji. – Przemysł, 2014. – Vol. 18. – S. 62–64.
12. Салливан, Г.С. Интерперсональная теория психиатрии / Г.С. Салливан. – СПб.: «Ювента». – М.: «КСП+», 1999. – 347 с.
13. Никишина, В.Б. Состояние зависимости: метапсихологический анализ / В.Б. Никишина, И.В. Запесоцкая. – Курск: КГМУ, 2012. – 252 с.

Поступила в редакцию 22.04.2016 г.

УДК 316.614:159.9.072

Методологические основания и технология изучения психосоциальной адаптации

Богомаз С.Л., Ковалевская Т.Н.*

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

*Учреждение образования «Витебский государственный орден Дружбы народов медицинский университет»

В статье анализируются различные технологии и методологические подходы изучения психологических процессов и явлений, показаны пути повышения эффективности исследования психосоциальной адаптации на различных этапах онтогенеза личности.

Цель научной работы – соотнесение методологических оснований и технологий изучения психосоциальной адаптации.

Материал и методы. Материалом исследования явились труды отечественных и зарубежных ученых, характеризующие методологические основания и технологии изучения психосоциальной адаптации. Для решения поставленной цели были использованы метод систематизации и концептуализации научных идей, сравнительный и системный анализ, описательный и аналитический подход.

Результаты и их обсуждение. Психосоциальная адаптация (ПСА) – это сложное, многокомпонентное явление. На каждом возрастном этапе изучение ПСА целесообразно проводить с применением нескольких технологий, для получения более полного представления о протекании процесса ПСА и его нарушениях, кроме того, выбранные методы должны быть адаптированы к возрасту респондента. В пользу этого говорит и понятие «конвергентные операции» (мультиметодический подход), которое означает использование в рамках исследования разнообразных методов изучения определенного вопроса. Так, слабые стороны одного метода компенсируются сильными сторонами другого, и выводы, основанные на совмещении результатов, полученных с помощью разных методов, более достоверны, чем выводы, полученные при помощи только одного метода. Применение только одного метода ставит под угрозу валидность (монометодическое искажение).

Заключение. Методологическими принципами изучения ПСА являются комплексный и системный подход, принцип динамического изучения, использование разных методов и методик, а также соотнесение полученных данных с основными критериями изучения ПСА: психологическим, характеризующим адаптацию в психологической сфере; социальным или адаптацией в социальной сфере; академическим как показателем адаптации в академической сфере.

Ключевые слова: психосоциальная адаптация, методология, метод, технология.

Methodological Bases and Technology of the Study of Psychosocial Adaptation

Bogomaz S.L., Kovalevskaya T.N.*

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

*Educational Establishment "Vitebsk State Order of Peoples' Friendship Medical University"

The article analyzes various technologies and methodological approaches to the study of psychological processes and phenomena, showing ways to improve studies of psychosocial adaptation at different stages of ontogenesis of the personality.

The purpose of research is to relate methodological bases and technology of the study of psychosocial adaptation.

Material and methods. The materials of the research were the works of domestic and foreign researchers, describing the methodological bases and technology of the study of psychosocial adaptation. To solve the goal were used: the method of systematization and conceptualization of scientific ideas, comparative and systematic analysis, descriptive and analytical approach.

Findings and their discussion. Psychosocial adaptation (PSA) is a complex, multi-component phenomenon. At every age stage it is advisable to carry out the study of PSA by using several technologies to obtain a fuller picture of PSA process and its disorders, in addition, the selected method must be adapted to the age of the respondent. In favor of the use of different methods for the study of PSA we can add the concept of "convergent operations" (multi methodological approach), which means using in the study of different methods of studying a particular issue. Thus, the weaknesses of one method are compensated by the strengths of others, based on combination of findings, obtained using different methods, are more reliable than the conclusions obtained using only one method. Using only one method endangers the validity (mono methodological distortion).

Conclusion. Methodological principles of PSA study are: comprehensive and systematic approach, the principle of dynamic study, the use of different methods and techniques, as well as the correlation of the data obtained with the basic criteria of PSA study: the psychological, characterizing the adaptation in the psychological sphere; the social or adaptation in the social sphere; the academic, as an adaptation parameter in the academic sphere.

Key words: psychosocial adaptation, methodology, method, technology.

Изучение вопросов психосоциальной адаптации (ПСА) всегда является актуальным и требует тщательного научного обоснования, поскольку процесс ПСА – это сложное, многокомпонентное явление, тесно взаимосвязанное с социализацией, самореализацией и психологическим здоровьем личности. Если его нарушение на ранних этапах онтогенеза не компенсируется со временем, то оно переходит в более глубокие нарушения, затрагивающие многосторонние функциональные психологические аспекты личности.

Адаптационные расстройства находятся в поле зрения различных специалистов, что обоснованно комплексным характером, постоянным ростом и распространенностью данных расстройств [1–4].

Одно из ключевых понятий психологии – «адаптация» – рассматривается в рамках следующих подходов: биологического, характеризующего ее как приспособление, направленное на сохранение гомеостаза организма (Ю.А. Милославский, Н.А. Свиридов, И.М. Сеченов, А.А. Ухтомский); психоаналитического, который базируется на гедонистической, гомеостатической и прагматической направленности процесса адаптации (Г. Гартман, З. Фрейд); интеракционистского, рассматривающего ее как ряд ситуативных адаптаций (Дж.Г. Мид, Г. Блумер, Т. Шибутани, И. Гофман, Л. Филипс); информационного, акцентирующего внимание на психологической готовности человека к техногенным и информационным перегрузкам (О.И. Кайлаков, А.В. Сухарев); необихевиористского, понимающего ее не только как процесс, но и как состояние

приспособления (Г. Айзенк, В. Арнолд, Р. Хэнки); деятельностного, понимающего ее в качестве основополагающего механизма различных видов деятельности (Н.Я. Семаго, С.И. Семенака, Т.В. Костяк, Л.М. Ковалева, П.В. Кузнецов, Б.Г. Мещеряков); системного, определяющего ее как сложное, полиструктурное, многоуровневое явление (Д.Н. Дубровин, М.Е. Сандомирский, А.А. Реан, А.Г. Маклаков) [5].

С позиций многоуровневого процесса рассматривают ПСА А.А. Реан и А.Г. Маклаков, выделяя адаптацию как сложное полиструктурное явление, они отмечают, что индивид может быть хорошо адаптирован в одних условиях и одновременно дезадаптирован в других. Таким образом, правомочно заключение о сложной полиструктурной модели феномена ПСА, изучение которого должно носить комплексный подход [5].

Успешная ПСА способствует благоприятным взаимоотношениям с внешним миром и миром других людей, социализации, самореализации и личностному росту. Изучая процесс ПСА, ее нарушений и способов коррекции адаптационных расстройств, возникает вопрос наличия показателей эффективности протекания данного процесса. Анализ литературы показал, что в настоящее время не определены единые критерии успешности психосоциальной адаптации. Основными критериями считают совокупность качеств, умений и навыков, необходимых для успешной жизнедеятельности (А.Л. Венгер); личностные и групповые критерии (В.В. Гриценко); медицинские, психологические, психофизиологические, социальные, педагогические критерии (Л.П. Васильева); адаптированность в личной и внеличностной сферах

(Т. Шибутани, Л. Филипс); адаптированность в психофизиологической, деятельностной и социально-психологической сферах (М.А. Дмитриева); в психологической и физиологической сферах (О.Н. Усанова, Ю.А. Ямпольская, Н.Н. Мельникова); в педагогической, социальной, психологической, физиологической сферах (Н.П. Бадьина); в академической, социальной, личностной сферах (Т.В. Дорожевец) [5].

Цель научной работы – соотнесение методологических оснований и технологий изучения психосоциальной адаптации.

Материал и методы. Материалом исследования явились труды отечественных и зарубежных ученых, характеризующие методологические основания и технологии изучения психосоциальной адаптации. Для решения поставленной цели были использованы метод систематизации и концептуализации научных идей, сравнительный и системный анализ, описательный и аналитический подход.

Результаты и их обсуждение. Методологической основой изучения ПСА адаптации в отечественной науке является культурно-историческая теория Л.С. Выготского [6]. Использование различных психодиагностических методик основывается на четком разграничении понятий «психическая адаптивность» и «психическая адаптированность». Если под психической адаптивностью понимается способность противостоять срывам психической адаптации, зависящая от врожденных и приобретенных факторов, определяющих структуру личности, то под психической адаптированностью – состояние адаптивных систем человека, подверженное изменениям под влиянием условий внешней среды. Соответственно, хорошие адаптивные способности могут быть подавлены предшествующими неудачными исходами адаптивного процесса, формированием устойчивых неадаптивных стратегий поведения [3].

Центральной проблемой в диагностике ПСА Л.С. Выготский считал изучение механизма возникновения адаптационных расстройств, проведение анализа в динамике, определение прогноза дальнейшего развития. В своих работах Л.С. Выготский, Р.Е. Левина предлагают следующие методологические принципы изучения ПСА:

- комплексный подход как всестороннее обследование интеллектуальной, познавательной, эмоциональной и других сфер активности индивида;

- системный подход – анализ составляющих и рассмотрение интегральных свойств

изучаемого явления, установление причинно-следственных связей;

- принцип динамического изучения – изучение динамики выявленных нарушений с учетом возрастных особенностей испытуемых [6; 7].

Исходя из положения об изучении ПСА на различных взаимодействующих друг с другом уровнях, обуславливающих понимание детерминант развития личности на разных этапах онтогенеза, и сложности данного феномена, мы согласны с мнением С.А. Миллера о целесообразности применения метода возрастных срезов, позволяющего выявить особенности протекания процесса ПСА на различных этапах онтогенеза личности и проследить динамику адаптационного процесса посредством собственно личностных психологических сил развития.

Согласно Н.Н. Мельниковой, предметом диагностики ПСА, определяющим основные принципы обследования и выбор методик, являются:

- уровень адаптированности (общее психическое благополучие, соответствие требованиям среды);

- нарушения адаптации (отклоняющееся поведение, уровень напряжения, фрустрированности);

- индивидуальные особенности адаптации (стили и стратегии адаптации);

- особенности протекания процесса адаптации (общее эмоциональное состояние, характер активности либо наличие эскапизма, нарушения процесса адаптации);

- адаптивный потенциал конкретной личности, который является важнейшей интегративной характеристикой психического развития [8].

В своих работах А.Г. Маклаков выделяет одной из наиболее показательных характеристик адаптивный потенциал личности, обеспечивающий успешность прохождения процесса адаптации, состоящий из таких компонентов, как моральная нормативность, коммуникативный потенциал, нервно-психическая устойчивость [4].

Снижение адаптационного потенциала сопровождается конфликтностью, тревожностью, развитием неврозов, непониманием своей социальной роли, отсутствием учебной, профессиональной самореализации, антисоциальными поступками, ухудшением психологического здоровья. Адаптивный потенциал личности определяется через оценку личностных характеристик, обеспечивающих успешность адаптации, построения продуктивного взаимодействия с окружающей средой (моральная нормативность, коммуникативность и др.) [1; 4; 8].

Многие авторы выделяют одним из компонентов изучения ПСА – коммуникативный потенциал как составляющую психосоциальной сферы, способствующую регуляции взаимодействия с внешним миром, обеспечивая контроль собственного поведения и реакции на действия других людей непосредственно в ситуации общения [1; 8].

Важным для нашей работы является сформулированный Э.М. Александровской в рамках методологического критерия принцип о том, что отсутствие показателей адаптации выступает как наличие показателей дезадаптации [5]. Показатели успешности процесса адаптации – эффективное усвоение учебной программы, школьных норм поведения, успешность социальных контактов, эмоциональное благополучие.

С этих позиций С.А. Дружилов выделяет понятия «неадаптивность» и «дезадаптивность». Неадаптивность определяется им как противоречивые отношения между целью и результатами, являющиеся при этом источником реализации и развития, проявляющиеся в надситуативной активности [5].

С точки зрения нашего исследования, интересным представляется постулат С.А. Дружилова о том, что неадаптивность может выступать как дезадаптивность в случае постоянной неуспешности реализации цели или наличия двух и более равнозначимых целей. Таким образом, отсутствие самореализации личности в заведомо обозначенной области является критерием неуспешности процесса адаптации и наличия дезадаптации [5].

Исходя из вышесказанного очевидно, что не представляется возможным изучение всех компонентов ПСА только при помощи одной конкретной методики, а также использование одних и тех же выбранных методик для различных возрастных групп.

На каждом возрастном этапе исследование ПСА целесообразно проводить с применением нескольких методик, для получения более полного представления о протекании процесса ПСА и его нарушениях, кроме того, выбранные методики должны быть адаптированы к возрасту респондента [2].

Как указывает С.А. Миллер, при выборе межсубъектного плана исследования, разные люди ставятся в разные условия, и любые обнаруженные различия отражают индивидуальные различия между испытуемыми, что применимо к методу возрастных срезов и позволяет проследить индивидуальные различия в процессе ПСА на различных этапах онтогенеза. Кроме того, С.А. Миллер предлагает использовать уравнивание для того,

чтобы испытуемые, поставленные в разные условия, были эквивалентными с самого начала исследования. Однако, как указывает С.А. Миллер, невозможно выявить все потенциально значимые переменные, добыть необходимые данные и провести необходимое уравнивание. Иными словами, существует масса переменных, и ни одному исследователю не измерить и не проконтролировать их все [9].

О пользе разнообразных методик при изучении ПСА говорит и описываемое С.А. Миллером понятие «конвергентные операции» (мультиметодический подход), которое означает применение в рамках исследования разнообразных методов изучения определенного вопроса. Так, слабые стороны одного метода компенсируются сильными сторонами другого, и выводы, основанные на совмещении результатов, полученных с помощью разных методов, более достоверны, чем выводы, полученные при помощи только одного метода. Как указывает С.А. Миллер, использование только одного метода ставит под угрозу валидность (монометодическое искажение) [9].

Рассмотрение протекания процессов адаптации на разных, взаимодействующих друг с другом уровнях крайне важно не только с позиций понимания детерминант развития личности на разных этапах онтогенеза, но и для психологии как науки в целом.

Формируя среди подрастающего поколения полноценную, целостную личность, способную внести вклад в развитие общества, преодолевать внешние препятствия и собственные слабости, в то же время мы расширяем границы самой науки, давая научное объяснение процессам, протекающим в ходе ПСА развивающейся личности.

Исходя из этого, несомненно необходима использование разнообразных методик при исследовании ПСА, построенных на индивидуально-дифференцированном подходе с учетом медицинского анамнеза, направленных на взаимодействие специалистов из разных областей, учитывающих многокомпонентную структуру процесса ПСА, а соответственно и его нарушений. Это, в свою очередь, позволит своевременно выявить и разработать комплексную систему сопровождения и коррекции ПСА на различных этапах онтогенеза личности. Тот факт, что процесс ПСА протекает в течение всей жизни индивида, поскольку человек находится в непрерывном контакте с развивающимся обществом, подтверждает необходимость изучения и сопровождения ПСА на всех возрастных этапах развития личности [5].

Заключение. Обобщая вышесказанное, можно выделить следующие критерии изучения ПСА, исследование которых возможно при применении различных методик, адаптированных к возрасту респондента:

- психологический, характеризующий адаптацию в психологической сфере (низкий уровень тревожности, развитая эмоциональная сфера, отсутствие гиперактивности, агрессии, адекватная самооценка и уровень притязаний, отсутствие тенденций к невротизации и депрессии, стрессу);

- социальный, или адаптация в социальной сфере (успешная адаптация в социуме, сформированность коммуникативных умений и навыков, высокий социометрический и социальный статус, удовлетворенность отношениями с окружающими, социальная активность, социальная самореализация);

- академический, или адаптация в академической сфере (готовность к когнитивному развитию, развитая мотивационная сфера, эффективное усвоение учебного материала, положительное отношение к новой социальной ситуации развития, принятие новой социальной роли).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ардашкин, И.Б. Содержание и методика психосоциальной работы в системе социальной работы: учеб. пособие / И.Б. Ардашкин. – Томск: ТПУ, 2004. – 156 с.
2. Простяков, А.И. К вопросу применения методики диагностики социально-психологической адаптации на практике / А.И. Простяков // Современные наукоемкие технологии. – 2007. – № 1. – С. 83–84.
3. Карвасарский, Б.Д. Клиническая психология / Б.Д. Карвасарский. – Питер, 2013. – 896 с.
4. Маклаков, А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях / А.Г. Маклаков // Психол. журн. – 2001. – Т. 22, № 1. – С. 16–24.
5. Ковалевская, Т.Н. Влияние задержки внутриутробного роста и развития плода на социально-психологическую адаптацию детей на различных этапах онтогенеза: монография / Т.Н. Ковалевская. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2015. – 226 с.
6. Левина, Р.Е. Изучение неговорящих детей / Р.Е. Левина // Хрестоматия по логопедии: в 2 т. – М., 1997. – Т. 2. – С. 23–32.
7. Выготский, Л.С. Мышление и речь: в 6 т. / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 2. – С. 6–360.
8. Мельникова, Н.Н. Диагностика социально-психологической адаптации личности: учеб. пособие / Н.Н. Мельникова. – Челябинск: ЮУрГУ, 2004. – 57 с.
9. Миллер, С.А. Психология развития: методы исследования / С.А. Миллер. – Питер, 2002. – 464 с.

Поступила в редакцию 30.03.2016 г.

УДК 159.922.8:159.923.2

Психосоциальное развитие в подростково-юношеском возрасте

Шамне А.В.

Криворожский национальный университет, Украина

В статье представлены результаты теоретического обоснования и эмпирической верификации концепции психосоциального развития в подростково-юношеском возрасте. Определены возрастные закономерности, особенности, критерии, содержание и задачи психолого-педагогического сопровождения психосоциального развития современной молодежи.

Цель исследования – теоретическое обоснование концептуальной модели психосоциального развития в подростково-юношеском возрасте, экспериментальное изучение его психологического содержания, закономерностей и структуры.

Материал и методы. Представлены результаты стандартизации авторского тест-опросника «Психосоциальное развитие в подростково-юношеском возрасте» (англ. «Psychosocial Development of Adolescents» – PDA). Процедура факторизации данных диагностики позволила определить шесть компонентов психосоциального развития, которые презентуют компоненты развития субъектности и личности в подростково-юношеском возрасте. На основе однофакторного и двухфакторного дисперсионного анализа данных диагностики описана динамика компонентов психосоциального развития в период подростково-юношеского возраста.

Результаты и их обсуждение. Выделены факторы второго порядка «психологическое благополучие–неблагополучие», «индивидуализм–социабельность», «фатализм–авторство жизни», которые презентуют способы функционирования как разрешение функциональных дихотомий развития («стремление к превосходству–социальный интерес», «самоактуализация–условные ценности», «детерминация–самоопределение»). Обосновано, что критерием конструктивного психосоциального развития в подростково-юношеском возрасте является эффективность разрешения функциональных дихотомий психосоциального развития как основных противоречий периода взросления. Доказано, что в структуре психосоциального развития субординационные уровни представлены ортогональными группами первичных факторов (структура психосоциального развития как континуума «личность–субъект»), а координационные уровни – коррелирующими вторичными факторами (способы функционирования).

Заключение. Результаты эмпирической верификации предложенной концепции подтвердили ее эвристичность относительно объяснения и прогнозирования психосоциального развития в подростково-юношеском возрасте.

Ключевые слова: психосоциальное развитие, подростково-юношеский возраст (отрочество), личность, субъект, функциональные дихотомии, стандартизация, опросник.

Psychosocial Development of Adolescents

Shamne A. V.

Kryvyi Rih National University, Ukraine

Findings of theoretical substantiation and empiric verification of the concept of psychosocial development of adolescents are presented in the article. Age features, criteria, content and tasks of psychological and pedagogical accompaniment of adolescent psychosocial development are identified.

The purpose of the research is theoretical substantiation of the concept model of adolescent psychosocial development, experimental study of its psychological content, consistency and structure.

Material and methods. Findings of the standardization of the author's questionnaire "Psychosocial development of adolescents" (PDA) are presented. The procedure of factorization of diagnostics data makes it possible to single out six components of psychosocial development which present subject and personality components in adolescence. On the basis of one factor and two factor dispersion analysis of diagnostics data dynamics of the components of adolescent psychosocial development is described.

Findings and their discussion. Second order factors "psychological welfare-failure", "individualism-sociability", "fatalism-author of one's life" are singled out, which present ways of functioning as solution of functional dichotomies of development ("striving for superiority-social interest", "self-actualization-conditional values", "determination-self determination"). It is grounded that the criterion of constructive psychosocial development of adolescents is efficiency of solving functional dichotomies of psychosocial development as basic contradictions of the period of maturation. It is proven that within the structure of psychosocial development subordinate levels are represented by orthogonal groups of primary factors (structure of psychosocial development as the continuum "personality - subject"), while coordinate levels are represented by correlating secondary factors (ways of functioning).

Conclusion. Findings of empiric verification of the suggested concept confirm its heuristics relating to explanation and forecasting of adolescent psychosocial development.

Key words: psychosocial development, adolescence, personality, subject, functional dichotomies, standardization, questionnaire.

Социально-историческая сконструированность отрочества как возрастного периода, его зависимость от культурно-исторического контекста на каждом новом этапе развития общества (Ф. Ариес, Л.С. Выготский, Н. Кле и др.) обуславливают актуальность изучения проблемы психосоциального развития в подростково-юношеском возрасте (англ. «adolescence»). Современная социальная ситуация развития, с одной стороны, усиливает противоречия, свойственные этому периоду развития и может приводить к деформациям личности, увеличению внутренних конфликтов, девиантному поведению, с другой – создает благоприятные предпосылки для развития субъектности, самоопределения, самореализации, усиливает преимущества молодежи, связанные с ее пластичностью, особой восприимчивостью к новому, способностью быть потенциалом развития культуры в пространстве и времени общественно-исторических изменений.

Значение категории психосоциального развития состоит в том, что она воплощает социокультурно обусловленное единство общественного и индивидуального потенциалов развития, ценностное значение сбалансированного сочетания процессов социализации и индивидуализации, отождествления и обособления, коллективизации и персонализации, онто- и социогенетического развития (К.А. Абульханова-Славская, А. Адлер, П. Жане, Е.Л. Инденбаум, В.А. Ильин, М.Ю. Кондратьев, А.В. Петровский, Э. Фромм, Э. Эриксон и др.).

Учитывая значимость проблемы психосоциального развития молодежи XXI века в современном трансформационном обществе, целью

исследования является теоретическое обоснование концептуальной модели психосоциального развития в подростково-юношеском возрасте, экспериментальное изучение его психологического содержания, закономерностей и структуры.

Материал и методы. Как показал теоретический анализ, проблема психосоциального развития является той «лакмусовой бумажкой», которая высвечивает концептуальные различия основных направлений психологии XX века. Сущность этих различий проявляется в наличии гносеологических противоречий (дихотомий) в объяснении структуры, генезиса, функционирования, соотношения индивидуального и социального (социальное – индивидуальное в психике), детерминации – самодетерминации (индивидуальной свободы и детерминации), внешнего и внутреннего в самосознании, ценностной системе и детерминантах развития личности. В контексте этих методологических дихотомий содержание психосоциального развития концентрируется вокруг нескольких оппозиционных интерпретаций сущности развития:

1) как последовательно субъективного, внутреннего, телеологического (доминирование внутреннего, индивидуального, самодетерминации) либо как относительно объективного, причинно обусловленного, каузального (доминирование детерминации, внешнего, социального);

2) как процесса интериоризации сущности Я извне, социального детерминизма (социоцентрическая парадигма) или самодетерминации, спонтанности развития, креативности Я (антропоцентрическая парадигма);

3) как соотношения внутри- (интра-) и межличностных (интерперсональных) отношений,

соотношения личности и группы (общества), социальной и личностной идентичности, Я и Мы, адаптивности Я, его зависимости от Мы, социальности как сущности человека или угрозы этой сущности через утрату собственной самости, соотношение индивидуального и социального опыта.

Использованы методы научного экспериментального психологического исследования психосоциального развития в подростково-юношеском возрасте.

Результаты и их обсуждение. На основе теоретического анализа западных (А. Адлер, А. Бандура, Дж.М. Болдуин, А. Валлон, П. Жане, Дж. Роттер, В. Штерн, Э. Фромм и др.) и отечественных (Г.А. Балл, Е.Б. Весна, З.С. Карпенко, С.Д. Максименко, В.С. Мухина, В.И. Слободчиков, Н.Н. Слюсаревский, В.А. Татенко и др.) теорий развития, а также концепций, в которых непосредственно представлена проблематика нашего предмета исследования [1; 2], мы определили психосоциальное развитие в подростково-юношеском возрасте как интегративный феномен, воплощающий синергичную целостность функционально-регулятивных особенностей развития подростка (юноши) как субъекта (носителя субъектной активности) и ценностно-феноменологических особенностей его развития как личности (носителя ценностно-мотивационного отношения к миру, деятельности, себе, другим).

Основные идеи концепции Е.А. Сергиенко [3] позволяют обосновать содержание психосоциального развития как социокультурно обусловленную форму становления структурно-уровневой организации континуума «личность–субъект». Это подтвердили качественный анализ и сопоставление концепций развития личности и развития субъекта (детерминанты, источники и уровни активности, компоненты, критерии, показатели), которые продемонстрировали, что процессы развития личности и субъекта имплицитно представляют различные стороны и аспекты психосоциального развития человека. Таким образом, их синтез в рамках концепта психосоциального развития как более общего (родового) понятия и как категории интегративного типа позволяет описывать содержание психосоциального развития как интеграцию *двух линий развития*:

– *развития личности*, в частности, таких обоснованных в психологии видов развития, как личностное развитие, социальное развитие, персонологическое развитие, жизненный путь, ценностно-мотивационное, социально-психологическое развитие (Г.А. Балл, И.Д. Бех, Н.И. Бобнева, Л.И. Божович, Е.Б. Весна, И.С. Кон, М.И. Лисина, С.Д. Максименко, В.С. Мухина, А.В. Петровский, С.Л. Рубинштейн, Д.И. Фельдштейн и др.);

– *развития субъекта*, в частности, таких его видов, как субъектогенез, саморазвитие, развитие самости, самоактуализация, акмеологическое и аксиологическое развитие (К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, В.А. Петровский, В.В. Селиванов, Е.А. Сергиенко, В.И. Слободчиков, В.А. Татенко и др.).

Развитие личности и субъектогенез соотносятся в содержании психосоциального развития как социальный детерминизм и спонтанность, присвоение социального опыта и его преобразование, процесс и результат интериоризации сущности личности извне и самодетерминации. Таким образом, если обобщить имеющиеся в психологии разногласия, то оказывается, что разведение развития личности и субъектогенеза как линий (видов) психосоциального развития является проявлением присущего психологии противопоставления двух подходов к пониманию процесса развития:

- развитие как присвоение социального опыта, социальных норм и ценностей (развитие личности, социальность как проявление сущности человека);

- развитие как индивидуальное раскрытие своего Я (развитие субъекта), которое осуществляется по внутренним законам развития (присвоение социальности в рассматриваемом случае представляет угрозу сущности человека через утрату собственной самости).

Итак, в результате концептуализации исследуемого феномена мы определяем психосоциальное развитие в подростково-юношеском возрасте как социокультурно обусловленную и индивидуально своеобразную форму интеграции процессов социогенеза, персоногенеза и субъектогенеза в определенных социальных макро-, мезо-, микро-условиях, которая определяет особенности взаимосвязи ценностно-мотивационного (развития личности) и регулятивно-функционального (развития субъекта) измерений в становлении целостной индивидуальности.

Исходя из этого задачи психолого-педагогического сопровождения психосоциального развития современного отрочества базируются на следующих положениях:

- 1) сущность конструктивного психосоциального развития в подростково-юношеском возрасте находится в плоскости гармонических взаимоотношений личности и субъекта, взаимовлияния их внутренних структур (социальной и субъектной) в развитии континуума «личность–субъект»;

- 2) только сочетание, нахождение оптимума между противоречивыми тенденциями (дихотомиями) психосоциального развития, является базисом гармоничной интеграции подростка

(юноши) в общество на основе единства социальной адаптации (присвоения личностью социокультурного опыта) и творчества (самореализации в его преобразовании) [4].

С целью эмпирической верификации концепции психосоциального развития был создан авторский тест-опросник «Психосоциальное развитие в подростково-юношеском возрасте» (англ. «Psychosocial Development of Adolescents» – PDA). Этапы его конструирования были такими: теоретический анализ конструкта «психосоциальное развитие»; выделение его составляющих; формулировка системы «эмпирических индикаторов» (показателей и компонентов психосоциального развития); конструирование интегральных показателей (пунктов теста); классификация испытуемых на однородные группы; оценка валидности и достоверности результатов; измерение надежности [4].

Шкалы тест-опросника «PDA» были выделены на основе результатов факторизации данных диагностики методом главных компонент с последующим «варимакс-вращением» (6 факторов первого порядка). Психометрическая проверка (выборка – 1457 представителей разных социально-возрастных групп) (таблица 1) подтвердила удовлетворительную тест-ретестовую надежность (коэффициент корреляции Спирмена на 1% уровне, коэффициент α Кронбаха в диапазоне от 0,579 до 0,688), теоретическую, содержательную (концептуальную), эмпирическую (метод контрастных групп), конвергентную и дискриминантную валидность ($p < 0,05$, $p < 0,01$) тест-опросника.

Шкалы тест-опросника «PDA» позволяют диагностировать шесть структурных (субстратных) компонентов психосоциального развития (таблица 2). Обратная процедура (от выявленных эмпирическим путем конструктов к их дальнейшей концептуальной валидации) показала, что эти шкалы презентуют компоненты становления субъектности (ощущение внутренней причинности деятельности, личный локус каузальности, внутренний локус контроля, чувство компетентности, собственные жизненные цели, ориентация на себя, автономность, саморегуляция и т.п.) (шкалы [ЭИ], [АП], [БН]) и личности (его-идентичность, осознание «Я» во времени жизни, уровень удовлетворенности жизнью, ориентация на материальные/духовные ценности, отношение к себе, своему месту в системе отношений, особенности социального взаимодействия, ценностно-мотивационная сфера, отношение к миру, людям, деятельности, направленность личности и т.п.) (шкалы [СИ], [НП], [МД]).

Однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) данных диагностики позволил установить

следующие закономерности психосоциального развития в период взросления:

1) на протяжении подростково-юношеского возраста снижается, с одной стороны, негативное самоотношение (шкала [НП]) и экстернальный локус-жизнь ([ЭИ]), с другой – субъективное благополучие и удовлетворенность жизнью ([БН]) ($p < 0,001$);

2) по большинству показателей (кроме шкалы [СИ]) определены статистически значимые отличия подростков и юношей, находящихся в специфических условиях социализации (подозреваемые и осужденные несовершеннолетние, дети-сироты и дети, лишенные родительской опеки) ($p < 0,001$);

3) основные гендерные и региональные различия зафиксированы по шкалам [АП] и [МД] ($p < 0,01$). Мальчики (особенно юношеского возраста) и исследуемые, которые проживают в городах, показали более высокий уровень ориентации на материальные ценности ([МД]) и более высокие показатели автономности, силы Я, ориентации на себя, субъектности в социальных отношениях ([АП]).

Двухфакторный дисперсионный анализ показал следующие особенности психосоциального развития в период подростково-юношеского возраста:

1) уровень экстернальности (шкала [ЭИ]) прямо связан с ориентацией на материальные ценности ([МД]) ($p < 0,001$), с негативным отношением к себе во времени (шкала [НП]) ($p < 0,001$);

2) уровень автономности (шкала [АП]) прямо связан с удовлетворенностью жизнью, деятельным отношением и доверием к миру, ощущением себя источником активности (шкала [БН]) ($p < 0,01$), ориентацией на материальные ценности, деньги, статус (шкала [МД]);

3) уровень автономности (шкала [АП]) обратно связан с уровнем социабельности, ориентацией на других, конформизмом, нормативностью поведения (шкала [СИ]) (при $p < 0,05$).

Три фактора второго порядка «психологическое благополучие–неблагополучие», «индивидуализм–социабельность», «фатализм–авторство жизни» (таблица 3) были получены путем факторизации предыдущих 6 шкал (метод главных компонент). Процедура конструктивной валидации показала, что их содержание:

1) совпадает с современными представлениями о стратегиях (стилях, ориентациях) жизни и развития во взрослости (А. Адлер, М. Берзонски, Е. Деси, В.Е. Купченко, С. Мадди, М.М. Ярушкин и др.). Например, близкими к ним являются выделенные Е. Деси каузальные ориентации (внешняя –

Таблица 1 – Количественный и качественный состав участников стандартизации тест-опросника «PDA» (n = 1457)

Группы и категории респондентов	Кол-во	Возраст	Ср. возраст
Учащиеся средних общеобразовательных школ (6–11 кл.)	432	12–17	14
Учащиеся гимназий и лицеев (8–11 кл.)	189	12–17	14,1
Учащиеся-члены Малой академии наук Украины (8–11 кл.)	27	14–17	15,3
Дети-сироты (детские дома, интернаты, приюты)	67	14–18	15,7
Подозреваемые и осужденные несовершеннолетние (СИЗО)	25	12–18	14,2
Учащиеся профессионально-технических учебных заведений	182	15–21	17,1
Студенты высших учебных заведений (вузы)	397	17–20	19,7
Военнослужащие срочной службы (курсанты)	62	18–20	19,9

Таблица 2 – Шкалы опросника PDA как компоненты континуума «личность–субъект»

Шкалы	Эмпирическое содержание
Социабельность (ориентация на других)–индивидуализм (ориентация на себя) [СИ]	Уровень социализированности, нормативности, конформная/нонконформная ориентация
Материальные ценности–духовные ценности [МД]	Внешние/внутренние, материальные/духовные ценности, экстрисивная/интрисивная мотивация
Негативное самоотношение–положительное самоотношение [НП]	Я-концепция, отношение к себе, своим неудачам, прошлому, настоящему и будущему
Экстернальный локус контроля-жизнь–локус контроля-жизнь [ЭИ]	Локус контроля, ощущение себя «пешкой» или источником деятельности
Автономность (сила Я)–поддержка (слабость Я) [АП]	Ориентация на себя/других, сила/слабость Я, личный/безличный локус-каузальности в общении
Субъективное благополучие–субъективное неблагополучие [БН]	Уровень удовлетворенности жизнью, доверие/недоверие к миру, деятельное/пассивное отношение к миру

внутренняя, автономная–подконтрольная, личная–безличная), описанные В. Купченко жизненные стратегии (стратегия самоутверждения, конформная и фаталистическая стратегии) и т.д.;

2) соответствует сущности основных возрастных задач подростково-юношеского возраста (В.В. Емельянова, Н. Кле, G. Craig, N. Newcombe, J. Hill, S. Hauser & L.A. Kilner, L. Steinberg и др.);

3) отражает различные варианты соотношения личностно-субъектных свойств (отношения и активности).

На основе идеи С.А. Капустина о функциональных дихотомиях [5] мы определили факторы второго порядка как эмпирические корреляты описанных на методологическом и конкретно-научном уровнях анализа дихотомий психосоциального развития, которые воплощают вариативность способов функционирования и поведения в подростково-юношеском возрасте.

Интерпретация методологической дихотомии «индивидуального–социального» на психологическом уровне познания представлена идеями А. Адлера о наличии противоречия между стремлением человека к фиктивной цели (преимущества над другими) и социальным интересом (дихотомия «стремление к превосходству–социальный

интерес»). В контексте задач подростково-юношеского возраста и полученных эмпирических данных мы интерпретируем ее как функциональную дихотомию «индивидуализм–социабельность».

Содержание дихотомии «внутреннего–внешнего» описано в теории К. Роджерса как противоречие между врожденной тенденцией самоактуализации и стремлением человека к ответственности качеств ее личности условным ценностям, которые навязываются ему другими людьми (дихотомия «самоактуализация–условные ценности»). В контексте возрастных задач отрочества мы интерпретируем ее как дихотомию «психологическое благополучие–неблагополучие».

Дихотомия «детерминации–самодетерминации» объясняет положение В. Франкла о противоречии между ответственностью человека за собственное самоопределение (осмысленность собственного бытия) и объективной предопределенностью его жизни различными биологическими, социальными, психологическими факторами (дихотомия «детерминация–самоопределение»). В контексте задач подростково-юношеского возраста и полученных данных факторизации мы определяем ее как дихотомию «фатализм–авторство жизни» (таблица 3).

Таблица 3 – Уровни анализа и содержание дихотомий психосоциального развития

Уровень анализа	Дихотомии психосоциального развития		
Методологический (парадигмальный)	Индивидуальное–социальное	Внутреннее–внешнее	Детерминация–самодетерминация
Теоретический (конкретно-научный)	Стремление к превосходству – социальный интерес	Самоактуализация–условные ценности	Детерминация–самоопределение
Эмпирический (факторы второго порядка)	Индивидуализм–социальность	Психологическое благополучие–неблагополучие	Фатализм–авторство жизни (субъект жизни)

Операционализация проанализированных психических феноменов в основных классических теориях личности, разработанных в различных направлениях психологии на основе анализа конкретных случаев из психотерапевтической практики, свидетельствует о высокой степени их теоретической и эмпирической достоверности и содержательной валидности.

Заключение. Исходя из полученных данных было обосновано, что критерием конструктивного психосоциального развития является эффективность нахождения подростком (юношей) баланса (компромисса) между: тенденцией к самоутверждению (стремление к превосходству) и потребностью быть принятым другими людьми; потребностью в самоактуализации и стремлением соответствовать условным ценностям; осознанием ответственности за личностное самоопределение и учетом реальных возможностей, которые диктуют биологические и социальные условия жизни.

Конструктивное разрешение этих противоречий взросления обуславливает появление важнейших новообразований подростково-юношеского возраста:

- 1) социальная интегрированность (результат оптимального решения дихотомии «стремление к превосходству–социальный интерес»);
- 2) психологическое благополучие (результат компромисса в дихотомии «самоактуализация–условные ценности»);
- 3) авторство жизни (субъект жизни) – результат оптимального решения дихотомии «детерминация–самоопределение».

Критерием неконструктивного психосоциального развития является односторонняя ориентация подростка (юноши) на реализацию стремления к достижению превосходства над другими людьми за счет социального интереса (индивидуализм); на соответствие своих качеств условным ценностям, которые разделяют другие люди, что мешает реализации тенденции самоактуализации (зависимость); на отношение к себе как к существу, которое зависит от внешних обстоятельств и людей, что мешает возможности

самоопределения и контроля над собственной жизнью (фатализм).

Исходя из сущности (методологический уровень) и содержания (конкретно-научный уровень) психосоциального развития, на эмпирическом уровне доказано, что в структуре психосоциального развития субординационные уровни представлены ортогональными группами первичных факторов (структура психосоциального развития как континуум «личность–субъект»), а координационные уровни – коррелирующими факторами второго порядка (способы функционирования).

На основе двухфакторного дисперсионного анализа определены закономерности структурно-функциональных взаимосвязей компонентов психосоциального развития и способов решения функциональных дихотомий (функционирования) в подростково-юношеском возрасте. Например, такие личностно-субъектные свойства подростков, как повышенная ориентация на себя, низкий социальный интерес, высокий индивидуализм и ориентация на материальные ценности существенно усложняют конструктивное решение дихотомии «детерминация–самоопределение» и т.п.

Высокая согласованность полученных эмпирических и теоретических результатов позволила убедительно доказать, что континуум «личность–субъект» является ресурсом решения функциональных дихотомий психосоциального развития в пользу личностно-субъектного структурирования по принципу целостности, конгруэнтности, соответствия подростка (юноши) самому себе (психосоциальная интегрированность) или по принципу неконгруэнтности, внутреннего несоответствия самому себе, другим людям и социальным нормам (психосоциальная дезинтеграция, кризисный характер психосоциального развития). Таким образом, результаты эмпирической верификации предложенной концепции подтвердили ее эвристичность относительно объяснения и прогнозирования психосоциального развития в подростково-юношеском возрасте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин, В.А. Тенденции психосоциального развития в российском обществе: монография / В.А. Ильин. – Уфа: Вагант, 2007. – 356 с.

2. Эриксон, Э.Х. Детство и общество / Э.Х. Эриксон. – 2-е изд. – СПб.: Речь, 2000. – 416 с.
3. Сергиенко, Е.А. Зрелость: молярный или модулярный подход / Е.А. Сергиенко // Феномен и категория зрелости в психологии / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. – М., 2007. – С. 13–29.
4. Шамне, А.В. Теория та практика психосоціального розвитку у підлітково-юнацькому віці: монографія / А.В. Шамне. – Київ: ТОВ «Інтерсервіс», 2015. – 488 с.
5. Капустин, С.А. Критерии нормальной и аномальной личности в психотерапии и психологическом консультировании / С.А. Капустин. – М.: Когито-Центр, 2014. – 239 с.

Поступила в редакцию 28.03.2016 г.

УДК 316.61-056.26:159.98

Возможности нарративного подхода для исследования копинг-стратегий людей с повреждением опорно-двигательного аппарата

Богомаз С.Л., Пашкович С.Ф.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье рассматриваются возможности нарративного подхода для исследования копинг-стратегий людей с ограниченными физическими возможностями, возникающими вследствие повреждения опорно-двигательного аппарата.

Цель работы – продемонстрировать возможности нарративного подхода для исследования копинг-стратегий людей с повреждением опорно-двигательного аппарата.

Материал и методы. Методологической основой является интегративная эклектика путем триангуляции – разработанная В.А. Янчуком авторская модификация подхода методологической триангуляции, представляющая комбинирование продуктивных возможностей количественных и качественных методов исследования, предполагающая использование процедур альтернативных методологий, направленных на выявление динамического, экзистенциально-феноменального и неосознаваемого аспектов изучаемого явления, за счет схватывания и уточнения тождественности значений и смыслов в системе «исследователь–исследуемый».

Результаты и их обсуждение. Одним из главных преимуществ нарративного подхода является то, что нарратив помогает справляться с неопределенностью. В процессе конструирования нарратива происходит структурирование проблемы и отношения к ней, формируется представление о содержащихся в ней путях решения. И именно возможность пересмотра отношения к проблемам и практически «переписывание» наново своей истории, предоставляемые нарративным подходом, можно использовать в работе с выбранной нами категорией клиентов. Наше исследование продемонстрировало возможности нарративного подхода для изучения копинг-стратегий людей с повреждением опорно-двигательного аппарата; показало возможности нарративного интервью в определении внутренних и внешних копинг-ресурсов, способствующих выбору правильных копинг-стратегий, обеспечивающих эффективность процесса переживания условий ограничения физических возможностей, что в свою очередь должно привести к состоянию успешной психологической адаптации. С помощью нарративного интервью были определены значимые факторы процесса психологической адаптации.

Заключение. Полученные данные помогают определять направление в выборе наиболее эффективных копинг-стратегий, позволяющих максимально использовать имеющиеся копинг-ресурсы и приблизиться к состоянию психологического комфорта.

Ключевые слова: психологическая адаптация, копинг-стратегии, механизмы психологической защиты, люди с ограниченными возможностями.

Opportunities of the Narrative Approach for the Study of Coping Strategies of People with Damage to the Musculoskeletal System

Bogomaz S.L., Pashkovich S.F.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

The article discusses the possibility of a narrative approach for the study of coping strategies of people with physical disabilities arising from damage to the musculoskeletal system.

The purpose of the article is to demonstrate the potential of the narrative approach for the study of coping strategies of people with damage to the musculoskeletal system.

Material and methods. Methodological basis of the research is integrative eclecticism by triangulation – developed by V.A. Yanchuk, author's modification of the approach of methodological triangulation that represents the combination of the productive possibilities of quantitative and qualitative research methods, involving the use of alternative procedures methodologies designed to identify dynamic, existential-phenomenal and unconscious aspects of the investigated phenomenon, by setting and verifying the identity of values and meanings in the system of the researcher – the researched.

Findings and their discussion. One of the main advantages of the narrative approach is that the narrative helps to cope with uncertainty. In the process of constructing the narrative there is structuring of the problem and the relationship thereto to form a view of the contained solutions. It is the possibility of the revision of the relation to problems and almost "rewriting" from the beginning one's own history, which is provided by the narrative approach that can be used in the work with the chosen category of clients. Our study demonstrated the potential of the narrative approach to explore the coping strategies of people with damage to the musculoskeletal system. The study showed the possibilities of narrative interviews in identifying internal and external coping resources that contribute to the correct choice of coping strategies, ensuring the effectiveness of the process of experiencing the conditions of immobility that, in turn, should lead to successful psychological adaptation. Using narrative interviews we identified significant factors of the process of psychological adaptation.

Conclusion. The obtained data allow to determine the direction in choosing the most effective coping strategies that allow maximum use of available coping resources and approach the state of psychological comfort.

Key words: coping strategies, psychological adaptation, mechanisms of psychological protection, people with disabilities.

Начиная с 60-х годов прошлого века и по сей день в научной психологической литературе появляется все больше зарубежных и отечественных исследований, посвященных изучению копинг-поведения. За рубежом проблемами совладающего поведения занимались Дж. Амирхан, М. Арнольд, Р. Лазарус, Л. Мерфи, Л. Перлин, С. Фолькман, К. Шулер и др. В отечественной психологии проблема трудных и экстремальных жизненных ситуаций разрабатывается многими авторами, опирающимися на такие понятия, как переживание, копинг-стратегии, стратегии совладания с трудными жизненными ситуациями: это Ф.В. Бассин, Ф.Б. Березин, Ф.Е. Василюк, Л.И. Вассерман, С.В. Духновский, Ц.П. Короленко, М.Ш. Магомед-Эминов, С.К. Нартова-Бочавер, Л.А. Пергаменщик, Н.Н. Пуховский, М.М. Решетников, Н.В. Тарабрина, И.А. Фурманов, В.М. Ялтонский и др. В настоящее время активно ведутся исследования по определению наиболее важных копинг-ресурсов личности и их роли в формировании успешного совпадающего со стрессом поведения. Все больше внимания уделяется изучению механизмов психологической адаптации личности во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и в условиях, осложненных различными физическими дефектами, травмами и заболеваниями.

При этом до сих пор остается насущной проблема измерения совладающего поведения и критериев оценки эффективности копингов. Данные сложности возникают в связи с тем, что психологическое познание связано с феноменами социальной жизни, и, как в связи с этим справедливо указывает В.А. Янчук, «одним из центральных, в частности, в сфере социальных наук, является вопрос – можно ли феномены социальной жизни объяснить таким же образом, как явления неживой природы?» [1]. То есть, насколько надежные и валидные данные мы можем получить о качестве и эффективности используемых конкретным человеком в трудных жизненных ситуациях копинг-стратегий с помощью количественных изме-

рений. И что самое главное – какую практическую пользу могут дать эти знания.

По мнению И.Р. Пригожина, «современная наука в целом становится все более нарративной. Прежде существовала четкая дихотомия: социальные, преимущественно нарративные науки с одной стороны, и собственно наука, ориентированная на поиск законов природы, – с другой. Сегодня эта дихотомия разрушается» [2]. Несмотря на многие существующие на данный момент неясности в отношении предмета-объекта-метода исследования, в последнее время ученые все чаще говорят о том, что нарративное составляет не дополнительную, а неотъемлемую часть психологического знания.

В большинстве исследований копинги измеряются ретроспективно. По последним данным, это искажает оценки: ретроспективно люди склонны недооценивать когнитивные и переоценивать поведенческие копинги, которые они использовали. Корреляции между экологическими и ретроспективными измерениями средние или несколько выше средних – по разным данным, в пределах 0,47–0,68 [3].

В своих последних работах Р. Лазарус настаивает на важности процессуальных измерений копингов при помощи интервью. По его мнению, хотя данные, полученные при помощи нарративных методов, не коррелируют с данными опросников, но их ценность и польза состоят в том, что они позволяют на практике предсказывать такие эффекты, например, как скорость выздоровления и наличие осложнений после хирургического вмешательства [4].

Цель статьи – продемонстрировать возможности нарративного подхода для исследования копинг-стратегий людей с повреждением опорно-двигательного аппарата.

Материал и методы. Материалом послужил многолетний опыт работы авторов с людьми с ограниченными физическими возможностями вследствие травм и заболеваний опорно-двигательного аппарата различной степени тяжести. Методологической основой являются труды отечественных

психологов, которые изучали проблемы психологии переживания (Ф.В. Бассин, Ф.Е. Василюк, Л.С. Выготский, С.В. Духновский, С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплов), зарубежных авторов, в работах которых рассматривается когнитивная теория стресса и копинга (А. Бандура, Р. Лазарус, Л. Мерфи, Г. Селье, С. Фолкман и др.); работы по исследованию копинг-поведения (Д. Амирхан, Н.А. Сирота, В.М. Ялтонский и др.); метод «обоснованной теории», предложенный социологами Б. Глезером и А. Строссом; интегративная эклектика путем триангуляции – разработанная В.А. Янчуком авторская модификация подхода методологической триангуляции, представляющая комбинирование продуктивных возможностей количественных и качественных методов исследования, предполагающая использование процедур альтернативных методологий, направленных на выявление динамического, экзистенциально-феноменального и неосознаваемого аспектов исследуемого явления, за счет схватывания и уточнения тождественности значений и смыслов в системе «исследователь–исследуемый». Методы применялись в системе, причем выбор в каждом случае обосновывался возможностью метода выявлять причинно-следственные связи изучаемых явлений. Для обработки и интерпретации полученных результатов применялся количественный и качественный анализ данных.

Результаты и их обсуждение. В поиске методов, с помощью которых можно было бы выявить закономерности успешного применения копинг-стратегий, мы постепенно пришли к выводу, что наилучший результат может быть получен с помощью детального изучения отдельных клинических случаев, в которых людям после травмы или тяжелого заболевания, приводящего к сильным ограничениям в физической сфере, удалось восстановить свое душевное равновесие, и, несмотря на трудности и эти порой очень сильные ограничения, они смогли «начать жить заново». Именно поэтому одно из предыдущих исследований мы провели с помощью качественных методов, используя нарративный подход.

Изначальная лингвистическая ориентированность психологии сейчас уже не вызывает сомнений. Однако в отличие от семиотических, психолингвистических и других линий исследования в психологии, где операциональной единицей изучения является слово, значение и смысл, в нарративном подходе ведется анализ более крупных единиц, а именно нарративов, или рассказов, построенных по принципу художественного текста.

Что касается задач, которые нарративы решают, то первая из них – это коммуникативная.

Нарративы транслируют информацию от рассказчика к слушателю: «Фридрих Шюце считает, что рассказы (истории) – обычное и широко распространенное в повседневной жизни средство общения другим людям того, что касается нас самих или нами пережито, т.е. мы прибегаем к ним как к средству для передачи информации. Поэтому можно говорить о рассказах как “элементарном институте человеческой коммуникации”, как о повседневной, привычной форме коммуникации». Необходимо заметить, что эта «информация» не тождественна содержанию рассказа, ведь некоторые вещи сообщаются и самой структурой нарратива, его жанром, ситуацией, в которой он рассказывается и так далее.

Вторая – это задача по упорядочиванию собственного опыта. Нарративы являются средством организации и соотнесения личного опыта субъекта. В связи с этим следует сказать, что в исследовании проблем людей с травмами опорно-двигательного аппарата большую ценность нарративный подход представляет именно в силу того, что позволяет упорядочить предыдущий (дотравматический) опыт и соотнести его с посттравматическим.

Для работы в интересующей нас сфере также особое значение имеют дополнительные задачи, которые решаются за счет конструирования нарратива. Следует учитывать тот факт, что нарратив выполняет задачу по самопредъявлению рассказчика как на сознательном, управляемом рассказчиком уровне, так и на уровне несознательном, не подчиненном контролю рассказчика. «В результате процесс организации и соотнесения личного опыта рассказчика подвергается многочисленным искажениям вследствие его актуальных целей взаимодействия, действия защитных механизмов, механизмов социальной желательности и т.п.» [5].

И, наконец, одним из главных преимуществ нарративного подхода в исследовании избранной нами сферы является то, что нарратив – это начало, по сути, психотерапии в процессе конструирования клиентом нарратива. Отнесенный к разряду «автотерапевтических» средств, нарратив помогает справляться с неопределенностью, создает убедительную легенду, личную «историю болезни» или рассказа об излечении. В непосредственной работе с психотерапевтом именно на рассказы клиента ложится задача структурирования и презентации проблемы и отношения к ней, представления содержащихся в ней путей ее решения, богатства выбора и прочее [6].

И именно возможность пересмотра отношения к проблемам и практически «переписывание» наново своей истории, предоставляемые narra-

тивным подходом, можно использовать в работе с выбранной нами категорией людей.

Одними из первых L. Pearlin и S. Schooler провели ряд исследований, в которых была сделана попытка измерить копинг-поведение здоровых взрослых людей в стрессовых ситуациях. Используя метод интервью, они выделили три основных копинг-стиля, соответствующих основным сферам психической деятельности: 1) поведенческие ответы, которые воздействуют на ситуацию; 2) ответы, изменяющие значение или оценку ситуации, и 3) ответы, нацеленные на контроль негативных ощущений [4]. Было замечено, что большинство людей склонно применять различные стратегии, переходя от когнитивных стратегий к эмоционально-сфокусированным, и наоборот. При этом для успешного выхода из стрессовой ситуации необходимо пропорциональное представительство каждого из указанных видов копинга. S. Folkman и R. Lazarus продемонстрировали это в своем исследовании эмоций и совладания со стрессом у студентов, сдающих экзамены. Они проводили измерения перед экзаменом, между сдачей экзамена и получением оценки и после ознакомления с экзаменационной оценкой. Авторы выяснили, что на каждом из этих этапов наблюдалось комбинированное использование сфокусированных на проблеме и на эмоциях стратегий совладания, но перед экзаменом и во время ожидания оценки доминировали разные формы комбинаций. Копинг, сфокусированный на проблеме, доминировал перед экзаменом, а сфокусированный на эмоциях – во время ожидания результатов, причем стратегия дистанцирования играла наиболее важную роль во время ожидания [7].

Как правило, в методиках измерения копингов необходимо описать конкретную стрессовую ситуацию, в других опросниках требуется обобщенный ответ («Что Вы обычно делаете в трудной ситуации»). Ситуативные оценки копингов не совпадают с диспозициональными (обобщенными) оценками, даже если испытуемых просят выделить основные стрессовые события за неделю и по ним рассчитывают интегративные баллы по копингам за неделю. Обобщенные и конкретные оценки разделяют 23–36% вариативности данных, то есть не совпадают более чем в половине случаев. И диспозициональный, и ситуативный стресс (его интегративная оценка за определенный период времени) связан с психологическим переживанием дистресса и определяется личностными переменными и особенностями когнитивной оценки ситуации, однако связь эта различна. Ситуативный копинг связан с дистрессом непосредственно, а диспозициональный – опосредствованно, через ситуативный копинг. Ситуативный копинг удается

предсказать на основе диспозиционального копинга и когнитивных оценок. Причем проблемно-ориентированные копинги связаны со вторичной оценкой ситуации (оценкой своих способностей), а дистанцирование/избегание – с первичной оценкой (оценкой ситуации). В случае ситуативных оценок копингов личностные черты (нейротизм, экстраверсия, открытость) объясняют значительную часть дисперсии проблемно-ориентированных копингов и дистанцирования/избегания. При оценке диспозиционального копинга только нейротизм и открытость слабо связаны с дистанцированием/избеганием, но не с проблемно-ориентированными копингами [8].

Необходимо признать, что сильные ограничения в физической сфере приводят к дезорганизации работы психики и, соответственно, производят сильное искажение картины мира конкретной личности. Ощущения человека, который в результате травмы или заболевания внезапно теряет возможность владеть своим телом, в некоторых случаях можно сравнить разве что с ощущениями «заживо погребенного». Такое жизненное событие не может не иметь для его субъекта психологических последствий. Оно вызывает изменение социальной ситуации развития личности, приводит к смене роли, изменению круга лиц, включенных во взаимодействие с ним, спектра решаемых им проблем и возможностей принятия им решений и ответственности, изменению его образа жизни и, наконец – его «образа Я», представления о самом себе. В таких же условиях изначально находятся те, кто имеет проблемы с опорно-двигательным аппаратом с рождения. При этом каждый случай, отличающийся своей уникальностью, имеет и некие общие закономерности, позволяющие человеку максимально быстро и успешно адаптироваться в новых условиях.

По мнению многих ученых имеется достаточно причин для того, чтобы заниматься качественным анализом. Одной из них является убежденность, основанная на исследовательском опыте. Другая причина заключается в характере изучаемой проблемы. Некоторые области исследования по самой своей сути больше подходят для качественных типов анализа [5].

Например, как можно исследовать проблемы человека, вынужденного практически начинать жизнь заново в условиях жесткого ограничения его функциональных возможностей? Есть ли смысл проводить изучение на большой выборке и выявлять некие общие способы адаптации в новых условиях жизнедеятельности, используя количественные методы исследования? По нашему мнению, смысла в таком анализе не много, так как исследуемая выборка изначально не является

однородной по составу. То есть, в отличие от, скажем, школьного класса или студенческой группы, в эту категорию люди попадают несознательно, не по своей воле. Каждый переходит в эту категорию вынужденно, внезапно, в результате различных травматических событий (дорожно-транспортные происшествия, спортивные, производственные и бытовые травмы). При этом возникают вопросы по поводу того, по каким признакам исследуемых можно объединять в какие-либо, более или менее, однородные группы. Если критерием определить физиологический уровень травмы, от которого практически в прямой зависимости находятся возможности самообслуживания и независимого функционирования, то наш опыт, полученный в процессе наблюдения за такими больными, показывает, что даже при достаточно похожих в физиологическом смысле травмах люди обладают совершенно разными навыками и возможностями. Это объясняется тем, что каждый из травмированных имеет совершенно отличный от других жизненный опыт, собственный порог болевой чувствительности и индивидуальный набор личностных качеств, которые могут совершенно по-разному влиять на процессы адаптации. Более того, поскольку в результате травмы человек теряет возможность свободно перемещаться в пространстве и самостоятельно себя обслуживать, многое зависит от его ближайшего окружения. То есть от того, как близкие организуют процесс реабилитации. Именно близкие, ибо на их плечи ложится вся тяжесть и заботы в этом нелегком деле. То есть на психологическую адаптацию и ресоциализацию в каждом отдельном случае воздействует целый комплекс факторов, о влиянии которого можно судить лишь изучая целостную картину, а не отдельные, вырванные из контекста эпизоды. И для получения этой целостной картины, по нашему мнению, необходимо применение качественных методов анализа.

Наиболее соответствующим требованиям исследований в сфере проблем людей с повреждением или заболеванием опорно-двигательного аппарата, по нашему мнению, является метод «обоснованной теории», предложенный американскими социологами Б. Глезером и А. Строссом [6].

Метод обоснованной теории относится к категории качественных. Одним из методов получения данных для анализа методом обоснованной теории является интервью. В исследовательской работе психолога интервью, пожалуй, самый необходимый инструмент. Однако научная психология, долго учившаяся у естественных наук добыванию «научного знания», в значительной степени пренебрегала челове-

скими аспектами приобретения знаний, включая информационный потенциал человеческой беседы. Если исследователь хочет узнать, как люди понимают свой мир и свою жизнь, то одним из способов для получения этого знания является беседа. В беседе-интервью исследователь слушает то, что сами люди говорят о мире, в котором живут; слышит, как они выражают свои взгляды и мнения собственными словами; узнает о их взглядах на ситуацию на работе и в семье, о их мечтах и надеждах. Более того, исследователь имеет возможность наблюдать в момент интервью эмоции и переживания испытуемого непосредственно, что позволяет превратить качественное исследовательское интервью в эффективный инструмент, направленный на то, чтобы понять мир с точки зрения собеседника, раскрыть смысл переживания человека, увидеть мир, в котором он живет, прежде чем давать ему научное объяснение.

При этом в процессе интервью опрашиваемые не только отвечают на вопросы, подготовленные исследователем, но и сами в диалоге формулируют свое представление о мире, в котором они живут. Гибкость качественного исследовательского интервью и его близость к жизненному миру опрашиваемых могут привести к знанию, которое может быть использовано для улучшения условий жизнедеятельности из-за резкого ограничения свободы действий, самостоятельности в самообслуживании и вообще всех возможностей.

Используя данный метод, любой исследователь может построить обоснованную теорию какого-то явления (феномена), выбранного им для изучения. Для этого он должен представить события, связанные с этим феноменом, в динамике, идентифицировать изменения, происходящие в нем, чтобы получить ощущение потока событий, объяснить причины и характер изменений – прогресс, регресс, стагнацию – либо отсутствие изменений в ответ на изменения действия/взаимодействия изучаемого феномена [6].

Главное отличие метода обоснованной теории от других качественных методов анализа в том, что ее цели шире, чем просто дать возможность исследователю выделить некоторые темы или разработать описательную теоретическую рамку неплотно сплетенных понятий.

Авторами данной теории были разработаны определенные аналитические процедуры для того, чтобы:

- 1) скорее построить теорию, чем просто проверить ее;
- 2) придать исследовательскому процессу строгость, необходимую для того, чтобы сделать теорию «хорошей» науки;

3) помочь аналитику преодолеть предубеждения и допущения, которые он принес в исследование, и те, которые могут проявиться в процессе исследования;

4) обеспечить обоснование, достичь плотности, развить чувствительность и интеграцию, необходимые для образования ценной, плотно соединенной объяснительной теории, непосредственно приближенной к реальности, которую она представляет [6].

Главная идея обоснованной теории состоит в том, чтобы строить теорию во время самого исследовательского процесса, «развертывать из данных» эмпирических свидетельств в конкретных жизненных ситуациях. В любой изучаемой ситуации можно обнаружить какие-либо действия или взаимодействия, которые направлены на то, чтобы справиться с феноменом, управлять им, реализовать его, реагировать на него, так как он существует в совершенно определенном контексте или в определенном ряду воспринимаемых условий.

Авторами обоснованной теории разработаны оригинальные понятия и инструменты анализа. Методика трехступенчатого кодирования выявленных в данных феноменов, имеющих отношение (релевантных) к предмету исследования, по замыслу авторов метода, способствует обобщению данных, формированию на этой основе понятий и категорий (концептуализация и категоризация). Это позволяет сокращать количество феноменов на каждом последующем этапе анализа, сужая поле анализа и постепенно связывая отдельные разрозненные события в целостную картину определенной области социальной реальности.

Как отмечалось выше, одним из достоинств метода обоснованной теории является его возможность изучать феномен в действии. Действие и взаимодействие феномена изучаются в процессе, т.е. во времени, в движении, с точки зрения следствий. Действия и взаимодействия имеют определенные свойства. Во-первых, они процессуальны, то есть пребывают в процессе постоянного развития. Поэтому их можно изучать с точки зрения следствий, с точки зрения движения или изменения во времени. Во-вторых, действие всегда является целеориентированным, то есть оно выполняется по какой-то причине – в ответ или для управления феноменом. Поэтому оно происходит посредством стратегий и тактик.

Задача исследователя состоит в том, чтобы идентифицировать в данных понятия и категории, затем раскрыть категории. Под раскрытием категории подразумевается выявление в них свойств и аналитически независимых измерений этих свойств. Далее исследователь уточняет ха-

рактеристики категории (которые авторы теории называют субкатегориями) и идентифицирует их в качестве условий, контекста, стратегий и следствий, относящихся к изучаемому феномену. Субкатегории связываются с категориями, к которым они относятся, посредством модели парадигмы. Все эти аналитические процедуры направлены на выявление и достижение плотности каузальных (описательных и понятийных) связей между категориями, их свойствами и измерениями и установление оси этих связей. В итоге мы должны прийти к достаточно определенному решению в правильности либо не правильности определенных тактик и стратегий по управлению изучаемым нами феноменом. В качестве инструмента, связывающего влияние определенного контекста с различными формами проявления феномена, авторами данной теории разработана и используется объяснительная рамка, или матрица условий. Матрица помогает строить теорию как транзакционную систему, т.е. систему или метод анализа, в которой действие и/или взаимодействие наблюдаемого феномена изучается в связи с теми условиями и следствиями, в которых они происходят.

Прослеживая в данных траекторию условий, исследователь связывает влияние определенных условий на действие/взаимодействие изучаемого феномена и следствия этого действия/взаимодействия со следующей последовательностью действий/взаимодействий. Это, по мнению авторов, является одним из отличий этой методологии от других теорий описательного характера, в которых просто сообщается, что существуют определенные условия и таким образом перед аудиторией поставлена задача «разгадать» эти связи. В соответствии с методом обоснованной теории аналитик должен идентифицировать условия в качестве каузальных, контекстуальных или промежуточных, чтобы эти условия приобрели смысл в рамках создаваемой теории, и найти в данных свидетельства влияния этих условий на феномен через действие/взаимодействие, т.е. это влияние должно быть верифицировано данными. Феномен, включенный в различные уровни матрицы, анализируют именно на тех уровнях, где в данных найдены свидетельства того, что условия и следствия данного уровня релевантны изучаемому феномену.

Выборочная стратегия обоснованной теории позволяет регулировать процесс сбора данных, принимать во внимание новые идеи, высказанные мимоходом в процессе исследования. В отличие от традиционной статистической выборки, где она определена заранее, до начала полевого этапа исследования, идея теоретической выборки заключается в том, чтобы планировать

ее гибко, адаптируя к развивающейся теории, так как, по мнению авторов, ригидная, жесткая выборка мешает развитию теории.

Согласно этой стратегии исследователь анализирует первые же порции полученных данных, что дает направление для дальнейшего поиска в сборе данных. Исследователь отбирает в теоретическую выборку те случаи или события, в которых неоднократно встречаются определенные понятия, что доказывает их значимость и теоретическую релевантность возникающей теории. Причем следует подчеркнуть, что в данном случае имеется в виду релевантность теории на данном этапе. В процедуре отбора, так же как и на всем протяжении исследования, направляющую роль играют сравнения и вопросы. Они позволяют делать теоретическую выборку на месте, т.е. интервью и наблюдение строится таким образом, чтобы сразу, «на месте», выбрать фокус, решить, о чем спрашивать и куда смотреть. Некоторые «заготовки» вопросов на месте сразу могут отпасть, показаться несущественными. Иногда исследователь случайно обнаруживает релевантные данные в поле или при чтении документов, однако он может распознать аналитическую значимость события или случая, если открыт и теоретически чувствителен к новым или чем-то отличающимся (вариациям) данным.

С целью более надежной легитимации результатов применяется комбинирование разнообразных методов, техник и процедур сбора и анализа данных, разнообразных эмпирических материалов, перспектив и наблюдателей. Здесь используются методы включенного наблюдения, глубинных тематических интервью, оригинальные процедуры сравнений и постановки вопросов, которые побуждают исследователя задаваться вопросами и скептически рассматривать свои собственные интерпретации на каждой ступени опроса.

Строя обоснованную теорию какого-либо явления, исследователь разыскивает события и случаи, указывающие на релевантные феномены, стремясь к насыщению теоретической выборки и плотности категорий и не заботясь о достижении определенного, заранее обусловленного количества таких случаев. Таким образом, репрезентативность в этой теории, по мысли ее авторов, достигается не соотношением генеральной и выборочной совокупностей, а репрезентативностью понятий. Что касается возможности применения обоснованной теории, выведенной из какой-либо конкретной предметной области, то построенная и сформулированная в определенных условиях и контекстах, она согласно принципам обоснованной теории применима именно

для этих условий и контекстов. В других условиях и контекстах теория будет требовать включения условий и контекстов, в которых действует и взаимодействует другой феномен, в матрицу условий и соответствующего изменения формулировки теории. Кроме того, обоснованная теория конкретной предметной области может быть преобразована в формальную или общую теорию и, следовательно, более широко применена, если ее данные будут дополнены данными других предметных областей. Лишь при условии, что теория умозрительно не отдалена от феномена, который она предназначена объяснить, формальная обоснованная теория может претендовать на объяснение реальности не в одной, а в ряде областей. Так, Стресс и Корбин формулируют принципы построения обоснованных теорий разных уровней и степеней абстракции. Подход с позиций обоснованной теории предоставляет чрезвычайно широкие возможности для построения теорий, во-первых, наиболее близко и полно отражающих своеобразие реальной феноменологии социального бытия личности и ее окружения, во-вторых, освобождения от давления стереотипов и рамок предшествующих теорий, в-третьих, повышения конструктивной, внутренней и внешней валидности результатов исследования [6].

И хотя ряд авторов (Н. Пиджеон, К. Хенвуд) придерживается позиции, что по отношению к обоснованной теории «не существует методологических критериев, гарантирующих абсолютную точность исследований (как количественных, так и качественных)», тем не менее этими же авторами признается возможность получения практических рекомендаций, способствующих прогрессу в познании исследуемой области. Среди этих критериев определяются: близость к данным; интегрированность теории на различных уровнях абстракции; рефлексивность; документирование; анализ теоретической выборки и негативных случаев; чувствительность к реальности участников исследования (респондентная валидность); прозрачность; убедительность [5].

Как показало наше исследование, проведенное с помощью нарративного интервью в рамках методологии «обоснованной теории», в котором приняло участие восемь человек с повреждением опорно-двигательного аппарата различной степени тяжести, значимыми факторами успешности процесса психологической адаптации являются «прошедшее время», «воспоминания о прошлом», «помощь близких», «активная деятельность».

Значимость фактора «прошедшее время» для успешной адаптации определяется следующим. Если после травмы прошло еще очень мало времени и человек находится в состоянии кри-

зиса, обусловленного непосредственно повреждением, то нельзя ему прямо, открыто заявлять, что в плане улучшения физических кондиций ему рассчитывать не на что, поэтому необходимо смириться и в большинстве случаев далее ничего не предлагается. Этого делать нельзя, потому что в это время человек живет надеждой скорого возвращения к прежнему состоянию. Естественно, осознание случившегося и трезвая оценка своего положения происходят в каждом случае по-разному. Кому-то для этого необходимо несколько месяцев, а для другого этот процесс может длиться годами.

Что касается фактора «воспоминания о прошлом», то для успешного переживания, как показывают данные исследования, они должны как можно быстрее «затираться» новым «жизненным опытом». Поэтому для травмированного необходимо, чтобы он «не зацикливался» на прошлом, а двигался в направлении будущего, как можно активнее приобретая этот новый жизненный опыт. Естественно, чем больше у травмированного будет новых впечатлений и значимых событий, тем быстрее пройдет этот процесс «затирания» или, как сказал один из респондентов, процесс «мутации».

Было выявлено, что на процесс переживания оказывают влияние также факторы социальной среды. Значимость этой группы факторов в процессе переживания человека после травмы определяется спецификой тяжелой травмы опорно-двигательного аппарата, которая заключается в том, что человек становится почти полностью зависимым от своего окружения. Поэтому роль социальных факторов из вспомогательной и поддерживающей часто переходит в процессе переживания в категорию определяющую. Уже только потому, что травмированному приходится заново выстраивать отношения со своей социальной средой. И окружение может при этом оказывать как положительное, так и очень сильное отрицательное влияние.

Как показало наше исследование, значительное и очень неоднозначное влияние на процесс переживания оказывает такой фактор, как «помощь близких». На начальном этапе без этой помощи, конечно, никак не обойтись. В острый посттравматический период человек, действительно, не может осуществлять никаких действий ввиду «свежести» травмы, но очень часто получается так, что за время вынужденного бездействия, а это, как правило, несколько месяцев, человек успевает привыкнуть к тому, что он ничего не может и продолжает пользоваться своими приобретенными в результате травмы «привилегиями». Здесь следует подчеркнуть, что во многих случаях

человек не проявляет никакой активности в плане расширения своих возможностей по инерции. Более того, ему в этом активно «помогают» близкие родственники, стараясь максимально «облегчить» страдания больного.

Помимо выше перечисленных факторов, на процесс переживания существенное влияние оказывает такой фактор, как «активная деятельность» самого травмированного. Анализ данных эмпирического исследования показал, что успешному переживанию изменений условий жизнедеятельности травмированного способствует его собственная активность, которая помогает ощущать себя действующим субъектом. Человеку, потерявшему многие возможности, важно ощущать, что, несмотря на все потери, он еще на что-то способен. Естественно, эта активность не обязательно должна проявляться в физической сфере. Можно проявить себя в сфере, требующей приложения интеллектуальных или организаторских способностей. Нынешний уровень развития техники позволяет человеку с ограниченными возможностями продемонстрировать даже некое превосходство во многих сферах (благодаря наличию возможности свободно распоряжаться своим временем, усидчивости, терпению и т.д.), например, в сфере компьютерных технологий.

Положительным фактором, способствующим успешности процесса переживания, можно считать также какое-либо занятие, в качестве действия позволяющего забыть о своем положении. Особенность, которая дает облегчение, здесь, видимо, заключается в том, что, погружаясь в какое-либо поле ощущений, лежащее вне его организма, человек полностью переключается на эти ощущения и перестает ощущать все неполадки и неудобства, связанные с повреждением. Ну и, наконец, еще одним фактором, определяющим успешность процесса переживания, является такой фактор, как наличие работы. Здесь подразумевается уже некая полезная, то есть приносящая не только себе, но и окружающим пользу деятельность, позволяющая также почувствовать свою материальную независимость. И главное здесь то, что человек при этом ощущает свою дееспособность, свои не полностью утраченные или, более того, новые возможности, часто открывающие не реализовавшийся ранее потенциал [9].

Заключение. Таким образом, наше исследование продемонстрировало возможности нарративного подхода для изучения копинг-стратегий людей с повреждением опорно-двигательного аппарата; показало возможности нарративного интервью в определении внутренних и внешних

копинг-ресурсов, способствующих выбору правильных копинг-стратегий, обеспечивающих эффективность процесса переживания условий ограничения физических возможностей, что в свою очередь должно привести к состоянию успешной психологической адаптации.

С помощью нарративного интервью было определено, что значимыми факторами успешности процесса психологической адаптации являются «прошедшее время», «воспоминания о прошлом», «помощь близких», «активная деятельность». Полученные данные позволяют определять направление в выборе наиболее эффективных копинг-стратегий, позволяющих максимально использовать имеющиеся копинг-ресурсы и приблизиться к состоянию психологического комфорта. Помимо этого, одним из главных преимуществ нарративного подхода в исследовании избранной нами сферы является то, что нарратив – это начало, по сути, психотерапии в процессе конструирования клиентом нарратива. Отнесенный к разряду «автотерапевтических» средств нарратив помогает справляться с неопределенностью, создает убедительную легенду, личную «историю болезни» или рассказ об излечении. В непосредственной работе с психотерапевтом именно на рассказы клиента ложится задача структурирования и презентации проблемы и отношения к ней, представления содержащихся в ней путей ее решения, богатства выбора и прочее. И именно возможность пересмотра отношения к проблемам

и практически «переписывание» наново своей истории, предоставляемые нарративным подходом, можно использовать в работе с выбранной нами категорией людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Янчук, В.А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: Интегративно-эклектический подход / В.А. Янчук. – Минск: Бестпринт, 2000.
2. Пригожин, И.Р. Философия нестабильности / И.Р. Пригожин // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 46–57.
3. Крюкова, Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы / Т.Л. Крюкова. – Кострома: Аванти-тул, 2007.
4. Lasarus, R. Emotions and interpersonal relationships: toward a person-centered conceptualization of emotions and coping / R. Lasarus // Journal of Personality. – 2006. – Vol. 74, № 1. – P. 9–43.
5. Квале, С. Исследовательское интервью / С. Квале. – М.: Смысл, 2003. – 301 с.
6. Стросс, А. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / А. Стросс, Дж. Корбин; пер. с англ. и послесл. Т.С. Васильевой. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
7. Pearling, L. The structure of coping / L. Pearling, C. Schooler // Journal of Health and Social Behavior. – 1978. – Vol. 19. – P. 2–21.
8. Рассказова, Е.И. Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы [Электронный ресурс] / Е.И. Рассказова, Т.О. Гордеева // Психологические исследования: электронный науч. журнал. – 2011. – № 3(17). – Режим доступа: <http://psystudy.ru>. – Дата доступа: 23.01.2012.
9. Богомаз, С.Л. Использование копинг-стратегий в психологической адаптации людей с травмой опорно-двигательного аппарата / С.Л. Богомаз, С.Ф. Пашкович // Вестн. МГУ им. А.А. Кулешова. Сер. С, Психолого-педагогические науки. – 2012. – № 2. – С. 32–43.

Поступила в редакцию 30.03.2016 г.

УДК 159.9:340.143

Взаимосвязи компонентов психологической ресурсности с типами рефлексии будущих правоохранителей

Горденко А.С., Ламаш И.В.

Харьковский национальный университет внутренних дел, Украина

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязей психологической ресурсности с типами рефлексии курсантов – будущих правоохранителей.

Цель работы – выявить взаимосвязи компонентов психологической ресурсности с дифференциальными типами рефлексии у курсантов первого и четвертого курсов.

Материал и методы. Выборку составили курсанты Харьковского национального университета внутренних дел: первая группа (30) – курсанты первого курса, вторая группа (30) – курсанты четвертого курса. Используются опросник «Психологическая ресурсность» Е.С. Штепы и опросник «Дифференциальный тип рефлексии» Д.А. Леонтьева. Для статистической обработки результатов применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты и их обсуждение. У первокурсников выявлено большее количество взаимосвязей психологической ресурсности и рефлексии. В этой группе с усилением системной рефлексии совершенствуется умение использовать базовые личностно-экзистенциальные

ресурсы с целью оказания поддержки другим людям; ослабляется базовый личностно-экзистенциальный ресурс «вера в добро» и ресурс компетентности, направленный на самореализацию в избранной профессиональной деятельности. С ослаблением интроспекции и квазирефлексии первокурсники более склонны применять базовый личностно-экзистенциальный ресурс «любовь» и ресурс компетентности «творчество». Умения обновлять и использовать собственные ресурсы совершенствуются при снижении склонности к квазирефлексии и усилении системной рефлексии. У курсантов четвертого курса с усилением системной рефлексии менее выраженным становится стремление решать проблемы на основе собственного и чужого опыта, рассматривать сущность и принципы происходящего, что подтверждает неоднозначный вклад рефлексии в формирование психологической ресурсности.

Заключение. Оптимизация и активизация психологических ресурсов курсантов в контексте рефлексивности требуют разработки соответствующих программ, направленных на актуализацию психологической ресурсности как фактора, обеспечивающего успешное профессиональное становление будущих правоохранителей. Представляется перспективным продолжение исследований в избранном направлении с учетом более широкого круга детерминант психологической ресурсности.

Ключевые слова: базовые ресурсы, курсанты, личностно-экзистенциальные ресурсы, правоохранительные органы, психологическая ресурсность, ресурсы компетентности, рефлексия.

Relationship between Components of Psychological Resourcefulness and Types of Reflection of Would-be Law Enforcement Officers

Hordenko A.S., Lamash I.V.

Kharkov National University of Internal Affairs, Ukraine

The article presents the findings of empirical study of the relationship of psychological resourcefulness with the types of reflection of cadets – would-be law enforcement officers.

The purpose of the study is to reveal the relationship of components of psychological resourcefulness with differential types of reflection of cadets of the first and fourth years.

Material and methods. The sample included cadets of Kharkov National University of Internal Affairs: the first group (30) – the cadets of the first year, the second group (30) – cadets of the fourth-year. We used the questionnaire “Psychological resourcefulness” by E.S. Shtepa and the questionnaire “Differential type of reflection” by D.A. Leontiev. Spearman’s rank correlation coefficient was used for statistical analysis of the results.

Findings and their discussion. A larger number of the first year cadets’ correlations of psychological resourcefulness and reflection were found out. In this group, with the strengthening of the systemic reflection the ability to use basic personal-existential resources to support others is improved; basic personal-existential resources “faith in the good” and the resource of competence, aimed at self-realization in chosen profession is weakened. With the weakening of introspection and quasi-reflection, cadets of the first year are more likely to use a basic personal-existential resource of “love” and the resource of competence “creativity”. The ability to update and use their own resources is improved with a decrease in the propensity to quasi-reflection and with strengthening of the systemic reflection. In the group of the fourth year cadets tendency to solve problems on the basis of their own and others’ experiences, to consider the nature and principles of what is happening, becomes less pronounced with a systemic reflection gain, which confirms the ambiguous contribution of reflection to the formation of psychological resourcefulness.

Conclusion. Optimization and activation of psychological resources of cadets in the context of reflexivity require the development of appropriate programs for the actualization of psychological resourcefulness as a factor in ensuring successful professional maturation of would-be law enforcement officers. It is a promising continuation of studies in the chosen direction, taking into account the wider spectrum of determinants of psychological resourcefulness.

Key words: basic resources, cadets, law enforcement, personal-existential resources, psychological resourcefulness, types of reflection, resources of competence.

В последнее десятилетие предметом психологических исследований все чаще становятся ресурсы и потенциалы личности, обеспечивающие эффективное решение задач адаптации, саморегуляции, самореализации. Активный интерес ученых к этой проблеме приводит к необходимости более четкого определения понятия, которое является достаточно новым в психологическом дискурсе. В современной психологии выделяют три подхода к определению понятия «ресурс» – через конструкты «мощность», «способность» и «свойство».

Все эти подходы характеризуют потенциальную доступность ресурсов, их использования в случае необходимости для достижения положительных результатов (реализации целей, удов-

летворения потребностей, снижения риска дезадаптации, обеспечения эффективности жизнедеятельности). Еще одной особенностью является то, что в качестве ресурсов могут выступать как внутренние возможности, так и внешние условия и отношения. Различные аспекты проблемы психологических ресурсов личности рассматривались в работах Л.А. Александровой, К.А. Абульхановой-Славской, Л.Е. Кузнецовой, Д.А. Леонтьева, А.Г. Маклакова, Р.С. Немова, Е.А. Петровой, Е.С. Штепы и других.

Мы разделяем точку зрения С.А. Хазовой, которая предлагает понимать ресурсы субъекта как психические свойства, то есть в качестве ресурса могут выступать только внутренние (субъектные, личностные) характеристики [1], а также согласны с Е.С. Штепой, которая определяет спо-

способность человека актуализировать собственные психологические ресурсы с целью саморазвития, самораскрытия в отношениях и оказания поддержки другим как психологическую ресурсность личности. Е.С. Штепа отмечает [2, с. 56], что психологическая ресурсность личности проявляется в ее способности к саморазвитию, умении быть компетентным в жизненных и профессиональных вопросах, автономной в принятии решений, самодостаточности в преодолении сложных жизненных ситуаций, умении поддерживать и вдохновлять других, умении быть творческой и достигать успеха и является фактором изменений личностного саморазвития.

Перспективность ресурсного подхода заключается также в том, что он позволяет перенести акцент с изучения проблем преодоления трудных, стрессовых ситуаций на вопросы, связанные с личностным развитием, с самореализацией субъекта, в частности, в профессиональной деятельности. Особую значимость изучение психологических ресурсов приобретает в контексте исследований стрессогенных профессий, в частности, в сфере правоохранительной деятельности. Использование ресурсного подхода и определение психологических факторов психологической ресурсности правоохранителей, на наш взгляд, должны стать актуальным направлением будущих исследований с целью организации ресурсного, в психологическом смысле, обеспечения профессиональной деятельности работников сил охраны правопорядка. Правоохранительная деятельность является специфическим видом профессиональной деятельности, требующим наличия и использования широкого спектра психологических ресурсов. Личностная рефлексивность в свою очередь выступает как объяснительный принцип развития самосознания и психики в целом (Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, Б.В. Зейгарник). Рефлексивные свойства характера «наиболее интимно связаны с целями жизни и деятельности, ценностными ориентациями, установками, выполняя функцию саморегулирования и контроля развития, способствуя образованию и стабилизации единства личности» [3, с. 263]. Рефлексия выступает как значимый компонент самопонимания, результатом которого является объяснение «человеком своих мыслей и чувств, мотивов поведения; умение выявлять смысл поступков; способность отвечать на причинный вопрос о своем характере, мировоззрении, отношении к себе и другим людям, а также о том, как они понимают его» [4, с. 27].

В своем исследовании А.В. Карпов выделяет разные модусы рефлексии: «...Рефлексия является такой синтетической психической реаль-

ностью, которая может выступать (и реально выступает) и как психический процесс, и как психическое свойство, и как психическое состояние одновременно, но не сводится ни к одному из них» [5, с. 48]. Именно синтез этих модусов составляет ее качественную определенность. Поэтому «рефлексия – это одновременно и уникальное свойство, присущее лишь человеку, и состояние осознания чего-либо, и процесс репрезентации психике своего собственного содержания» [5, с. 48]. В связи с этим аспект рефлексии как психического свойства автор предлагает называть рефлексивностью и изучать как независимую переменную в психологических исследованиях. Рефлексия и, соответственно, рефлексивность по направленности бывают интрапсихическими – способность к восприятию своей психики и интерпсихическими – способность понимать психику других людей.

В свою очередь Е.А. Климов подчеркивает, что рефлексивность способствует успешному выполнению профессиональной деятельности с учетом предмета, целей, средств, условий и особенностей профессиональной деятельности специалистов правоохранительной деятельности [6].

Исходя из этого представляется актуальным исследование связей рефлексивности и психологической ресурсности у будущих правоохранителей.

Цель статьи – выявить взаимосвязи компонентов психологической ресурсности личности с дифференциальными типами рефлексии у будущих правоохранителей.

Материал и методы. В исследовании участвовало 60 курсантов Харьковского национального университета внутренних дел: первая группа (30) – курсанты первого курса, вторая группа (30) – курсанты четвертого курса. Методологической основой являются труды отечественных психологов, которые изучали проблемы психологической ресурсности (Д.А. Леонтьев, С.А. Хазова, Е.С. Штепа); зарубежных авторов, в работах которых рассматриваются ресурсы личности в контексте теории стресса (К. Макпаден, Р. Лазарус, С.Е. Хобфолл и др.); работы по исследованию личностной рефлексивности (С.Л. Рубинштейн, А.В. Карпов и др.).

Нами были использованы две методики: опросник «Психологическая ресурсность личности» Е.С. Штепы, который включает следующие шкалы: уверенность в себе, доброта к людям, помощь другим, успех, любовь, творчество, вера в добро, стремление к мудрости, работа над собой, самореализация в профессии, ответственность, знание собственных психологических ресурсов, умение обновлять собственные ресурсы, умение использовать собственные ресур-

сы, общий уровень ресурсности [7, с. 293–329]; опросник «Дифференциальный тип рефлексии» Д.А. Леонтьева, направленный на диагностику системной рефлексии; интроспекции и квази-рефлексии [8].

Для статистической обработки результатов был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты и их обсуждение. Рефлексивность является одним из основных компонентов профессиональной компетентности сотрудников ОВД, как утверждает в своих научных трудах В.И. Барко [9, с. 70].

Рефлексивность рассматривается рядом исследователей как психологический ресурс. Так, Д.А. Леонтьев (2015) рассматривает рефлексивность как составляющую личностного потенциала, который является одной из характеристик, способствующих саморазвитию. По мнению М.А. Фризен (2015), личностная рефлексивность является ресурсом проектирования саморазвития, что проявляется во взаимосвязях рефлексивности с такими параметрами проектирования саморазвития, как значимые жизненные сферы, ответственность (локус контроля), внутренняя гармоничность и внутренняя честность, наличие жизненного опыта саморазвития и соответствующих деятельностных контекстов для его осуществления, субъективное восприятие пространства альтернатив. В.С. Агапов определяет рефлексивность как психолого-акмеологический ресурс личностно-профессионального развития конкурентоспособного специалиста. И.В. Кочкарева (2003) и А.А. Бехтер (2014) изучали рефлексивность как субъективный ресурс совладающего поведения специалиста; Н.М. Голубева (2015) в своих трудах рассматривала рефлексивность как адаптивный ресурс личности, обеспечивающий выработку адаптивных стратегий.

Однако исследования в данном направлении, в частности, роли рефлексивности в формировании психологической ресурсности сотрудников правоохранительных органов, представлены в научной литературе недостаточно. Исходя из этого мы сочли целесообразным рассмотреть взаимосвязи составляющих психологической ресурсности, выделенных Е.С. Штепой, с дифференциальными типами рефлексии будущих правоохранителей.

В группе курсантов-первокурсников была обнаружена негативная значимая корреляционная связь между шкалами «помощь другим» и «квазирефлексия» ($r = -0,46$; $p \leq 0,05$). Выявленная взаимосвязь позволяет предположить, что с повышением способности принимать все реалии своей жизни, уходить от резонерских спекуляций

и безосновательных фантазий, которые являются скорее формой психологической защиты и ухода от неприятной ситуации, совершенствуется умение использовать собственные базовые личностно-экзистенциальные ресурсы с целью оказания поддержки другим людям.

В этой же группе выявлены негативные значимые корреляционные связи между шкалой «любовь» и дифференциальными типами рефлексии «интроспекция» ($r = -0,64$; $p \leq 0,01$) и «квазирефлексия» ($r = -0,53$; $p \leq 0,01$), которые в свою очередь негативно коррелируют со шкалой «творчество» ($r = -0,39$; $p \leq 0,054$; $r = -0,45$; $p \leq 0,05$ соответственно). То есть курсанты-первокурсники с уменьшением озабоченности собственными переживаниями и эмоциональным состоянием, а также объектами, не имеющими отношения к актуальной жизненной ситуации, в большей степени склонны использовать такой базовый личностно-экзистенциальный ресурс, как любовь, и такой ресурс компетентности, как творчество. У курсантов-первокурсников выявлены негативные значимые корреляционные связи между продуктивным типом рефлексии «системная рефлексия» и шкалами «самореализация в профессии» ($r = -0,39$; $p \leq 0,05$) и «вера в добро» ($r = -0,41$; $p \leq 0,05$).

Установленные взаимосвязи позволяют предположить, что с усилением склонности к самодистанцированию и взгляду на себя со стороны, что позволяет охватить одновременно полюс субъекта и полюс объекта, у курсантов первого курса ослабляется ресурс компетентности, направленный на самореализацию в избранной профессиональной деятельности, и базовый личностно-экзистенциальный ресурс, ориентирующий субъекта на веру в добро. С нашей точки зрения, отмеченные негативные взаимосвязи являются вполне закономерными для курсантов первого года обучения в силу того, что с усилением способности к самодистанцированию как возможности отстраниться, посмотреть на себя со стороны в новой для них ситуации курсантами глубже осознаются профессиональные требования, их несоответствие со своими представлениями и действия по отношению к самому себе, необходимые для успешной профессиональной реализации, а также реальное содержание и специфика тех криминальных явлений, бороться с которыми предстоит будущим правоохранителям.

В группе курсантов-первокурсников выявлена негативная значимая корреляционная связь между шкалами «квазирефлексия» и «умение обновлять собственные ресурсы» ($r = -0,49$; $p \leq 0,01$), а также позитивная значимая корреляционная связь между шкалами «умение использовать

собственные ресурсы» и «системная рефлексия» ($r = 0,64$; $p \leq 0,01$). То есть обозначенные умения оперировать ресурсами в этой группе совершенствуются при снижении склонности к непродуктивному резонерству, оторванному от реальности, и усилении продуктивной, системной рефлексии, которая позволяет увидеть и оценить себя в проблемной ситуации.

Значимость системной рефлексии в правоохранительной деятельности подтверждает А.В. Буданов, который отмечает, что отсутствие у правоохранителей способности анализировать свои действия со стороны характеризует их как самоуверенных личностей с завышенной самооценкой [4].

В группе курсантов первого курса не были установлены корреляционные взаимосвязи между всеми дифференциальными типами рефлексии и такими составляющими психологической ресурсности личности, как «уверенность в себе», «доброта к людям», «успех», «стремление к мудрости», «работа над собой», «ответственность», «знание собственных ресурсов» и «общий уровень ресурсности».

В группе курсантов четвертого курса обнаружена только одна значимая корреляция, негативная по характеру, между шкалами «стремление к мудрости» и «системная рефлексия» ($r = -0,42$; $p \leq 0,05$). Исходя из характера выявленной взаимосвязи, с повышением уровня системной рефлексии в этой группе менее выраженным становится стремление благоразумно и грамотно применять свои знания, находить решения различных проблем, опираясь на свой и чужой опыт, рассматривать онтологию происходящего, что подтверждает неоднозначный вклад рефлексии в формирование ресурсности личности.

Неоднозначность роли рефлексивности и рефлексии в личностном контексте подтверждают результаты исследования А.В. Караева, который обнаружил, что высокорефлексивные субъекты в большей степени тяготеют к «отрицательно-конфликтному» и «познавательнорефлексивному» самораскрытию, а самораскрытие низкорефлексивных испытуемых может отличаться «аффилиативной» направленностью. Избирательность самораскрытия низкорефлексивных испытуемых непосредственно связана с развитием навыков общения и интеллекта.

В свою очередь избирательность самораскрытия высокорефлексивных субъектов прямо связана со степенью самоконтроля и обратно – с доверчивостью, нацеленностью на борьбу и доминантностью. Низкорефлексивные испытуемые, нацеленные на достижение высокого

положения, на доминирование, ориентируются в большей степени на самопрезентацию, чем на самораскрытие, а для менее «амбициозных» низкорефлексивных испытуемых более характерно самораскрытие. В то же время высокорефлексивные испытуемые, склонные к самопрезентации, игре на публику, скорее хотят произвести впечатление радикальности, нигилизма. В свою очередь более самостоятельные и расчетливые высокорефлексивные субъекты предпочитают естественность в общении [10, с. 55].

Объяснением полученных нами результатов может быть утверждение Е.С. Штепы, которая отмечает, что личностно-экзистенциальные ресурсы являются эмпирическим дескриптором базовых способностей человека. Е.С. Штепа считает, что ресурс «любовь» является эмпирическим дескриптором базовой способности любить, которая формируется в возрасте 20–25 лет, ресурс «доброта к людям» – базовой способности заботиться, которая формируется в возрасте 26–64 лет, ресурсы «стремление к мудрости» и «вера в добро» – базовой способности мудрость, которая формируется после 65 лет [11, с. 56].

В свою очередь М. Савчин и М. Студент отмечают, что формирование рефлексивных механизмов в профессиональной деятельности будущего специалиста сил охраны правопорядка осуществляется на разных уровнях. На первом уровне выбор и коррекция целей профессиональной деятельности происходят неконтролируемо или на низком уровне осознания. На втором уровне стихийное осуществление деятельности перерастает в нормативное и оказывается в сопоставлении ее с профессиональными образцами и эталонами. На третьем уровне формирования рефлексивных механизмов происходит интериоризация общепринятых норм, их отражение в системе собственных убеждений. На четвертом уровне (творческом) специалист находит эффективный индивидуальный стиль деятельности, ставит нестереотипные профессиональные цели, с помощью которых создает ценности, значимые для общества и для себя лично [12, с. 140].

Вместе с тем следует обратить внимание на данные, полученные С.В. Волканевским, которые свидетельствуют о том, что «рефлексивные процессы оказывают влияние и на результаты деятельности. ... высокая рефлексивность значимо связана с высокой степенью тревожности, мнительности, нейротизма и склонностью к чувству вины» [13, с. 9]. Исследователь отмечает, что профессионалы с высоким показателем общей меры выраженности рефлексии более склонны к развитию психического выгорания, т.е. высокорефлексивные индивиды находятся в «группе риска» по

отношению к негативному воздействию синдрома выгорания [13, с. 25].

Исходя из вышесказанного, следует предположить, что эффективность деятельности, обеспечивается определенным оптимумом рефлексии и рефлексивности, который обеспечивает эффективность деятельности и психологическое здоровье специалиста. Это в свою очередь требует «ухода» от хаотического развития рефлексивности профессионалов и внедрения в процесс профессиональной подготовки специфицированных программ обучения и психологического сопровождения, направленных на формирование рефлексивности и рефлексии как составляющих психологической ресурсности личности.

Заключение. Таким образом, у курсантов-первокурсников выявлено большее, однако ограниченное, количество взаимосвязей компонентов психологической ресурсности с дифференциальными типами рефлексии. В этой группе с повышением способности принимать все реалии своей жизни, уходить от резонерских спекуляций и безосновательных фантазий, которые являются скорее формой психологической защиты и ухода от неприятной ситуации, совершенствуется умение использовать собственные базовые личностно-экзистенциальные ресурсы с целью оказания поддержки другим людям.

Курсанты первого курса с уменьшением озабоченности собственными переживаниями и эмоциональным состоянием, а также объектами, не имеющими отношения к актуальной жизненной ситуации, в большей степени склонны использовать такой базовый личностно-экзистенциальный ресурс, как «любовь», и такой ресурс компетентности, как «творчество». С усилением склонности к самодистанцированию и взгляду на себя со стороны у первокурсников ослабевают ресурс компетентности, направленный на самореализацию в избранной профессиональной деятельности, и базовый личностно-экзистенциальный ресурс, ориентирующий субъекта на веру в добро. Умения обновлять и использовать собственные ресурсы в этой группе совершенствуются при снижении склонности к непродуктивному резонерству, оторванному от реальности, и усилении продуктивной, системной рефлексии, которая позволяет увидеть и оценить себя в проблемной ситуации.

В группе курсантов четвертого курса обнаружена лишь одна значимая корреляция, что свидетельствует об отделенности компонентов психологической ресурсности от процессов рефлексии. Выявленная в этой группе взаимосвязь имеет проблемный характер, так как с повышением уровня системной рефлексии в этой группе

менее выраженным становится стремление более выразительно и грамотно применять свои знания, решать проблемы на основе собственного и чужого опыта, рассматривать сущность и принципы происходящего, что подтверждает неоднозначный вклад рефлексии в формирование ресурсности личности.

Полученные результаты доказывают, что оптимизация и активизация психологических ресурсов курсантов в контексте рефлексивности требуют осуществления психодиагностической, психопрофилактической и психокоррекционной работы, направленной на актуализацию внутреннего потенциала и состояния психологической ресурсности курсантов как факторов, обеспечивающих успешное профессиональное становление будущих правоохранителей, а также психологическое здоровье и эффективность дальнейшей профессиональной деятельности.

Представляется перспективным продолжение исследований в избранном направлении с учетом более широкого круга детерминант психологической ресурсности правоохранителей, что позволит разработать комплексную программу оптимизации и активизации психологических ресурсов, необходимых для успешного профессионального самоосуществления будущих сотрудников сил охраны правопорядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хазова, С.А. Ментальные ресурсы субъекта в разные возрастные периоды: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.13 / С.А. Хазова. – М., 2014. – 56 с.
2. Штепа, О.С. Емпіричне вивчення психологічних ресурсів особистості / О.С. Штепа // Актуальні проблеми психології. Психологія особистості. Психологічна допомога особистості. – 2011. – Т. 11. – С. 335–361.
3. Ананьев, Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
4. Знаков, В.В. Самопонимание субъекта как когнитивная и экзистенциальная проблема / В.В. Знаков // Психол. журн. – 2005. – Т. 26, № 1. – С. 18–28.
5. Карпов, А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности: монография / А.В. Карпов. – М.: ИП РАН, 2004. – 310 с.
6. Климов, Е.А. Психология профессионала / Е.А. Климов. – М.: Ин-т практ. психологии; Воронеж: НПО «МОДЕК», 1996. – 400 с.
7. Штепа, О.С. Ресурс-менеджмент / О.С. Штепа. – Львів: ЛНУ імені Івана Франка, 2012. – С. 293–329.
8. Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2011. – 679 с.
9. Барко, В.І. Роль креативності у формуванні професійної компетентності / В.І. Барко // Вісн. Нац. Акад. оборони України. – 2010. – Вип. 6(19). – С. 69–76.
10. Каратеев, О.В. Структура функции самораскрытия в отношении коммуникатора / О.В. Каратеев // Актуальные проблемы управления персоналом: материалы всерос. науч.-практ. конф. – Уфа: БАГСУ, 2014. – С. 54–58.
11. Штепа, О.С. Психологічна ресурсність як контекстуальна властивість ідентичності у філософсько-психологічному дискурсі / О.С. Штепа // Вісн. Харків. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. Сер. Психологія. – 2014. – № 1095, вип. 53. – С. 54–58.

12. Савчин, М. Рефлексія як механізм вдосконалення професійної діяльності фахівця / М. Савчин, М. Студент // Педагогіка і психологія професійної освіти. – 2002. – № 2. – С. 137–146.
13. Волканевский С.В. Рефлексивность как детерминанта синдрома «психического выгорания» личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.03 / С.В. Волканевский. – Ярославль, 2011. – 26 с.

Поступила в редакцию 24.05.2016 г.

УДК 159.942:316.455:331.101.3

Взаимосвязь социально-демографических характеристик сотрудников и совладания с завистью в служебных отношениях

Микелевич Е.Б.

Учреждение образования «Полесский государственный университет»

Показатели пола, возраста и стажа по-разному связаны с конструктивными и деструктивными стратегиями совладания с завистью в служебных отношениях.

Цель исследования – выявление взаимосвязи социально-демографических характеристик сотрудников и совладания с завистью в служебных отношениях.

Материал и методы. Социально-демографические характеристики диагностировались при помощи авторской анкеты. Совладание с завистью в служебных отношениях диагностировалось при помощи методики «Совладание с завистью в служебных отношениях», адаптированной И.А. Фурмановым и Е.Б. Микелевич.

В исследовании принял участие 271 работающий человек. Это были представители разных социально-демографических групп. Из них 113 мужчин, 158 женщин в возрасте от 18 до 70 лет. Использовался корреляционный анализ по методу Спирмена.

Результаты и их обсуждение. В результате проведенного исследования нами установлено: значения возраста и стажа у сотрудников имеют отрицательные связи с показателями совладания с завистью в служебных отношениях, в частности со стратегией «Конструктивная причастность». Связей стратегии совладания с завистью в служебных отношениях «Конструктивная непричастность» и социально-демографических характеристик не выявлено; значения возраста и стажа положительно взаимосвязаны со стратегиями «Деструктивная причастность» и «Деструктивная непричастность»; взаимосвязь пола, управленческих функций и уровня заработной платы с параметрами оценки ситуации провокации зависти, интенсивности зависти и показателей конструктивных и деструктивных стратегий совладания с завистью в служебных отношениях нами не установлена.

Заключение. Показатели пола не связаны с показателями зависти в служебных отношениях. С увеличением показателей возраста и стажа возрастает вероятность использования в ситуации зависти деструктивных стратегий совладания, приносящих ущерб организации и сотруднику. Для молодых сотрудников характерны преимущественно конструктивные стратегии совладания с завистью в служебных отношениях.

Ключевые слова: зависть, зависть в служебных отношениях, стратегии совладания с завистью в служебных отношениях, социально-демографические характеристики, пол, возраст.

Correlation of Social and Demographic Characteristics of Employees with Envy Coping in Working Relationships

Mikelevich E.B.

Educational Establishment "Polesye State University"

Indicators of gender, age and work record are linked with constructive and destructive strategies of envy coping in business relations in a different way.

The objective of the research is to identify the correlation of social and demographic characteristics of employees with envy coping envy in business relations.

Material and methods. Social and demographic characteristics were diagnosed with the help of the author's questionnaire. Coping with envy in business relations was diagnosed using the method of "coping with envy in business relations" adapted by Doctor I. Fourmanov and E. Mikelevich.

The research involved 271 working people who are representatives of different social and demographic groups. Of these, 113 were men and 158 women aged from 18 to 70. We used Spearman correlation analysis method.

Findings and their discussion. As a result of the study we found out: The values of age and work record of employees have a negative relation with indicators of coping with envy in business relations, in particular with the strategy of "Constructive Involvement". Relations of envy coping strategies in the working relationship "Constructive Innocence" and social and demographic characteristics were not revealed; The values of age and work record are positively correlated with the values of the strategies "Destructive Involvement" and "Destructive Innocence"; The relationship of gender, management functions and wages with the parameters to assess the situation provoking envy, jealousy and intensity indicators of constructive and destructive envy coping strategies in working relationship was not established.

Conclusion. Gender indicators are not related to the indicators of envy in business relationships. With increasing age and experience indicators the probability of use in an envy situation of destructive coping strategies, which bring detriment to both the company and the employee, increases. Younger employees are characterized by constructive envy coping strategies in business relations.

Key words: envy, envy in business relationships, envy coping strategies in business relations, social and demographic characteristics, gender, age.

Взаимосвязь социально-демографических характеристик и зависти, с точки зрения многих исследователей, представляет собой одну из наименее изученных областей теории зависти. Результаты имеющихся немногочисленных исследований в этой сфере разнородны и противоречивы. Необходимо отметить, что в изучении зависти доминирует личностный подход, направленный на выявление зависимости зависти от личностных качеств. Так, установлено, что зависть детерминирована рядом личностных характеристик: эгоизмом, тщеславием, честолюбием, невротичностью, депрессивностью, эмоциональной неустойчивостью, раздражительностью, агрессивностью. Однако зависть как феномен в межличностных отношениях обусловлена и социально-демографическими факторами: полом, возрастом, социальным статусом, социально-психологическими особенностями среды.

Гендерные особенности зависти и завистливости в психологической литературе освещены с точки зрения выявления половой специфики склонности к зависти, предметного поля зависти, механизмов возникновения зависти, характеристики межличностных отношений субъектов зависти. Возрастные и социальные особенности зависти анализируются в работах, посвященных особенностям зависти различных социальных групп: студенчества (Н.В. Горшенина), курсантов (А.В. Пилишина), сотрудников органов внутренних дел (А.М. Иванова, М.А. Кутырев). Однако необходимо констатировать, что знания о влиянии социально-демографических факторов на проявление зависти в служебных отношениях являются дефицитными в психологии и вместе с тем актуальными и востребованными с точки зрения организационной психологии и работы с персоналом, так как они позволяют прогнозировать морально-психологический климат, что важно для эффективности функционирования организации.

Таким образом, цель нашего исследования – выявление взаимосвязи социально-демографических характеристик сотрудников

и совладания с завистью в служебных отношениях.

Материал и методы. Социально-демографические характеристики диагностировались при помощи авторской анкеты. Совладание с завистью в служебных отношениях диагностировалось при помощи методики «Совладание с завистью в служебных отношениях» (Coping with Occupational and Professional Envy – COPE), разработанной А.Л. Бооне [1] и адаптированной И.А. Фурмановым и Е.Б. Микелевич [2]. Данная методика позволяет измерить значимость (релевантность) зависти в служебных отношениях, характерные стратегии совладания с завистью в служебных отношениях:

– шкала «Значимость» (ЗН) направлена на оценку ситуации провокации зависти в служебных отношениях;

– шкала «Зависть» (ЗАВ) предполагает оценку силы (интенсивности) проявления зависти в служебных отношениях;

– шкала «Конструктивная причастность» (КП) выявляет тип совладания, выраженный в стремлении сотрудников активно самоутвердиться в ситуации зависти;

– шкала «Конструктивная непричастность» (КНП) выявляет тип совладания, связанный с тенденцией мысленно или физически удалить себя из ситуации зависти, прибегая к положительно оцениваемым способам поведения;

– шкала «Деструктивная причастность» (ДП) выявляет тип совладания, предполагающий активное применение вредных, деструктивных, способов поведения в ситуации зависти. У этого стиля есть прямые негативные последствия для организации (например, враждебность в служебных отношениях) и для сотрудника;

– шкала «Деструктивная непричастность» (ДНП) выявляет тип совладания, связанный с тенденцией мысленно или физически удалить себя из ситуации зависти, прибегая к деструктивным способам поведения.

В исследовании принял участие 271 работающий человек. Это были представители разных социально-демографических групп. Из них

113 мужчин, 158 женщин в возрасте от 18 до 70 лет. Использовался корреляционный анализ по методу Спирмена.

Результаты и их обсуждение. Гендерные различия в зависти и завистливости исследовали К. Муздыбаев, Т.В. Бескова [3–9]. Исследователи отмечают, что в обыденном сознании существует достаточно устойчивый стереотип о большей склонности к зависти женщин, нежели мужчин, что подтверждают и некоторые исследования: 54,8% респондентов убеждены, что чаще и сильнее завидуют женщины, 38,7% предполагают, что зависть не зависит от пола, и лишь 6,5% респондентов считают, что мужчины более завистливы [3, с. 87–88]. К. Муздыбаев отрицает наличие подобных различий: «Завистливость скорее всего не зависит от пола респондентов. По крайней мере, не существует надежных данных, чтобы можно было уверенно говорить, кто более завистлив – мужчины или женщины» [4, с. 43–44].

Комплексное исследование социально-демографической структуры зависти, предпринятое Т.В. Бесковой, позволяет сделать вывод об отсутствии значимых различий как в общем уровне завистливости мужчин и женщин, так и в завистливости по шкалам «зависть–неприятность» и «зависть–уныние», что совпадает с выводами К. Муздыбаева и имеет расхождение с субъективной оценкой завистливости (в массовом сознании женщины завистливей мужчин). Различия в завистливости личности по гендерному, возрастному признаку, а также в зависимости от семейного статуса выявлены лишь по отдельным предметным областям зависти, что не позволяет говорить о большей или меньшей ее выраженности в анализируемых группах [5, с. 68].

Однако половые различия существенны при сравнении механизма возникновения и развития зависти у мужчин и женщин: «... зависть у мужчин может быть представлена упрощенной схемой: «увидел–позавидовал–забыл» (ситуативная зависть), тогда как женская зависть, негативно сказывающаяся на отношении к себе, вполне может перерасти из ситуативной в навязчивую. Иначе говоря, долговременная и глобальная социальная установка женщины по отношению к другим из частного отношения «зависть» может трансформироваться в долговременную мотивационно-характерологическую личностную черту – завистливость» [5, с. 68].

Выявлены также гендерные особенности межличностных отношений субъектов зависти: завистливым мужчинам в отношениях с другими свойственен агрессивно-подозрительный стиль; завистливые женщины в межличностных отношениях проявляют подозрительно-подчиняемый

стиль. Предполагаемый уровень зависти других к себе соотносится с разными стилями межличностных отношений в зависимости от гендерной принадлежности субъектов: в мужской выборке субъекты, проявляющие эгоистично-авторитарный стиль отношений, наиболее склонны предполагать, что они являются объектом зависти других; в женской выборке ожидание предполагаемой зависти других коррелирует помимо эгоистичного и авторитарного стилей, еще и с агрессивным. У мужчин обнаруживается взаимосвязь склонности к зависти и косвенной агрессии, зависть мужчин не проявляется прямым образом, а сопровождается злобными шутками, колкостями, направленными на объект зависти, ненаправленными и неупорядоченными взрывами ярости. Если прямая агрессия всегда направлена против самой жертвы, то при косвенной агрессии жертва может и не присутствовать, а агрессия в данном случае направляется на объекты-заменители [6, с. 143].

При анализе завистливости личности по возрастным группам исследователями установлены три периода, когда данная склонность достигает максимальной степени: в 18–24, 30–34 и 55–59 лет. Анализ распределения данного явления по социальным группам показал, что самый высокий уровень завистливости свойственен студентам, а самый низкий – служащим государственного сектора экономики. Объясняется это тем, что у госслужащих обнаруживается более зрелое, адекватное отношение к успехам и превосходству других людей. У студентов, становление которых еще не завершено, такого зрелого отношения к достижениям других пока не сформировано. Поэтому чужой успех вызывает у них чувство досады и ощущение собственной неполноценности [4].

Исследователи утверждают о различиях в зависти мужчин и женщин в аспекте:

– самоотношения: у мужчин самоотношение не имеет статистически значимых связей с уровнем их зависти; у женщин, напротив, наблюдается отрицательная взаимосвязь уровня зависти с когнитивной составляющей позитивного самоотношения (положительным результатом сопоставления себя с другими), а также прямая связь с эмоциональной составляющей негативно-самоотношения (отрицательным результатом сравнения себя «реального» с теми требованиями, которые человек предъявляет самому себе);

– ценностных ориентаций: интенсивность зависти у мужчин связана с высоким уровнем значимости ценностей «интересная работа», «материально обеспеченная жизнь», «свобода»; с низким уровнем значимости ценности «счастье других» и с высоким уровнем доступности ценности

«общественное признание»; у женщин таких взаимосвязей меньше (с высоким уровнем значимости ценности «материально обеспеченная жизнь» и высоким уровнем доступности ценности «свобода»). Если у мужчин зависть возникает при рассогласовании ценностей, при фрустрации потребностей в определенных сферах («хочу, но не имею»), то у женщин это условие никак не влияет на уровень их зависти;

– механизмов психологической защиты: мужчины, склонные к зависти, используют интеллектуализацию, женщины – замещение. Наибольшее количество психологических защитных механизмов и у мужчин, и у женщин приходит в действие при их зависти к успеху у противоположного пола и социальному статусу [7, с. 239].

Результаты исследования не подтвердили связь материального достатка и завистливости, хотя, как отмечает Т.В. Бескова, принято думать (по крайней мере на уровне обыденного сознания), что бедные завидуют больше обеспеченных и причина в том, что первые имеют меньше благ. К. Муздыбаев, проводя исследование, формулирует одну из гипотез следующим образом: «Возможно, завистливость будет обусловлена депривационным фактором, т.е. малоимущие покажут большую склонность к ней». Однако, не получив убедительных доказательств, пришел к выводу, что «принцип недостаточности в материальных и социальных планах имеет весьма умеренный эффект в рамках изученных социальных групп, испытывающих материальные лишения (безработные, пенсионеры, рабочие)» [4; 8].

Проведенный теоретический анализ эмпирических исследований социально-демографических характеристик зависти и завистливости позволяет сделать вывод о том, что анализировались в основном различия в аспекте гендерных характеристик [8; 9]. Можно констатировать, что в фокусе внимания исследователей находится зависть в межличностных отношениях, за рамками научной рефлексии остался вопрос о специфике социально-демографических различий зависти именно в сфере служебных отношений. Исключение составляет исследование Р. Векчио на небольшой выборке работающих людей ($n = 111$), результаты которого показывают большую склонность к завистливости мужчин, нежели женщин. Он объясняет это тем, что, по сравнению с женщинами, мужчины больше настроены на соперничество, занятие определенного положения на работе [10, р. 219].

В ходе проведенного самостоятельного эмпирического исследования выявлена специфика связи социально-демографических характеристик

с показателями зависти в служебных отношениях. Анализ интеркорреляций позволил установить взаимосвязи показателей совладания с завистью в служебных отношениях с социально-демографическими характеристиками (таблица).

Анализ корреляционных связей позволил установить, что оценка ситуации провокации зависти в служебных отношениях (ЗН) и интенсивность зависти (ЗАВ) в служебных отношениях не связаны с показателями пола, возраста, стажа, выполнения управленческих функций, уровня заработной платы. Отсутствие связей всех показателей совладания с завистью в служебных отношениях с полом сотрудников можно объяснить тем, что современные тенденции феминизации нивелируют половые различия по отношению к карьере в целом и привычную установку о том, что только для мужчин карьерные вершины и самореализация на работе являются значимыми и ориентируют на борьбу и обеспечение собственной конкурентоспособности.

Стратегии совладания с завистью связаны с социально-демографическими характеристиками следующим образом:

возраст ($r = -0,16$; $p \leq 0,01$) и стаж ($r = -0,14$; $p \leq 0,05$) отрицательно связаны со стратегией «конструктивная причастность».

Чем моложе сотрудник и чем меньше у него стаж, тем более, вероятно, он будет использовать конструктивную причастность как стратегию совладания с завистью в служебных отношениях (завистливая реакция на профессиональные успехи коллеги вызовет желание работать более усердно и качественно, чтобы доказать свою значимость);

возраст ($r = 0,23$; $p \leq 0,01$) и стаж ($r = 0,17$; $p \leq 0,01$) обнаруживают положительные корреляционные связи со стратегией совладания «деструктивная причастность».

Чем больше показатели возраста и стажа, тем более вероятно, что сотрудник будет использовать деструктивную причастность как стратегию совладания с завистью в служебных отношениях (та ситуация, когда завистливая реакция на профессиональные успехи коллеги вызовет желание плохо отзываться о коллеге, распускать слухи, критиковать коллегу и вмешиваться в его работу, демонстрировать в противовес свои успехи и достижения, подшучивать над коллегой, говорить о незаслуженности и несправедливости его поощрения);

возраст ($r = 0,23$; $p \leq 0,01$) и стаж ($r = 0,20$; $p \leq 0,01$) положительно коррелируют со стратегией совладания «деструктивная непричастность». Чем больше показатели возраста и стажа, тем более вероятно, что сотрудник будет

Таблица – Взаимосвязь социально-демографических характеристик с показателями совладания с завистью в служебных отношениях

	Пол	Возраст	Стаж	Управленческие функции	Зарплата
ЗН	-0,08	-0,07	-0,05	-0,02	-0,05
ЗАВ	-0,04	-0,01	-0,04	-0,04	0,01
КП	-0,07	-0,16**	-0,14*	-0,09	0,01
КНП	-0,10	0,03	0,05	-0,06	0,02
ДП	-0,01	0,23**	0,17**	0,07	0,01
ДНП	0,07	0,23**	0,20**	0,02	-0,02

Примечание: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$

использовать деструктивную непричастность как стратегию совладания с завистью в служебных отношениях (та ситуация, когда завистливая реакция на профессиональные успехи коллеги вызовет желание сменить рабочее место или уволиться, чтобы не встречаться с объектом зависти, перестать усердно работать, компенсировать хоть как-то субъективную несправедливость, выпить, чтобы отвлечься от болезненных переживаний).

Заключение. Таким образом, в результате проведенного исследования связи социально-демографических характеристик и совладания с завистью в служебных отношениях установлено, что показатели пола не связаны с показателями зависти в служебных отношениях. Выявленный факт позволяет утверждать, что гендерная принадлежность не определяет оценки ситуации провокации зависти, интенсивность и совладание с завистью в служебных отношениях. Вероятно, половые различия в зависти проявляются в межличностных отношениях и нивелируются в служебных. Показатели возраста и стажа определяют стратегии совладания с завистью. Чем моложе сотрудник и меньше стаж его трудовой деятельности, тем более вероятны в ситуации зависти использование конструктивной стратегии совладания. Для молодых сотрудников зависть в служебных отношениях чаще будет выполнять стимулирующую функцию, побуждая к повышению собственной продуктивности и конкурентоспособности. С увеличением показателей возраста и стажа возрастает вероятность использования в ситуации зависти деструктивных стратегий совладания, приносящих ущерб организации и сотруднику. Это может быть связано с накоплением симптомов эмоционального выгорания, формированием апатии

к построению карьеры, снижению ценности служебных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Boone, A.L. The Green-Eyed Monster at Work: An Investigation of How Envy Relates to Behavior In the Workplace / A.L. Boone: A dissertation submitted for requirements for the degree of Doctor of Philosophy. – Virginia, George Mason University, 2005. – 111 p.
2. Фурманов, И.А. Адаптация методики «Совладание с завистью в служебных отношениях» / И.А. Фурманов, Е.Б. Микелевич // *Философия и социальные науки*. – 2016. – № 2. – С. 82–87.
3. Бескова, Т.В. Социальная психология зависти / Т.В. Бескова. – Саратов: ООО «ИЦ «Наука»», 2010. – 192 с.
4. Муздыбаев, К. Завистливость личности / К. Муздыбаев // *Психол. журнал*. – 2002. – Т. 23, № 6. – С. 38–50
5. Бескова, Т.В. Социально-демографическая структура завистливости / Т.В. Бескова // *Человек. Сообщество. Управление*. – 2011. – № 1. – С. 57–69.
6. Бескова, Т.В. Гендерные особенности межличностных отношений субъектов зависти / Т.В. Бескова // *Личность, семья, общество: вопросы современной психологии: материалы междунар. заоч. науч.-практ. конф., Новосибирск, 30 янв. 2011 г. / редкол. Н.В. Дмитриева*. – Новосибирск: Изд-во «ЭНСКЕ», 2011. – С. 140–147.
7. Бескова, Т.В. Внутренние детерминанты зависти: гендерный аспект / Т.В. Бескова // *Ананьевские чтения – 2011: Социальная психология и жизнь: материалы науч. конф., Санкт-Петербург, 18–20 окт. 2011 г. / отв. ред. А.Л. Свенцицкий*. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. – С. 237–239.
8. Бескова, Т.В. Удовлетворенность жизнью и отношение к успеху и неудачам Другого: гендерный и возрастной аспект [Электронный ресурс] / Т.В. Бескова // *Теория и практика общественного развития*. – 2013. – № 1. – Режим доступа: <http://www.teoria-practica.ru/-1-2013/psychology/beskova.pdf>. – Дата доступа: 19.05.2016.
9. Бескова, Т.В. Гендерные особенности «предметного поля» зависти / Т.В. Бескова, Ю.С. Вершинина // *Социально-психологические аспекты становления и функционирования личности / под ред. Р.М. Шамионова*. – Саратов: ИЦ «Наука», 2010. – С. 112–123.
10. Vecchio, R.P. It's not Easy Being Green: Jealousy and Envy in the Workplace / R.P. Vecchio // *Research in Personnel and Human Resources Management*. – 1995. – Vol. 13.

Поступила в редакцию 13.09.2016 г.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК;
- название статьи;
- фамилия и инициалы автора (авторов);
- организация, которую он (они) представляет (-ют);
- введение;
- раздел «Материал и методы»;
- раздел «Результаты и их обсуждение»;
- заключение;
- список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел «**Материал и методы**» включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе «**Результаты и их обсуждение**» автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В **заключении** в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. **Список литературы** должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: абзац – 1 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.

10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К статье нужно приложить экземпляр иллюстраций. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.

11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).

12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия пересылается на адрес электронной почты университета (наука@vsu.by).

13. К статье прилагаются следующие материалы:
– реферат (200–250 слов), который должен полностью передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;

- ключевые слова на языке оригинала;
- название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;

- домашний адрес автора, номер телефона, адрес электронной почты;

- рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;

- экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

16. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

INSTRUCTIONS TO THE AUTHORS

Scientific and practical journal “**Law. Economics. Psychology**” publishes articles on legal issues in all directions, topical aspects of economics and psychology, survey research materials, reports, reviews, etc. The main criteria for the feasibility of the publication are novelty and originality of the article. We publish out of turn scientific articles of the final year post-graduates (including articles, which are prepared by them in co-authorship), provided that they fully comply with the requirements applied to scientific publications.

Requirements for submitting the articles

1. Manuscripts are available in Belarusian, Russian and English.

2. Each entry must contain the following elements:

- UDC index;
- title of the article;
- surname and initials of the author (s);
- represented organization;
- introduction;
- section “Materials and Methods”;
- section “Results and Discussions”;
- conclusion;
- bibliography.

3. The title of the article should reflect its content, be concise, contain keywords that will index the article.

4. The introduction provides a brief overview of the literature on the issue, indicated previously unsolved questions, formulated and argued objective, reference to the work of other authors in recent years, as well as foreign publications.

5. Section “**Materials and Methods**” includes description of the objects and the content of the research conducted by the author (authors), as well as research methodologies and techniques.

6. In section “**Results and discussions**” the author analyzes the results in terms of their scientific novelty and compared with the corresponding known data. This section can be divided into subsections with explanatory subtitles.

7. In section “**Conclusion**” must be formulated compressed results which point the achievement of the assigned task, the novelty and the possibility of practical application.

8. **References** should include no more than 20 references. References are numbered in the order of their citation in the text. Serial numbers of links are written in square brackets by the scheme [1], [2]. References are made in accordance with the requirements of State Standard 7.1-2003. References to unpublished works and dissertations are not allowed. Full names of the copyright certificate and the deposited manuscript are indicated, as well as the name of the organization that has brought the manuscript to depositing.

9. Article are submitted in a single copy of not less than 0,35 copyright page (14000 printed characters,

including spaces between words, punctuation marks, numbers, etc.), single-spaced, font Times New Roman, size 11 pt. This volume includes the text, the tables, and the references. Drawings and diagrams must be submitted as separate files in a jpg format. Papers should be prepared in Word for Windows. Use the following format page: paragraph – 1 cm; field: top – 2,5 cm, from the bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, on the right – 2 cm.

10. Illustrations, formulas, equations should be numbered in the order of citation in the text. It is necessary to attach a copy of illustrations to the article. Figure captions, diagrams and tables are printed single-spaced. The names of tables and figures should not be abbreviated.

11. The size of all variables used in the text should comply with the International System of Units (SI).

12. In addition to the paper version of the article it is necessary to submit the electronic version of the material. The electronic and the paper versions should be identical. The electronic version should be sent to the email address of the University (nauka@vsu.by).

13. The article should be accompanied by the following materials:

- abstract (200–250 words), which should fully reproduce the content of the article, be fit for publication in the annotations to the journals separately from the article. It should have the following structure: introduction, objective, material and methods, results and discussion, conclusions;

- key words in the original language;

- name of the article, surname and name of the author (in full), place of employment, abstract and key words in English;

- the author's home address, phone number, e-mail address;

- recommendation of the department (scientific laboratories) for printing;

- expert opinion on the possibility of publishing in the press.

14. By the decision of the Editorial Board the paper is sent for review, and then initialed by a member of the Editorial Board. If the article is returned to the author for revision it does not mean that it is accepted for publication. A revised version of the article should be reviewed by the Editorial Board. The submission date is the date when the final copy the articles is given to the Editorial Board.

15. Submission of articles previously published or accepted for publication in other editions is not allowed.

16. The authors carry responsibility for the facts provided in the articles, the content and the accuracy of the information.